

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №11 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 158.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Т.А. Алпатова</i> РОССИЯ И ЗАПАД В ИДЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ КОМЕДИИ ЕКАТЕРИНЫ II «ОБМАНЩИК»	9
<i>Т.А. Алпатова</i> КОНЦЕПТ «ПОДЪЯЧИЙ» КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА САТИРИЧЕСКОГО «ТЕКСТА» А.П.СУМАРΟКОВА	12
<i>Т.А. Алпатова, Т.И. Акимова</i> ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Ю.М. ЛОТМАНА В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ «ГАЛАНТНОГО ДИАЛОГА»	15
<i>В.Д. Посельская, Е.М. Ефремова</i> ИТОГОВАЯ КНИГА СТИХОВ КАК ОСОБАЯ МЕТАЖАНРОВАЯ ФОРМА В ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ (С. ДАНИЛОВ, С. ТАРАСОВ)	18
<i>Янь Куань</i> ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ РАНИИХ РОМАНОВ В. НАБОКОВА И Г. ГАЗДАНОВА	21

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, Л.Г. Шуваева, С.Г. Аксенов, Л.Ф. Хузиахметова, В.Ф. Усманов, Е.В. Тулкубаева, Ю.С. Ременникова, Э.Ф. Якуп, А.З. Газизова</i> ВКЛАД АКАДЕМИКА РАН А.М. СТОЧИКА (1939—2015 ГГ.) В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ПО РАЗДЕЛУ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТА	26
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Ф. Усманов, Л.Г. Шуваева, Л.Ф. Хузиахметова, Э.Ф. Якуп, А.З. Газизова, В.С. Кругликова, И.М. Закиров</i> РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА БАШКОРТОСТАНА	29

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Астафьева, А.В. Блохин, Т.А. Колоскова, Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева</i> ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	32
<i>А.Г. Гилемшина</i> УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	35
<i>Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТОЙКОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ В РАБОТЕ» В РУССКОМ И ИРАНСКОМ ЯЗЫКАХ	41
<i>Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова</i> ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	44
<i>Ю.Ю. Литвиненко, Е.Ю. Некрасова, М.А. Шутяк</i> АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ИНОСТРАНЦЕВ	47
<i>А.В. Потанина</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНЕМОТЕХНИК ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	50
<i>В.В. Радченко</i> ТИПЫ И ХАРАКТЕР ОЦЕНОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	53
<i>М.А. Секерина</i> ДИСКУРС «О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ» В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	56

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Р.Ш. Болотова</i> ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	61
<i>Е.В. Машкова, И.В. Белкина, Ю.В. Яценко</i> «МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА» ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМОЙ «TO WIN» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)»	66
<i>О.П. Мотина, В.А. Саблукова</i> ОСОБЕННОСТИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	69
<i>Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин</i> УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ	72
<i>Н.В. Полторакова, С.С. Шумбасова</i> КИНОДИСКУРС КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	75
<i>М.В. Файзулаева, Л.М. Штейнгарт</i> ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ИНИЦИАЦИИ КОНТАКТА В РАМКАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА SMALL TALK	78
<i>Л.Г. Юсупова, З.Р. Ахметзадина</i> АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА “HATRED” / “НЕНАВИСТЬ” (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	82

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Е.В. Белова, Т.С. Василенко, И.В. Журавлева</i> СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ	86
<i>И.В. Варуха</i> МОДИФИКАТОР В МОДЕЛЯХ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭМОТИВОВ СТРАХА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)	89
<i>Д.Р. Гайнанова</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА АКЧА (ДЕНЬГИ) В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	92
<i>А.З. Гандалоева, Т. Ханиева</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНГУШСКОМУ ЯЗЫКУ	95
<i>М.В. Грушина, О.Г. Остапенко, О.Н. Поддубская</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ТИТУЛА РУССКОГО ЦАРЯ В АНГЛИЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ	98
<i>Э.В. Гусева</i> ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ	101
<i>К.Д. Данилова, В.В. Лебедева</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «НОС» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ	104
<i>К.Г. Егорова, Н.Е. Красильникова</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМА В КОРЕЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ)	108
<i>Н.В. Егоришина</i> ДИСКУРСИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)	111
<i>А.М. Иванова</i> ОБЩИЙ ФОНД ЧУВАШСКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА	114
<i>Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА	117
<i>Е.А. Казанцева</i> РЕЧЕВЫЕ ТРИГГЕРЫ ДИСГАРМОНИЗАЦИИ УСТНЫХ ФОРМ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	120
<i>И.В. Котельникова, Е.С. Руденко, Р.П. Аведова</i> ФУНКЦИИ КОННЕКТОРОВ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТОРНТОНА УАЙЛДЕРА «МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)	123

<i>Н.М. Краснова</i> КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 1930-ЫХ ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ)	126
<i>М.И. Кысылбаикова, Е.М. Жиркова</i> КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО, КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	129
<i>М.И. Кысылбаикова, М.П. Колодезникова</i> СТРУКТУРА МАКРОКОНЦЕПТА «ЛИДЕР» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ	132
<i>А.Л. Проводникова</i> ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	135
<i>М.И. Савостькина, С.Н. Маскаева, Н.И. Швечкова</i> ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОРДОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	138
<i>Е.Ю. Семушина</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ЭЛЛИПСИСА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	141
<i>Чжан Хундань, Л.С. Заморицкова</i> НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ	144
АННОТАЦИИ	147

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>T.A. Alpatova</i> «RUSSIA» AND «WEST» IN THE IDEAL STRUCTURE OF THE COMEDY OF CATHERINE II «THE LIES»	9
<i>T.A. Alpatova</i> CONCEPT "POD'YACHIY" AS THE KEY UNIT OF THE SATIRIAN "TEXT" BY A. SUMAROKOV	12
<i>T.A. Alpatova, T.I. Akimova</i> VALUE OF WORKS BY Y.M. LOTMAN IN DEVELOPING THE PROBLEM OF "GALLANT DIALOGUE"	15
<i>V.D. Poselskaya, E.M. Efremova</i> THE FINAL BOOK OF POEMS AS A SPECIAL META GENRE FORM IN YAKUT POETRY (S. DANILOV, S. TARASOV)	18
<i>Yan Kuan</i> THE TEMPORAL ASPECTS OF POETICS IN EARLY NOVELS OF V. NABOKOV AND G. GAZDANOV	21

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, L.G. Shuvaeva, S.G. Aksenov, L.F. Khuziahmetova, V.F. Usmanov, E.V. Tulkubaeva, Yu.S. Remennikova, E.F. Yakup, A.Z. Gazizova</i> CONTRIBUTION OF THE ACADEMICIAN OF THE RAS A.M. STOCHKA (1939–2015) IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN JOURNALISM ON HEALTH CARE, PHYSICAL CULTURE AND SPORTS	26
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.F. Usmanov, L.G. Shuvaev, L.F. Khuziahmetova, E.F. Yakup, A.Z. Gazizova, V.S. Kruglikova, I.M. Zakirov</i> THE ROLE OF JOURNALISM AT THE PRESENT STAGE IN THE DEVELOPMENT OF MEDICINE, PHYSICAL CULTURE AND SPORTS OF BASHKORTOSTAN	29

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, T.A. Koloskova, E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva</i> POTENTIAL POSSIBILITIES OF THE DIMINUTIVES WORDS IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH	32
<i>A.G. Gileshina</i> SUSTAINABLE WORD COMBINATIONS IN THE LANGUAGE OF MODERN ARAB ONLINE EDITIONS AND THE PROBLEMS OF THEIR TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE	35
<i>Jebreil Najafi, E.F. Kirov</i> PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE THEMATIC GROUP “PERSEVERANCE AND PATIENCE AT WORK” IN RUSSIAN AND IRANIAN LANGUAGES	41
<i>I.N. Dracheva, N.S. Diakova</i> PROPER NAMES IN MODERN TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE ASPECT OF LANGUAGE CONCEPTUALIZATION	44
<i>Yu.Yu. Litvinenko, E.Yu. Nekrasova, M.A. Shutiaik</i> ASSOCIATIVE FIELD «RUSSIAN LANGUAGE» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF FOREIGNERS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF FOREIGNERS	47
<i>A.V. Potanina</i> FEATURES OF MNEMONICS USE IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING	50
<i>V.V. Radchenko</i> TYPES AND NATURE EVALUATION OF POLITICAL DISCOURSE	53
<i>M.A. Sekerina</i> DISCOURSE "ON THE CULTURE OF SPEECH" IN INFORMAL INTERNET COM-MUNICATION AS A MODEL OF LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY FOR-MATION	56

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>R.Sh. Bolotova</i> TRAINING IN BUSINESS COMMUNICATION - AN INTEGRAL PART OF STUDYING ENGLISH	61
<i>E.V. Mashkova, I.V. Belkina, Y.V. Yatsenko</i> MECHANISM OF THE FRAME «ACHIEVEMENT OF SUCCESS» REPRESENTATION BY THE VERBAL LEXEMA «TO WIN» (ON THE BASIS OF THE ENGLISH LANGUAGE)	66
<i>O.P. Motina, V.A. Sablukova</i> PECULIARITIES OF PHONOLOGICAL STRUCTURE OF ENGLISH PARONYMS	69
<i>E.V. Plisov, A.M. Khamidulin</i> OUTDATED VOCABULARY IN THE GERMAN GENERAL EXPLANATORY DICTIONARY	72
<i>N.V. Poltorakova, S.S. Shumbassova</i> FILM DISCOURSE AS AN OBJECTIVE OF LINGUISTIC RESEARCH	75
<i>M.V. Faizulaeva, L.M. Shteyngart</i> DISCURSIVE PRACTICE OF CONTACT INITIATING IN SMALL TALK	78
<i>L.G. Yusupova, Z.R. Akhmetzadina</i> ACTUALIZATION OF THE EMOTIONAL CONCEPT "HATRED" (LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS)	82

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>E.V. Belova, T.S. Vasilenko, I.V. Zhuravliova</i> MEANS OF MANIPULATION IN EVERYDAY CONFLICT DISCOURSE	86
<i>I.V. Varukha</i> THE MODIFIER IN THE MODELS OF INNER FORM (ON THE EXAMPLE OF EMOTIVE EXPRESSIONS OF FEAR IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)	89
<i>D.R. Gaynanova</i> REPRESENTATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “AKCHA” (MONEY) IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE TATAR LANGUAGE.	92
<i>A.Z. Gandaloeva, T. Hanieva</i> ACTUAL PROBLEMS OF METHODS OF TEACHING THE INGUSH LANGUAGE	95
<i>M.V. Grushina, O.G. Ostapenko, O.N. Poddubskaya</i> TO THE QUESTION OF THE TRANSFER OF THE TITLE OF THE RUSSIAN TSAR IN ENGLISH WRITTEN MONUMENTS	98
<i>E.V. Guseva</i> SPIRITUAL VALUES IN MARI ESOTERIC TEXTS	101
<i>K.D. Danilova, V.V. Lebedeva</i> SEMANTIC CHARACTERISTIC OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “NOSE” IN KOREAN LANGUAGE	104
<i>K.G. Egorova, N.E. Krasilnikova</i> FEATURES OF LOAN WORDS ACTING AS A EUPHEMISM IN THE KOREAN ADVERTISING DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF INTERNET SITES OF PLASTIC SURGERY)	108
<i>N.V. Egorshina</i> DISCOURSES IN POLITICAL ACTIVITY (ON THE MATERIAL OF TEXTS OF MILITARY DIRECTION)	111
<i>A.M. Ivanova</i> GENERAL FOUNDATION OF THE CHUVASH-INTERNATIONAL ANTHROPONYMICON	114
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> ENGLISH NEOLOGISMS IN THE XXI CENTURY RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM	117
<i>E.A. Kazantseva</i> SPEECH TRIGGERS FOR DISGARMONIZATION OF CLASSROOM DISCOURSE	120
<i>I.V. Kotelnikova, E.S. Rudenko, R.P. Avedova</i> FUNCTIONS OF CONNECTORS IN THE TEXT (BASED ON THE EXAMPLE OF T. WILDER’S NOVEL “THE BRIDGE OF SAN LUIS REY”)	123

<i>N.M. Krasnova</i> CALCING AS METHOD FOR FORMATION OF TERMS IN HILL MARI IN THE 1930-S (ON THE MATERIAL OF SCHOOL TEXTBOOKS)	126
<i>M.I. Kysylbaikova, E.M. Zhirkova</i> CONCEPT “HAPPINESS” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE ENGLISH, CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS	129
<i>M.I. Kysylbaikova, M.P. Kolodeznikova</i> STRUCTURE OF THE MACROCONCEPT “LEADER” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES	132
<i>A.L. Provodnikova</i> DISTANCE EDUCATION: TASKS AND PROSPECTS	135
<i>M.I. Savostkina, N.I. Shvechkova, S.N. Maskaeva</i> INTRODUCTORY DESIGNS IN WORKS OF MORDOVIAN WRITERS: STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL ASPECTS	138
<i>E.Y. Semushina</i> PECULIARITIES OF TRANSFERENCE OF ALLUSION OF PHRASEOLOGICAL UNITS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH	141
<i>Zhang Hongdan, L.S. Zamorshchikova</i> ETHNOCULTURAL FEATURES OF FUNCTIONING OF VERBAL AND NON-VERBAL IN COMMERCIAL ADVERTISING IN CHINA	144
ABSTRACTS	147

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Т.А. Алпатова д-р филол. наук

Московский государственный областной университет,
факультет русской филологии,
кафедра русской классической литературы,
Мытищи, alpatova2005@gmail.com

**РОССИЯ И ЗАПАД В ИДЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ КОМЕДИИ ЕКАТЕРИНЫ II
«ОБМАНЩИК»**

В статье рассматривается комедия Екатерины II «Обманщик» как наиболее последовательная реализация противопоставления «Россия» и «Запад» в идейной концепции императрицы-писателя. Анализ организации речевых характеристик персонажей в контексте идейной структуры пьесы в целом выявляет, что понятия «Россия» и «Запад» носят для Екатерины этико-этнический, а не географический характер. Могут по-разному соотноситься и оцениваться в зависимости от авторской концепции. Сделаны выводы о значении творчества Екатерины в развитии представлений о культурных универсалиях «свое» и «чужое» в русской литературе последней трети XVIII века.

Ключевые слова: Екатерина II, просвещение, комедия, идейная структура пьесы, речевая характеристика.

Одной из важных тенденций изучения русской литературы последней трети XVIII века видится переосмысление литературного наследия Екатерины II [1], [3, 13-22], [5] и др. В предлагаемой статье наблюдения и выводы, по-видимому, оказываются в равной мере относящимися как к «содержательному», идеологическому, так и к художественно-эстетическому аспекту творчества Екатерины II.

В русле выделенной проблемы «Россия» и «Запад» применительно к комедиям Екатерины II необходимо иметь в виду специфичное понимание императрицей данных категорий, проявившееся не только в рассматриваемой комедии, но и во всем идеологическом дискурсе екатерининского времени. Разумеется, понятия эти носят не «географический», и даже не однозначно «национально-культурный» оттенок. Екатерина-правительница, исходя в определении культурно-этнических приоритетов в первую очередь из ситуативно изменчивых представлений о государственной «пользе», осознаваемой в основном как баланс охранительных и просветительских тенденций. И «Россия», и «Запад» в зависимости от культурно-идеологического контекста может трактоваться как нечто косное, погрязшее в предрассудках, застуживающее осуждения, и напротив, как динамичное, разумно-полезное, заслуживающее одобрения. «Россия» и «Запад» как культурно-этнические сферы оказываются попеременно в обеих этих позициях – таким образом, в творчестве Екатерины культурно-ценностная парадигма накладывается на парадигму этническую, что, в конечном итоге, и создает причудливую идейную структуру художественных сатирических сочинений императрицы-писателя.

В антимасонских комедиях (подробнее о них см.: [3, 13-22], [4, 24-42], [6, 413-426]) указанная двухуровневость идейной структуры представляется реализованной в различных возможных вариантах. Так, наиболее ориентированная на «антизападнический» контекст комедия «Обманщик» (в первую очередь за счет узнаваемых пародийно-разоблачительных намеков на Калиостро) предполагает соотношение целого ряда идейных полюсов, имеющих более или менее отчетливый ценностно-этнический характер.

Первый полюс составляют в пьесе русские персонажи-простаки, легко поддающиеся на обман в силу недостаточного осознания своего национального начала и стремления показаться «умнее» и «просвещеннее» отсталых соотечественников (Самблин, Самблина, в некоторых сценах – «друг» Самблиной, Кварков). Следующий полюс представлен русскими персонажами – носителями здравого смысла, народной смекалки и чувства собственного достоинства. Таковы, в первую очередь, герои-слуги Мавра и Дворецкий. Особого внимания заслуживает главный герой-любовник в этой пьесе, Додин. Первоначально он использует покровительство Калифалкжерстона, и даже готов заплатить ему за то, что как уважаемый в доме человек он представит Додина в качестве жениха. Однако в решающий момент герой отказывается пользоваться преимуществами обмана и, даже рискуя потерять предмет своих исканий – Софью – признается в истинных отношениях с Калифалкжерстоном: «Сам я в короткое время, из опытов спознал и чистосердечно вам признаюсь, что нахожусь в удивлении, как попался к нему в питомцы» [2, 289].

Полюс «Запада» представлен еще более причудливо и по-своему многослойно. В комедии присутствуют два очевидно «западных» представителя – учителя-французы Роти и мадам Грибуж; оба выполняют двойственную функцию. По отношению ко лживым речам Калифалкжерстона они, особенно в начале комедии, представляются куда более здравомыслящими и пытаются остановить и образумить чрезмерно легковверного Самблина. Наряду с этим голосом здравого смысла, Роти и Грибуж выполняют также роль своеобразных шутовских «двойников» Калифалкжерстона, всегда готовых поддержать его своими замечаниями: «велик шеловек», «умен шеловек» и т.п.

Очень интересной и необычной представляется в комедии и фигура Калифалкжерстона.

Из контекста культурно-исторического фона и самой сюжетной ситуации пьесы ясно, что этот человек принадлежит иной – не национальной – этнокультурной среде. Эту оценку Екатерина дает всему явлению масонства, мартинизма, на что указывает комическая языковая игра в первом действии пьесы, когда Мавра пытается объяснить, с кем именно связался увлеченный странными идеями Самблин: «Господин мой знает, только весьма потаенно... с какими-то людьми... как бишь... Миф... миш... мид... мыт... мяр... март... марты... чуть не сказала, с мартышками» [2, 271].

Однако Екатерина последовательно избегает в речи самого Калифалкжерстона как «ломаного» русского языка (это не «шут» вроде Роте или мадам Грибуж), так и собственно иноязычных слов – «непонятность» его речи формируется за счет нелепости, неразумности, бессмысленности самого высказывания – языковая игра в данном случае была бы избыточна: «Искусство наше неизмеримое», «Сила наша действует повсюду», «Качества наши суть количества, аки девятое число с исчислениями» [2, 273] (примечательна и реакция на это других персонажей: «Сие похоже на сумасшествие»).

Хитрость, коварство, жадность, беззастенчивость со стороны лукавых «выходцев» из западных стран, устремившихся в богатую, благоденствующую Россию в поисках золота, алмазов, которые буквально «россыпями» находятся в домах, подобных дому Самблина, и могут «кипеть» в котлах, добавляться туда целыми горстями – таково истинное «лицо» Запада, столкнувшись с которым «русский простак» должен быть особенно осторожным, умерить свое природное радушие, доброжелательность и гостеприимство, поверить в собственный здравый смысл и удержаться от того, чтобы довериться бредням обманщика – по обычаю тогдашней дидактической комедии Екатерина прямо высказывает этот «урок» в последней реплике Додина, становящегося таким образом в пьесе на место протагониста: «Обман сей в свете, чаю, не есть новый... но едва не берет ли он по временам на себя виды только разные <...> Разумен тот из нас, кто не всегда по моде следует предубеждению» [2, 299].

Таким образом, идейная структура комедии «Обманщик» реализует достаточно неоднозначную, внутренне противоречивую концепцию Екатерины, своеобразным опознавательным знаком которой оказывается ее изменчивость, способность вмещать принципиально различное фактическое наполнение в зависимости от того, что в данный

момент представляется «разумным» и «полезным». Используя возможности речевой характеристики, Екатерина воссоздает конфликт «своего» и «чужого» как в мировоззрении отдельного героя, так и в системе персонажей в целом. «Свое» и «чужое», раскрывающиеся как «разумное» и «неразумное», «полезное» и «вредоносное», и оказываются в конечном итоге определяющими в культуротворческих стратегиях Екатерины II, что и определило идейную структуру ее драматургии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».
The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No. 18-012-00452 "Catherine II: personality, creativity, era. Encyclopedic dictionary".

Список литературы

1. *Акимов Т.А.* Авторские стратегии Екатерины II в прозе, эпистолярной, драматургии. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева, 2015. 88 с.
2. *Екатерина II.* Сочинения / сост., вступ. ст. О.Н.Михайлова. М.: Советская Россия, 1990. 384 с.
3. *Кашкина Л.И.* Екатерина II как комедиограф: (Идейно-художественное своеобразие комедии "Обманщик") // Традиции в русской литературе. Н.Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2002. С. 13-22.
4. *Приказчикова Е.Е.* Массоны и Екатерина II: литературный диалог власти и общества // Е.Р. Дашкова и развитие культуры в эпоху Просвещения. М. Московский гуманитарный институт им. Е.Р.Дашковой, 2016. С. 24-42.
5. *Проскурина В.Ю.* Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 253 с.
6. *Шруба М.* Антимассонские комедии Екатерины II как драматический цикл // Вереница литер. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 413-426.

10.01.01

Т.А. Алпатова д-р филол. наук

Московский государственный областной университет,
факультет русской филологии,
кафедра русской классической литературы,
Мытищи, alpatova2005@gmail.com

КОНЦЕПТ «ПОДЬЯЧИЙ» КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА САТИРИЧЕСКОГО «ТЕКСТА» А.П.СУМАРОКОВА

В статье рассматривается сатирический свертхтекст Сумарокова как пример просветительской сатиры времен Екатерины II. Рассмотрение образа подьячего позволяет уяснить как специфику социальной антропологии писателя, так и особенности его культурно-политической концепции. Не только в рационалистических осуждениях, но и в эмоциональной авторской оценке образ этот оказывается одним из ключевых в художественном мире писателя, позволяет приблизиться к пониманию строения его поэтической системы в целом.

Ключевые слова: *Екатерина II, А.П.Сумароков, образ, сатира, басня, свертхтекст.*

Изучение свертхтекстовых образований в последние десятилетия стало одним из наиболее перспективных направлений российской гуманитарной науки – и как возможность расширить представления о структуре и границах «текста» как такового, и как проблемное поле взаимодействия различных гуманитарных наук – литературоведения, языкознания, культурологии, социологии, социальной антропологии и мн. др. По-видимому, уже существует возможность говорить о сложившихся подходах к выявлению подобных свертхтекстов – в первую очередь пространственных («петербургского», «московского, различных видов «провинциальных» текстов русской литературы), текстов «сезонных», связанных с иными устойчивыми архетипическими мотивами. Проблемно-тематическое поле, концептосфера, хронотоп, другие значимые единицы формосодержательного порядка отдельных произведений (текстов) при подобном подходе включают в себя ряд определяющих элементов, единиц, благодаря которым возможно установление той или иной степени внутреннего единства – что в конечном итоге позволяет говорить именно о «светхтексте», не ограничиваясь лишь указанием на общие мотивы, реминисценции и т.п.

Перспективность такого подхода, по-видимому, подтверждается достаточной частотностью обращения к нему. Исследования свертхтекстов представляются очень полезными и для изучения русской литературы XVIII века – в первую очередь в силу установки на универсализм, характерной для нормативно-традиционалистской поэтики, в ключевой для нее формосодержательной категории жанра. В этом смысле каждый из «старших», устойчивых жанров – ода, трагедия, комедия, сатира, басня др. – в известной мере уже является подобием «свертхтекста», универсальность «модели» которого в каждом индивидуальном обращении предполагает «подражание» и «соревнование» с его завершенной идеальной свертхмоделью. Инструментом анализа жанра представляется выделение неких текстовых единиц, достаточно устойчиво повторяющихся у разных авторов и принципиальных как для жанровой модели в целом, так и для каждой ее конкретной реализации, в том или ином произведении. Индивидуально-авторская «установка» при этом раскрывается в первую очередь в отборе указанных единиц «свертхтекста» (равно как и в выборе жанровой модели), не обязательно предполагая ее заметную модификацию в сравнении со сложившейся жанрово-мотивной традицией.

Предмет наблюдений в данной статье – образ подьячего в сатирическом творчестве А.П.Сумарокова – представляется примером подобного рода единицы, показательной для существующего в рамках нормативно-традиционалистской поэтики сатирического «сверхтекста». Его можно считать устойчивым в русской сатирической литературе той поры (примеры ярких образов подьячих находим и у А.Д.Кантемира, и в журнальной сатире Н.И.Новикова, Д.И.Фонвизина, в драматургии екатерининского времени – в произведениях Я.Б.Княжнина, В.В.Капниста и др.). Само понятие «подьячий» существовало в российском канцелярском обиходе в XVI – начале XVIII в., уже в 1720-е годы в государственных учреждениях России их заменили чиновники, для обозначения которых использовались лексемы «канцелярист», «подканцелярист» и «копиист» [2, с. 564-571]. В повседневной речи, однако, их продолжали именовать подьячими, что отразилось и в «Словаре Академии российской», где словарная статья «подьячий», в отличие от статьи «дьяк», давалась без пометы «старин.», сопровождавшей в словаре большинство устаревших слов. При этом слово толковалось в контексте современного делопроизводства: «Приказной служитель в каком-нибудь судебном месте к письменным делам определенный и ниже секретаря счисляющийся» [4, стб. 851-852]. В приводимых примерах появлялись и сатирические, иронические контексты: «подьяческая совесть», к этому словосочетанию предлагалась расшифровка – «уловка» [4, стб. 852].

Языковой, и в первую очередь литературный материал екатерининского времени позволяет сделать вывод, что употребление слова «подьячий» в то время развивалось от номинативного к оценочному: это не просто канцелярский служащий, но служащий бесчестный, нарушающий закон. В просветительском дискурсе екатерининского времени слово «подьячий» служило своеобразным «сигналом» на нескольких уровнях культурной коммуникации: в сознании гражданского общества, в сатирических суждениях о положении дел в стране оно становилось своеобразным триггером темы чиновничьих пороков, прежде всего взяточничества (см. у Фонвизина «подьячий, алчный ко взяткам» («Повествование мнимого глухого и немого» [6, т. 2, с. 12]). В контексте же обсуждения гражданских реформ, проводимых правительством, слово «подьячий» начинало осмысливаться и как отсылающее к прежнему, давнему времени – до «благотетельного» правления императрицы Екатерины, законы которой, согласно официальной пропаганде, способствовали искоренению взяток (ср. у Новикова: «Не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею, не столько бесился подьячий, как читал указ о лихоимстве, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться» [3, с. 62-63]).

Наиболее развернутая сатирическая концепция «подьячего» в социальной антропологии екатерининского времени сформировалась в творчестве А.П.Сумарокова. Неспособный к равнодушно-компромиссному взгляду на порок, писатель именно с подьячими, с бюрократическим аппаратом связывал наиболее болезненные пороки современной жизни/ Для аристократа-Сумарокова это сословие «крапивного семени», отличающееся крайней вредностью и плодовитостью, именно оно фактически узурпирует власть в государстве, становясь непреодолимым барьером между царем и высшим дворянством, которое, по Сумарокову, призвано осуществлять культуротворческую деятельность, влияя как на государя, так и на всю общественную пирамиду [1]. Отдельный подьячий в этом случае – предельно типичный и обобщенный образ, в единичном собственном бытии отражающий бесчисленное множество все всем ему подобных.

В отличие от большинства персонажей – носителей пороков, представленных в сатирических произведениях Сумарокова (от живых пародийных портретов реальных лиц до собственно «пороков» правительственных и социальных) подьячий представляется в авторской оценке подчеркнуто неиндивидуализированным. В комедии «Чудовищи», сатирах «О благородстве», «Чужой толк», в «Другом хоре ко превратному свету», нескольких эпиграммах и сатирических эпитафиях, басне «Коршун в павлиньих перьях» выстраивается яркий образ подьячего как воплощения беззаконности и лихоимства.

Наиболее ярким раскрытием этого образа стала басня «Протокол», в которой действия нечистого на руку подьячего представляются столь абсурдными, что превращаются из конкретного деяния («Украл подьячий протокол...» [5, с. 216]) в символ социального зла и несправедливости вообще, универсальный источник эмоционального отрицания. Авторское вступление здесь содержит развернутое ироническое обращение к читателю («А я не лицемерю, // Что этому не верю...»), позволяющее проследить словно сам процесс рождения сатирического дискурса. Отрицание порока парадоксально приводит к ощущению всеобъемлемости его пагубного влияния – и бескомпромиссного стремления к правде.

Сатирический свертхтекст Сумарокова как пример просветительской сатиры Екатерининского времени строится на основе целого ряда сквозных образов и мотивов. Рассмотрение образа подьячего позволяет уяснить как специфику социальной антропологии писателя, так и особенности его культурно-политической концепции. Не только в рационалистических осуждениях, но и в эмоциональной авторской оценке образ этот оказывается одним из ключевых в художественном мире писателя, позволяет приблизиться к пониманию строения его поэтической системы в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No. 18-012-00452 "Catherine II: personality, creativity, era. Encyclopedic dictionary".

Список литературы

1. Акимов Т.А. Авторские стратегии Екатерины II в прозе, эпистолярной, драматургии. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева, 2015. 88 с.
2. Никитина Ю.Н. Исследование этимологии слова «чиновник» // Известия АСОУ. Научный ежегодник. 2005. № 2. С. 564-571.
3. Новиков Н.И. Избранные произведения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 480 с.
4. Словарь Академии российской. Ч. II. СПб: Императорская Академия наук, 1790. 664 с.
5. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 612 с.
6. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

10.01.01

¹Т.А. Алпатова д-р филол. наук, ²Т.И. Акимова д-р филол. наук

¹Московский государственный областной университет,
факультет русской филологии,
кафедра русской классической литературы,
Москва, alpatova2005@gmail.com,

²Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
филологический факультет,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Саранск, akimova_ti@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Ю.М. ЛОТМАНА В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ «ГАЛАНТНОГО ДИАЛОГА»

В статье представлены результаты исследования, посвященные проблеме «галантного диалога» как авторской стратегии в русской литературе XVIII века, прежде всего, в творчестве императрицы Екатерины II. Для основания его используются теоретические и методологические работы Ю.М. Лотмана по изучению русской дворянской культуры XVIII – начала XIX века и утверждается связь с французским салоном.

Ключевые слова: «галантный диалог», литературное творчество Екатерины II, салонная культура, русско-французские связи, Просвещение.

Труды Ю.М. Лотмана по изучению русской литературы второй половины XVIII – первой четверти XIX века – времени «золотого века» дворянской культуры – являются основополагающими. В отличие от других отечественных ученых, Г.А. Гуковского или Н.П. Беркова, их не только не нужно пока еще пересматривать для отделения перспективного от устаревшего, но и с течением времени работы Лотмана открывают дополнительные пространства для осмысления. Так, проблеме становления и развития дворянской культуры XVIII – начала XIX века Ю.М. Лотман посвящает большой труд [4], давший основание для изучения литературы XVIII века сквозь призму культурных знаков и моделей поведения человека того времени, в том числе салонной культуры и женщины как ее центра. В частности, ученый определил границы возникновения в России салонной культуры, которую он выводил из семиотики Города. Он писал о том, что «формы петербургской (а в каком-то смысле и всей русской городской) жизни создал Петр I» [4, с. 28].

В то же время Лотман определил характер развития салонной культуры в России и сложности ее становления в статье «"Езда в остров любви" Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века», в которой исследователь отмечал, что «„Езда в остров любви“, представленная Тредиаковским русскому читателю 1730 г., была оторвана от своего естественного культурного контекста – от салона с его атмосферой, поэзией и специфическим поведением» [6, с. 227]. Специфическое поведение в салоне, по Лотману, определяется двумя знаковыми чертами: Игрой и Капризом, которые противопоставляются официозу. Игра и Каприз демонстрируют личностное самораскрытие и позволяют появляться новым литературным жанрам, в которых жизнь и литература объединяются в единое целое.

Другим проявлением игры становится стирание социальных различий. Именно эти поведенческие модели, сформированные в атмосфере салона, Тредиаковский и желал перенести на русскую почву, но это первое по сути произведение галантной культуры на русской почве не нашло поддержки двора ни Анны Иоанновны, ни Елизаветы. Требовалась на русский трон такая государыня, обращение которой к галантной культуре явилось

необходимым условием поддержания просветительского имиджа. Именно такой властительницей предстала императрица Екатерина II. Не имевшая законных прав на российский престол, она была вынуждена строго следить за «балансом» в расстановке сил и четко регулировать их соотношение в социальной иерархии. Перенимая от предшественников на троне задачу секуляризации российской культуры, Екатерина II завершала начатое Петром дело о формировании светской модели поведения и социального сословия, ставшего гарантом нового типа государственности.

Рассматривая архетипические модели культуры, явившиеся ориентиром для российского государства в XVIII веке, Ю.М. Лотман подчеркивал наложение на религиозную модель культуры магической модели, выражающейся в появлении коммуникации властителя с обществом договорных отношений, которые заставляли «переосмысливать или хотя бы перефразировать оценку традиционных институтов» [5, 31].

Это двойственное положение коммуникации власти с обществом, прежде всего дворянским, Лотман связывает с возникновением во второй половине XVIII века щегольской культуры, которая и демонстрировала проявление условно-договорных отношений, ярче всего выражающегося в галантном языке любви. В качестве примера Лотман приводит цитаты из «Галантного лексикона» Дре дю Радье [3], перевод которого А.В. Храповицким доказывал созревшую потребность российского дворянства (прежде всего воспитанников Сухопутного Шляхетского корпуса) в ритуализации своего поведения, основанного на игре и условности. Поскольку щегольская культура маркировалась негативными характеристиками и чаще всего сатирически осмеивалась самими же участниками этих ритуалов, полагаем, что более точное обозначение возникшего между властью и дворянством способа коммуникации будет «галантный диалог» [1].

«Галантный диалог» – показатель авторского сознания на переходе от риторической культуры (системы с подвижными элементами структуры) к поэтической (системе с подвижными элементами структуры). Это диалог условный, внутри строго заданных параметров (ритуалов), но при котором один из компонентов нарушается, не случайно наиболее зримым движение в сторону большей свободы выражения было заметно в языке. Поэтому проявление «галантного диалога» Екатериной II обнаруживалось в текстах с ярко выраженным личностным началом – мемуарах, письмах [2], анекдотах – жанрах, не укладывающихся в классицистическую жанровую систему. И в этой связи Екатерина, обращаясь к дворянству, в некоторых своих произведениях выступала не от официального лица, а от лица обычной аристократки, представляющей дворянское сословие и пришедшей во власть защищать его интересы. Это обнаруживается и в афоризмах «Особой тетради», относящейся к началу 1760-х годов, и в авторских стратегиях мемуаров, в которых писательница душевно ведет разговор со своими друзьями, адресатами посвящений разных частей рукописи, графиней Брюс и бароном Черкасовым.

Сначала петербургские исследователи (Я.К. Грот, П.П. Пекарский, А.Н. Пыпин), затем Ленинградские (Г.А. Гуковский, П.Н. Берков, В.П. Степанов, Ю.В. Стенник) подчеркивали публицистическую направленность произведений Екатерины II, но при этом отмечали двойственность ее просветительской манеры. В ее творчестве одновременно присутствовали и вольнолюбивые идеи, почерпнутые из произведений писателей-просветителей, и охранительные тенденции, наблюдавшиеся в идеологических стратегиях Людовика XIV, восплаемого Вольтером.

Реверанс в сторону французской культуры, сделанный в российском государстве в середине XVIII века, диктовался не только утвердившейся среди европейских монархов модой на просветительство, но и потребностью общества в осмыслении собственной национальной специфики. Начиная с вышедшего в 1770 году «Антидота», Екатерина II будет использовать французскую модель культуры для очерчивания особенностей российского менталитета. И если в «Антидоте» она в качестве вольтеровского «кандида» использовала Шаппа де Отроша для знакомства европейского читателя с неизвестной российской культурой, то впоследствии стала осмеивать французские черты в русском поведении, что

наглядно демонстрировали ее комедии 1772 года. В то же время французская галантность, ставшая к XVIII столетию синонимом воспитанного человека, не разделялась от салонной культуры как пространства взращивания европейски образованного индивида, и потому была востребована императрицей Екатериной II опять-таки для двойственной задачи. Во-первых, демонстрировался западному сообществу уровень екатерининского просветительства, во-вторых, использовалась поведенческая модель салона для укрепления абсолютистского правления.

Эрмитажные собрания Екатерины II являли собой не уединения монарха для приятного времяпрепровождения, а служили показательным образцом сосредоточия в кругу императрицы творческой свободы и веселой игры, свидетельствующими о важности настоящего правления перед воспринимающимися образцовыми ушедшими эпохами, прежде всего античной. И, таким образом, Эрмитаж как символ российского Просвещения способствовал формированию мифа о «золотом веке» екатерининского правления. В то же время эта цель являлась следствием более глобальных государственных задач – укрепления престижа власти. Таким образом, «галантный диалог» – особая модель коммуникации власти с подданными в условиях просвещенного абсолютизма. С одной стороны, он демонстрирует равно-свободное общение между адресатами, с другой стороны, служит сохранению и тех социальных ролей и укреплению той социальной структуры, которая была сформирована иерархической системой, чей знаковый характер и был великолепно интерпретирован Ю.М. Лотманом в его основополагающих трудах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».
The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No. 18-012-00452 "Catherine II: personality, creativity, era. Encyclopedic dictionary".

Список литературы

1. Акимова Т.И. Литературное творчество Екатерины II: "галантный диалог" в системе авторских стратегий (истoki, функции, жанры): автореф. дис. ... д.ф.н. / ИМЛИ РАН. – М., 2015. – 40 с.
2. Акимова Т.И. Роль и место галантного дискурса в письмах Екатерины II 1762-1774 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: литературоведение, журналистика. – 2012. – №4. – С. 15-21.
3. Дрё дю Радье. Любовный лексикон/пер. с фр. А. В. Храповицким. СПб., 1768.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство. СПб, 1994. 758 с.
5. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 22-32.
6. Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222-229.

10.01.01

В.Д. Посельская канд. филол. наук, Е.М. Ефремова канд. филол. наук

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской Академии наук,
Якутск, Vikt80@mail.ru, Kachkom84@mail.ru

ИТОГОВАЯ КНИГА СТИХОВ КАК ОСОБАЯ МЕТАЖАНРОВАЯ ФОРМА В ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ (С. ДАНИЛОВ, С. ТАРАСОВ)

В статье рассмотрены характерные жанровые признаки особой разновидности книги стихов в якутской лирической поэзии как итоговая книга стихов. Книги стихов «Золотые дожди Сергеляха» Сем. Данилова и «Неспетые песни» и «Гость золы с очага» С. Тарасова впервые изучены как полноценные авторские, политематические, инвариантные метажанровые структуры, в которых обоснованы концептуальные, философские представления, связанные с итоговым, завершающим периодом жизни. Данный принцип является основополагающим при оформлении художественной целостности анализируемых книг стихов.

Ключевые слова: *жанр, жанровый статус, метажанр, метаструктура, циклизация, итоговая книга, автор, авторская концепция, формы выражения авторского сознания, архитектоника, лирический субъект, лирический герой, индивидуальный стиль.*

В истории якутской литературы второй половины XIX в целом в писательском сознании наблюдается осознанная потребность или особенность «мышления циклами и книгами». В этот период в поэтической практике сложилась такая модель лирической книги как итоговая. В якутском литературоведении этот факт был отмечен и рассмотрен на примере итоговой книги стихов «Золотые дожди Сергеляха» якутского поэта Семёна Данилова Ефремовой Е. М. [2]. Книга стихов как явление жанровое берет свои корни от лирической циклизации, которая исходя из авторской интенции дает возможность авторам выйти на реализацию разных жанровых традиций в пределах одного произведения (жанровый синтез), создание метажанровых форм циклического характера (книг стихов).

В истории якутской литературы яркий пример образца итоговой книги стихов, отличающийся общей лирической коллизией, единством мотивного комплекса, системностью и иерархичностью всех составляющих представляет книга «Золотые дожди Сергеляха» (1979) Сем. Данилова. В издании представлено всего 146 произведений, основная составляющая которых была написана в период 1975-1978 гг. Однако в построении книги автор не придерживается четкого хронологического принципа: наблюдается четкая разбросанность в расстановке художественных текстов. При компоновке художественных произведений Сем. Данилов придерживается проблемно-тематического и идейно-тематического аспекта. Авторский (не редакторский, не читательский) характер отбора и расстановки текстов продиктован замыслом создания «итоговой» книги-стихов, книги-завещания, т.е. само построение книги не случайно. Прежде всего, это мотивировано стремлением скомпоновать и включить в контекст стихотворения, системно-лейтмотивная природа которых основывается на единой авторской концепции, связанной с подведением итогов, осмыслением прожитого и пережитого.

Характерным свойством книги известного поэта как итогового издания является введение биографических элементов, которые на полиграфическом уровне проявляются в компоновке исторических фотографий, на которых запечатлены пейзажи Родины поэта, его дача-усадьба, рабочие и творческие встречи с писателями и т.д. Обращает внимание цветовая гамма титульного обрамления издания, комбинирующая оттенки телесного и желтого, а личная подпись поэта на обложке выгравирована золотыми буквами. Подсознательно оттенки

желтого и золотого цвета переплетаются с осенним временем года и своеобразно «подготавливают» читателя к раскрытию переживаний элегического модуса. Графическое оформление страниц книги также связано с циклическим круговоротом времен года (изображение цветков, листьев и веток). Элементы полиграфического плана имеют существенное значение в создании единой авторской концепции в книге, «<...>, нацеливая и корректируя читательский «горизонт ожидания». Таким образом, вся сфера обрамления, будучи полиреферентной по отношению к книге, выступает в роли формально-содержательной «скрепы» многосоставного художественного целого» [4, с. 119]. Перечисленные факторы играют значительную роль в создании жанрово-архитектонического единства итоговой книги писателя.

О художественном воплощении авторской концепции взглядов можно также говорить на уровне поэтических сборников 1990-х гг. якутского поэта Саввы Тарасова. Предметом исследования послужили сборники «Горсть золы с очага» (1992) [7] и «Неспетые песни» (1994) [8] автора, которые еще недостаточно изучены как данный литературный феномен. В целом образность, содержательная сторона текстов подводит к прощальному мотиву, свойственному для всего контекста книг. На наш взгляд, итоговая книга стихов Саввы Тарасова – это метажанровое образование, вмещающее в себе такую лирическую структурную форму как цикл стихов, организованный по тематическому и образному единству. Исходя из монологичности субъектного строя, можно предположить, что существенную роль в организации внутреннего контекста и художественной целостности книги играет образ лирического героя – художника слова, поэта, который стремится подвести определенные итоги в конце своего жизненного и творческого пути. Необходимо уделить внимание заголовочному комплексу книг «Горсть с золы очага», «Неспетые песни». В первой книге через символический образ золы с потухнувшего очага актуализируется тема отчего дома, родины, где среди родного пепелища, развалин автор (лирический герой) собирает в одно целое накопившие мысли о своих корнях, о предках, о прожитой жизни, о быстротечном времени. Через обращение к теме отчего дома, автор в своей книге концептуально раскрывает глубоко философские, остро волнующие его вопросы. В книге «Неспетые песни» отражена особая философия времени, рубежность бытия, заключен доминирующий сквозной лирический мотив подведения творческих итогов. В контексте книги образ «песни» приобретает новое звучание, наполняется иным смыслом: расширяется исконное значение, песня воспринимается как поэтическое слово, символизирует творчество, поэзию в целом. Надо сказать, что образ песни присутствует в первой книге как сквозной метапоэтический образ и связан с авторским пониманием творчества как пути к бессмертию, незабвенности, преодолению смерти.

В книге «Горсть золы с очага» основной мотивный комплекс складывается из ее ключевых мотивов: мотив сна, мотив осени, прощальной песни, смерти. В авторской интерпретации метафорический образ сна символизирует нереализованные мечты, потерянные ценностные ориентиры, не сделанные, незавершенные дела, сожаление о прошлом. Поэтический образ осени в книге символизирует пороговый этап жизни поэта, завершающий жизненный цикл, и используется в ее контексте довольно часто. Отчетливо звучит в книге тема смерти, прощания, жизненных итогов, доминируют связанные с этим топосы и мотивы, символика: «*отправиться с земного края*», «*приблизившись к могиле*», «*дорогие друзья схоронились на мысах*» (досл. пер. – В.П.). В строках проявляется горькое сожаление лирического героя о невозвратимой утрате и осознание собственного сиротства в окружающем жизненном пространстве. В книге «Неспетые песни» можем заметить, что перекликающиеся между собой названия текстов («*Исчезающий завет*», «*Слово старика*», «*Раздумья старика о старости*», «*Борьба жизни и смерти*», «*Неспетую песню мою*») и др.) создают особый тематический пласт, где сквозной мотивный комплекс связан с идеей о конечности бытия. «Итоговость» заключается в стремлении лирического субъекта подвести итоги прожитого, передать заветы творческого пути новым поколениям. Мотив смерти в книге «Неспетые песни» приобретает более выраженный, яркий характер по сравнению с

книгой «Горсть золы с очага». На первый план выдвигается опыт прожитой жизни, отсюда преобладание метафоры жизненного пути, в частности последнего его этапа («последний вскрик», «на дне земли», «последний луг», «поднимать золотые кости» и др. Преобладают образные оппозиции жизнь-смерть, восход-закат, молодость-старость. Наблюдается использование тематики инобытия, загробного существования в интерпретации автора, где все люди и их деяния предстают перед судом Белого Божества, исконно якутского мифологического образа *Айыы Юрюнг Аар Тойон*.

Итак, в творчестве Саввы Тарасова мы выделяем особое метажанровое образование как итоговая книга, скомпонованная из циклов-разделов, в которых сквозит лирическая коллизия «последних», прощальных песен. Сборники написаны в конце жизненного пути как итоговое ее осмысление. Объединяющим циклы-разделы в концептуальное метаструктурное единство и основополагающим принципом реализации авторского сознания является лирический герой, который находится в поисках смысла жизни, надеется на продолжение жизни в памяти, творчестве. Через раскрытие внутреннего мира лирического героя показана модель мироздания созидющего поэта, стремящегося высказать «последние» слова, спеть «неспетые» песни. Книгам характерна определенная система ключевых мотивов, реализующая художественную идею философских рассуждений об уходящей жизни.

В литературоведении последних лет появляются все больше работ по рассмотрению особенностей поэтики и архитектоники лирической книги стихов. В истории якутской литературы издания «Золотые дожди Сергеляха» Сем. Данилова и «Неспетые песни» и «Гость золы с очага» С. Тарасова представляют собой яркие примеры образцов итоговой книги стихов, отличающегося общей лирической коллизией, единством мотивного комплекса, системностью и иерархичностью всех составляющих.

Список литературы

1. *Ефремова Е.М.* Итоговая книга поэта: жанрово-архитектонические особенности / «Мои добрые кони – стихи». Лирика Семёна Данилова: поэтическая картина мира. – Якутск, Изд-во ИГиПИМНС СО РАН, 2017. – 128 с.
2. *Ефремова Е.М.* «Золотые дожди Сергеляха» Сем. П. Данилова: итоговая книга стихов (жанрово-архитектонические особенности) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 2 (19). – С. 108-117.
3. *Мирошникова О.В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.

10.01.01

Янь Куань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Москва. ykuniqe@yandex.ru

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ РАННИХ РОМАНОВ В. НАБОКОВА И Г. ГАЗДАНОВА

Статья посвящена анализу форм и способов переживания времени в романах В. Набокова «Машенька» (1926) и Г. Газданова «Вечер у Клэр» (1929). Принципиальный антиисторизм, негативное отношение к социально-политической современности, присущие большей части писателей-эмигрантов первой волны, по-разному воплощались в конкретных произведениях разных авторов. Цель статьи – провести сопоставление способов фиксации времени, отраженных в дебютных романах двух самых ярких писателей младшего поколения русской эмиграции. Такое сопоставление позволяет конкретизировать представления об экзистенциальном мироощущении Набокова и Газданова, обусловившем ранний этап их творческой эволюции. Сделаны выводы о том, что Набоков стремится к специализации времени, придает времени свойства физически ощутимой «дискретной» субстанции – с помощью таких предметных образов, как календарь, кинофильм, письма и часы. Напротив, Газданов сравнивает время с музыкой и подчеркивает его континуальность, непрерывность, психологическую нечленимость и внутреннюю цельность.

Ключевые слова: *фиксация времени, “Машенька” В. Набокова, “Вечер у Клэр” Г. Газданова, специализация времени, длительность времени, антиисторизм.*

Для большинства писателей русского зарубежья младшего поколения 1920-е годы стали десятилетием, сформировавшим новые представления о самом феномене Времени. Драматические события революции и гражданской войны, да и сама ситуация изгнания с Родины заставили их разглядеть в категории времени (и ассоциативно связанных с ними образах) иные содержательные атрибуты, чем были ведомы их русским предшественникам XIX – начала XX века. В дебютных романах «младозэмигрантов» это сказалось прежде всего в отказе от традиционной линейной модели времени в нарративе, в решительном отходе от принципа композиционного диахронизма, в особом отношении к ушедшему «прошлому» и непредсказуемому (или тревожащему) «будущему».

Брайан Бойд пишет в книге о Набокове, что «отношение Набокова ко времени похоже на его отношение к личности: его построения заставляют нас увидеть в угасании прошлого абсурдную несвободу, навязанную человеческому сознанию, а не прямое отражение порядка вещей» [2, с.366]. Слова Бойда в целом подходят и для характеристики творческих принципов Г. Газданова. Писателей-эмигрантов младшего поколения объединял принципиальный антиисторизм, восприятие потока времени как враждебного личности, однако нас интересует прежде всего разница между Набоковым и Газдановым в способах передачи этого ощущения. Наиболее отчетливо эта разница проявилась в дебютных романах Набокова «Машенька» и Газданова «Вечер у Клэр».

Роман «Машенька» в композиционном отношении построен относительно просто, но в нем уже проявляются мотивы, которые в будущем станут традиционными для Набокова: первая любовь, переживание потери, волшебная сила памяти и восстановление прошлого через воспоминания. Как писал об этом произведении А.В. Леденев, «дебютный для Набокова роман “Машенька” (1926) был воспринят русскими берлинцами и парижанами как роман об их собственной жизни с её унылым настоящим и невозстановимым прошлым, овеванным поэзией воспоминаний» [4: 238].

Сам образ времени и способы его восприятия главным героем в «Машеньке», с нашей точки зрения, определяются «специализацией» событийного потока, своего рода «опространствлением» времени, которое приобретает в романе свойства физически ощутимой субстанции. Невидимая абстракция «хроноса» благодаря целенаправленной детализации наделяется визуальными и акустическими атрибутами. В результате время «перенимает» от пространства такие качества, как делимость, воспроизводимость и возможность смены ориентира, т.е. направления движения, контролируемого сознанием субъекта. Внимательный учет подробностей, связанных с фиксацией времени в романе Набокова, позволяет считать ведущими четыре образных ресурса, «переводящих» время в «формат» пространства. Это образные ситуации, связанные с упоминаниями календаря, кинофильма, письма и часов.

Календарь как важный прием «специализации» времени появляется в самом начале произведения: «По бокам было по три комнаты с крупными, черными цифрами, наклеенными на дверях: это были просто листочки, вырванные из старого календаря, — шесть первых чисел апреля месяца» [5, с.17]. Шесть первых дней апреля становятся маркерами художественного пространства — благодаря шести листочкам календаря на дверях шести комнат эмигрантского пансиона. Время в такой ситуации утрачивает свойство «непрерывности», «текучести» и символически членится на шесть участков. Заметим, что основные события сюжета укладываются именно в шесть дней — с понедельника по субботу. Чтобы подчеркнуть автономность, как бы пространственную «самостоятельность» каждого дня, автор прибегает к «отбивочному» маркированию каждого утра в начале очередной главы.

Другой способ членения, своего рода «нарезки» пластов времени — описание фильма, в котором главный герой узнает себя в одном из актеров-статистов. Берлинское настоящее будто надежно «упаковано» в киноплёнку и предъявлено непосредственному визуальному восприятию героя. Это впечатление так сильно, что герой невольно сравнивает прошлое с настоящим, констатируя «пустоту», незаполненность, «миражность» берлинского существования: «Вся жизнь ему представилась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» [5, с.42]. Самоидентификация главного героя осложняется тем, что замещается псевдозеркальным (киноэкраным) отражением, что усиливает у него ощущение одиночества, подстегивает страх от потенциально бесплодного будущего. Заметим попутно, что настроение Ганина в этот момент сходно с переживанием лирического героя известного стихотворения Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» («Я, я, я — что за дикое слово...») [8, с.97].

Письма персонажа также расчленяют «поток» времени на фрагменты, переводя «текущее» в остановленное, как бы «кадрируя» его. Крымский опыт Ганина, относящийся к промежутку с 1917 по 1919 годы, намеренно распределен на пять писем-фрагментов, хранящихся в сознании в форме пяти «темпоральных свитков». Письма служат своего рода окнами в прошлую, окончательно утраченную, но вызывающую прилив нежных чувств Россию. Ганин не только читает письма Машеньки, но попутно воспроизводит ситуацию «там и тогда» с помощью памяти и воображения. Таким образом время контролируется творческим сознанием, становится подвластным для художественной комбинаторики.

Самым традиционным образным способом фиксации времени у Набокова являются часы, которые не просто упоминаются, но нередко подаются крупным планом, «останавливающим» движение. Привычный принцип измерения времени — деление на равные исчисляемые единицы (секунды, минуты и т.д.), которые во внехудожественной практике не соотносятся с материальными атрибутами (цветом, весом, запахом и т.п.), но в прозе Набокова наделяются именно этими маркерами «пространственности». К примеру, в конце романа сцена, где Алферов засчитал время, усиливает пространственное ощущение времени:

Алферов, пошатываясь, вышел было за ними, потом вяло махнул рукой и сел у стола. Дрожащей рукой налив себе водки, он вытащил из жилетного кармана никелевые часы и положил их перед собой на стол.

– Три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, – повел он пальцем по римским цифрам и замер, боком повернув голову, и одним глазом следя за секундной стрелкой.

<...>

– Три, четыре, пять, семь, – опять засчитал Алферов и с блаженной мутной улыбкой подмигнул циферблату [5, 167].

Стилевые и семантические последствия такой «обработки» категории времени – в том, что отношения «прошлого» и «настоящего» в романе радикально меняются. Вместо одномерной линейной модели времени используется модель «сборно-разборная», позволяющая соединять и расчленять эпизоды по воле автора как пространственные фрагменты, своего рода «кубики». Один из ярких результатов этой новой модели времени — интенсивное взаимопроникновение прошлого и настоящего. Постепенно в «Машеньке» совершенно размывается граница между воспоминаемым Ганиным «прошлым» (1915-1919 гг.) и переживаемым им «настоящим» (начало апреля 1924 г.): «Казалось, что эта прошлая, доведенная до совершенства, жизнь проходит ровным узором через берлинские будни. Что бы Ганин ни делал в эти дни, та жизнь согревала его неотступно». Особенно важен в этом фрагменте образ «узора»: благодаря этому атрибуту время воспринимается как пространственный художественный объект, как своего рода «текстовое полотно» [6, с.95].

Сам образ времени, метонимически заявленный уже заглавием, играет в романе Газданова важную роль, поскольку одна из его смысловых граней, как и в «Машеньке» Набокова, заключается в утверждении способности человека, наделенного даром памяти, противостоять трагической реальности. Автор почти полностью игнорирует так называемое «большое» (или историческое) время, и пытается контролировать исключительно внутренние ощущения человека, связанные с протеканием жизни. Нелюбовь к внешней истории у Газданова – такая же, как у Набокова, однако Газданов использует иные образные ресурсы для передачи восприятия времени, чем Набоков.

В романе «Вечер у Клэр» подчеркивается особое соотношение времени и эмоций, переживаемых субъектом, а поскольку эмоциональные «колебания» непрерывны (их невозможно «отключить» или нейтрализовать), то время наделяется свойствами непрерывности и внутренней цельности, «единопротяжности». В этой связи необходимо отметить, что на Газданова оказали существенное влияние некоторые аспекты философии Анри Бергсона, в частности, введенные французским мыслителем понятия «длительности времени» (*durée*) и «внутреннего времени». Время, согласно Бергсону, переживается только интуитивно (внелогически) и целиком (во всей его пережитой субъектом «длительности»), так как, подобно мелодии, оно состоит из рядоположенных и одновременно плотно взаимосвязанных частей, которые на самом деле невозможно вычленивать из единого потока пульсации. Об этом в книге «Непосредственные данные сознания: время и свобода воли» Бергсон писал: «Разве нельзя сказать, что, хотя эти ноты следуют друг за другом, мы их тем не менее воспринимаем одни в других, и что их совокупность напоминает живое существо, различные части которого проникают друг в друга в силу солидарности их работы. Это можно показать тем, что если мы, например, нарушим такт и остановимся далее, чем следует, на какой-нибудь одной ноте мелодии, нашу ошибку обнаружит не столько чрезмерная долгота ноты, сколь качественное изменение, вызванное во всей музыкальной фразе. Итак, можно понимать последовательность без различения, её можно понимать как взаимное проникновение, как солидарность, как внутреннюю организацию элементов, из которых каждый есть представитель целого и отличается и выделяется из целого только актом мышления, способного абстрагировать. Но такое представление длительности, несомненно, должно было быть у существа, одновременно тождественного и меняющегося, но которое не имело бы никакого понятия о пространстве» [1, с.74].

Именно такая модель восприятия времени реализована Газдановым в темпоральной композиции «Вечера у Клэр». «Окрашивание» событий теми или иными эмоциональными состояниями (своего рода колористической символикой) позволяет передавать рецепцию времени как своего рода внутреннее состояние героя, не связанное с «календарной практикой» внешнего мира. Газдановский герой не способен вырвать (усилием сознания вычленив) из своей «истории души» отдельный «листок» завершённого внутреннего события. Неделимость, сплошная протяженность потока времени в романе передается прежде всего акустическими образами и ассоциациями.

Показательно, что именно звук (музыка) представляет собой основную форму воспоминаний героя. Работа сознания главного героя (а это именно поток мнемонических образов) начинается с музыкой: «Самым прекрасным, самым пронзительным чувствам, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке; но её волшебное и мгновенное существование есть лишь то, к чему я бесплодно стремлюсь, – и жить так я не могу» [3, с.17], – и оканчивается также в музыке: «И во влажной тишине этого путешествия изредка звонил колокол – и звук, неизменно нас сопровождавший, только звук колокола соединял в медленной стеклянной своей прозрачности огненные края и воду, отделявшие меня от России, с лепечущим и сбивающимся, с прекрасным сном о Клэр» [3, с.154].

Большая часть сюжетных эпизодов окрашена разнообразными звуковыми впечатлениями (шорохи, звуки природных стихий, а особенно часто – звучащие голоса или песни), которые закрепляют «темпоральные» ощущения героя. Более того, в «Вечере у Клэр» – в отличие от набоковской «Машеньки» – очень редко используются конкретные хронометрические маркеры и даты (указания на часы и минуты, упоминания дня, недели, месяца) многих важных для героя событий. К таким событиям относятся, например, кончина отца, смерть дяди Виталия, поступление в военный корпус, встреча с Клэр, прощание с матерью, участие в гражданской войне и даже расставание с родиной. Персонально значимым атрибутом каждого из этих происшествий становится тот или иной звук. В числе этих акустических символов – звук пилы во дворе, звон колоколов на похоронах отца, смех Клэр, звучание имени Елизаветы Михайловны, свист пули и разрывы снарядов на фронте.

Причина предпочтения музыкальных знаков визуальным маркерам времени – в принципиальном расхождении газдановского героя с катастрофической «общей» историей. Для него календарь и часовая стрелка – плохие проводники в тайники живого чувства. Там, где доминирует отмеченная ежедневным выпуском «новостей» периодичность, память рассеивается и угасает. Воспоминание для Газданова прежде всего есть способ противостояния смерти, т.е. окончанию времени. Как отметил Франк Геблёр, «смысл воспоминаний для него (Газданова) совсем не тот, что для многих эмигрантов старшего поколения, это не жалоба об экспатриации, потери идиллического единства места и времени. <...> Цель же повествования Газданова в “Вечере у Клэр” – изобразить аспекты этих миров, обладающих самоценностью, и показать, как лирический герой и в будущем – где бы он ни был – будет искать их и находить» [7, с.2].

Данное отношение газдановских героев к категории времени будто иллюстрирует и проясняет сюрреалистические наплывы в поздней лирике Гумилева, у которого «маятник-палач» неумоимо рубит головы «заговорщицам-секундам». Именно у позднего Гумилева Газданов перенимает специфическое сцепление музыкальных и театральных мотивов в их «сновидческих» отражениях.

Принципиально «музыкальное» ощущение времени героем уводит его прочь от «большой» Истории: он целиком погружается в эмоциональные колебания внутреннего «Я». Герой существует как внесоциальный и внеисторический субъект – вне времени, а по сути и вне «географического» пространства – в средостении психологического «роевого» движения чувств и ощущений. Такое состояние героя передается в следующих фрагментах романа:

«Шумели листья от ветра, внизу стрекотал неизвестно откуда взявшийся кузнечик и вдруг умолкал, словно ему зажимали рот ладонью. Было так хорошо и прозрачно, и все звуки доходили до меня так ясно, и в маленьком озере, которое мне было видно сверху, так

сверкала и рябилась вода, что я забыл о необходимости следить за вспышками и движением неприятельской кавалерии, о присутствии которой нам сообщила разведка, и о том, что в России происходит гражданская война, а я в этой войне участвую» [3, с.113].

С единопотряжностью «личного» времени связана и еще одна яркая особенность газдановского лирического нарратива – отчетливая «эмоционализация» времен года. Газдановский «год» знает только два «сезона»: годовой цикл делится на два противоположных полюса (весна и лето противопоставлены осени и зиме). Это сезоны пробуждения чувств и их остывания: время года оказывается по сути «тумблером» или «переключателем» эмоций. Весна и лето у Газданова связаны с восприятием полноты жизни, со стремлением к неизвестному, чувством окрыленности. Именно весной и летом герой встречается с Клэр, проводит каникулы на Кавказе, уходит воевать. Напротив, осень и зима вызывают у героя страх смерти, чувство пустоты жизни. На осенне-зимние промежутки приходится эпизоды смерти ряда персонажей, сумрачной жизни военного корпуса, разлуки с Клэр, с матерью, «кочевой» жизни на бронепоезде «Дым» и т.д.

Итак, персонажи Набокова и Газданова, двух близких по возрасту самых ярких прозаиков младшего поколения первой волны эмиграции, по-разному воспринимают время и передают его ощущение. Набоков попытался придать категории времени свойства другой категории – пространства, тем самым сообщая ему качество «обратимости». С этим, может быть, связано его убеждение в своеобразном «изоморфизме» времени и пространства: он называет «абсурдным» противоречие «между возможностью возврата в пространстве и невозможностью возврата во времени» [2, с.346]. В художественном пространстве своего раннего романа он будто стремится устранить это противоречие. Прием «специализации» времени дает возможность контролировать его, управлять его «тканью» (а не стихийным «течением»); феномен времени переводится из сферы «истории» в сферу мнемонического упорядочивания, волевого манипулирования со стороны творчески одаренного персонажа.

Гайто Газданов, напротив, воспринимает «время» прежде всего как внутреннюю эмоцию, как часть сознания личности. Он таким образом подчеркивает непрерывность и взаимопроникновение каждого из моментов времени друг в друга, что принцип хронологической навигации полностью исчезает в романе «Вечер у Клэр». Время утрачивает свойства дискретности, «календарности», становится вязкой магмой эмоционального опыта, подчиняющего себе реакции персонажа. Главным чувственно воспринимаемым атрибутом времени оказывается его «тональная окрашенность», музыкально-ассоциативная связь с лирическим миром персонажа, с его «партитурой чувств».

Список литературы

1. Бергсон А. Непосредственные данные сознания: время и свобода воли // Собр. соч.: в 5 т. СПб.: М.И. Семенов, 1914. Т.2. — 224 с.
2. Бойд Брайан. Владимир Набоков: Рус. Годы: Биография / Брайан Бойд; Пер. с англ. Г. Лапина. М.: Независимая газ.: Симпозиум. 2001. — 695 с.
3. Газданов Гайто. Вечер у Клэр // Гайто Газданов. Собр.соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т.1. С. 37-162.
4. Леденев А.В. Владимир Владимирович Набоков // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.) / Под ред. А.П. Авраменко. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2011. С.235-263.
5. Набоков В. Машенька. М.: издательство «Азбука-классика», 2017. — 192 с.
6. Набоков В. Другие Берега // Владимир Набоков. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 133-304.
7. Франк Гёблер Время и воспоминания в романе Гайто Газданова “Вечер у Клэр” // Журнал “Литература”. М.: Первое сентября, 2001. № 45. С. 2-3.
8. Ходасевич В. Стихотворения. Некрополь. — СПб.: Азбука, 2015. — 352 с.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ¹Л.Г. Шуваева, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук,¹Л.Ф. Хузиахметова, ³В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ³Е.В. Тулкубаева,³Ю.С. Ременникова канд. педагог. наук, ³Э.Ф. Якуп, ¹А.З. Газизова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

**ВКЛАД АКАДЕМИКА РАН А.М. СТОЧИКА (1939—2015 ГГ.)
В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ПО РАЗДЕЛУ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТА**

Академик РАН Андрей Михайлович Сточик (1939—2015 гг.) внёс значительный вклад в развитие российской медицинской журналистики, будучи генеральным директором Научно-практического объединения «Медицинская энциклопедия» РАМН разработал основные научные принципы составления статей по разделу медицина, здравоохранение, физическая культура и спорт.

Ключевые слова: построение статьи, медицина, здравоохранение, физическая культура и спорт.

Андрей Михайлович Сточик родился 14 ноября 1939 года в г. Москва. В годы Великой Отечественной войны был вместе с родителями в эвакуации в г. Баймак Башкирской АССР [1]. После окончания средней школы поступил на санитарно-гигиенический факультет 1-го Московского государственного ордена Ленина медицинского института, который успешно закончил в 1965 году. Во время учёбы в медицинском институте во время летнего трудового семестра был начальником медицинской службы Центрального штаба ССО (студенческие строительные отряды) при Центральном Комитете Всесоюзного Ленинского Союза Молодежи (ВЛКСМ), которые дислоцировались в Целинном крае Казахской ССР. Практически сразу же после окончания института работал в Министерстве здравоохранения РСФСР. С 1968 года начал работать в Главной редакции Большой медицинской энциклопедии. Именно работа в качестве начинающего редактора и близкое знакомство с корифеями медицинской науки позволило в короткие сроки достичь Андрею Михайловичу высот в редакторской работе, которая стало образцом в научной литературе. Под руководством профессора И.П. Лидова и профессора С.А. Русанова стал одним из ведущих в России специалистов в области медицинского энциклопедического дела, пройдя путь от научного редактора до заместителя заведующего Главной редакцией. Главный редактор Третьего издания Большой медицинской энциклопедии Академик АМН СССР Б.В. Петровский высоко оценивал деятельность А.М. Сточика, т.к. именно при его активном участии были разработаны научно-методические основы, подготовлены и выпущены в свет более 60 томов отечественных медицинских энциклопедий, в числе которых 3-е издание Большой медицинской энциклопедии, Малая, Краткая и Популярная медицинские энциклопедии, Энциклопедический словарь медицинских терминов. А.М. Сточик разработал принципы, которые в настоящее время широко используются в российской медицинской журналистике. Учитывая, что медицинское энциклопедическое издание является базовым для журналистов, которые публикуют статьи по проблемам медицины, здравоохранения,

физической культуры и спорта, Андрей Михайлович, разработал основные принципы: отражать современные достижения науки и техники; критическое обобщение и максимальное использование предыдущих энциклопедических изданий; использовать результаты Терминологической комиссии АМН СССР для упорядочения медицинской терминологии; высокий научный уровень должен сочетаться с доступной формой с сохранением энциклопедического стиля, достоверного справочного материала и лаконичностью изложения; по возможности объективно использовать всю сумму знаний по медицине, физической культуре и спорту; алфавитный принцип построения статей; разработка словника и основных понятий по медицине, физической культуре и спорту; разработал систему категоричности статей по объему; в биографических статьях требовал отражения роли ученого, тренера, спортсмена; поощрял применение таблиц и иллюстраций; обязательное упоминание авторов статей. Данные принципы легли в основу научной деятельности А.М. Сточика, который в 1988 году на базе Главной редакции БМЭ организовал Научно-практическое объединение “Медицинская энциклопедия” РАМН, превратившееся под его руководством в крупный научный центр по проведению исследований в области истории медицины, истории и теории медицинского энциклопедического творчества, медицинской терминологии. А.М. Сточик успешно занимался научной разработкой проблем энциклопедического творчества, проведенный им анализ исторического опыта создания научно-отраслевых энциклопедий, разработка вопросов научного тематического планирования медицинских энциклопедий, раскрытие интегрирующей роли энциклопедий как инструмента систематизации научного знания легли в основу его кандидатской (1981) и докторской («Развитие медицинского энциклопедического творчества в СССР», 1992) диссертаций. В 1994 году Андрей Михайлович избран членом-корреспондентом, а в 1999-м – академиком Российской академии медицинских наук. Это единственный случай когда чрез два года после защиты докторской диссертации профессор избран академиком. В 2000 году А.М. Сточик избран членом Президиума РАМН, в 2013 году избран Академиком РАН. В 1992 году А.М. Сточик избран действительным членом Международной академии наук высшей школы и членом-корреспондентом Российской академии естественных наук; в 1993 году - академиком Международной академии информатизации. С 1989 г. возглавлял кафедру истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова. Одновременно с 1992 г. — директор ГУП «Издательство „Медицина“». Под руководством нового директора Издательство “Медицина” прочно вошло в число благополучных в финансовом отношении государственных издательств, возобновился бесперебойный выпуск учебников, руководств, справочников, монографий. Особое внимание А.М. Сточик уделяет выпуску медицинской периодической печати: в издательстве выходят 42 специализированных медицинских журнала, организован выпуск 14 новых журналов. По инициативе ученого в ММА им. И. М. Сеченова был разработана научно-методическая база и начато преподавание нового учебного курса — истории медицины и культурологии как единой дисциплины. Кафедра истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова стала ведущим в России методическим центром культурологического преподавания истории медицины, проведения историко-медицинских исследований от историографии частных событий до истории медицинского образования, здравоохранения и медицинской науки различных культурно-исторических эпох [2]. Являлся вице-президентом международной конфедерации историков медицины, председателем Научного совета по истории и философским проблемам медицины РАМН и Терминологической комиссии РАМН, председателем проблемной комиссии РАМН по истории медицины, руководителем секции истории медицины Национального комитета по истории и философии науки, председателем Специализированного диссертационного совета по специальностям «Социальная гигиена и организация здравоохранения. История медицины» при ММА им. И. М. Сеченова, членом экспертного совета ВАК РФ, главным редактором журнала «Медицинская помощь», заместителем главного редактора журнала «Проблемы социальной гигиены,

здравоохранения и истории медицины», основателем и ответственным редактором альманаха «Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова». Награжден орденом Почета, медалями “За освоение целинных земель”, “За трудовую доблесть”. Умер 16 марта 2015 года. Под научным руководством А.М.Сточика подготовлены и защищены 5 кандидатских и 3 докторские диссертации. Автор более 400 научных работ, в том числе 10 монографий, посвященных проблемам медицинского энциклопедического дела, возникновения и становления медицины в первобытном обществе, истории медицинского образования, Московской медицинской академии, истории клинического преподавания в Европе и России. Им внесен существенный вклад в разработки научно-методических основ подготовки медицинских энциклопедий: 3-его издания Большой медицинской энциклопедии, Малой, Краткой и популярных медицинских энциклопедий.

Осуществил оригинальные исследования по вопросам возникновения и становления медицины в первобытном обществе, развития магической медицины, емкие и яркие характеристики медицины Древней Греции, арабских халифатов, средневековой Европы, эпохи Возрождения и Нового времени, представленные в фундаментальной статье «Медицина» 3-го издания БМЭ (1981) и «Избранных лекциях по курсу истории медицины и культурологи» (1990). Им систематизирован архивный материал, посвященный периоду становления советского здравоохранения. Второе направление — история ММА им. И. М. Сеченова, представленное серией статей в центральных медицинских журналах, а также «Историческом вестнике Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова» — альманахе, основателем и ответственным редактором которого являлся сам ученый (с 1992 по 2003 год вышло в свет 18 томов этого издания) [3]. Третье направление связано с проблемами истории высшего медицинского образования и отражены в монографиях: «Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке» (1996, 2000), «Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века» (1998, 2001), «Разработка и внедрение этапности клинического преподавания» (2002). В 2002 году за цикл работ по истории высшего медицинского образования А.М. Сточика присвоена Премия Президента РФ в области образования.

Вывод: Академик РАН Андрей Михайлович Сточик внёс значительный вклад в развитие российской медицинской журналистики и энциклопедистики, разработал основные научные принципы составления статей по разделу медицина, здравоохранение, физическая культура и спорт.

Список литературы

1. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. — С.22-24.
2. Первый медицинский в годы Великой Отечественной войны / под общей ред. П.В. Глыбочко. - М.: Практическая медицина, 2015 - 176.
3. *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Формирование естественнонаучных основ медицины в процессе научных революций 17-19 веков. - М.: Шико, 2011 - 144 с.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук,
³В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ¹Л.Г. Шуваева, ¹Л.Ф. Хузиахметова,
³Э.Ф. Якуп, ¹А.З. Газизова, ³В.С. Кругликова канд. педагог. наук, ³И.М. Закиров

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирский государственный университет

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА БАШКОРТОСТАНА

Союз журналистов Республики Башкортостан с 1957 года проводит большую информационную работу с 4-миллионным населением. На современном этапе поставлены новые цели и задачи для журналистского сообщества для развития медицины, здравоохранения, физической культуры и спорта в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: *Союз журналистов, журналистика, идеология, регион.*

В декабре 1957 года был создан Союз журналистов (СЖ) Башкирской АССР (с 1991 г. — Республика Башкортостан). Первоначально в СЖ Башкирской АССР состояло 35 членов, в основном это были профессиональные работники средств массовой информации. Первым председателем был избран редактор республиканской газеты «Совет Башкортостаны», видный башкирский поэт Гилемдар Рамазанов. Башкирский советский поэт, литературовед, переводчик Гилемдар Зигандарович Рамазанов (1923 — 1993 гг.), участник Великой Отечественной войны, в 1966 году защитил диссертационную работу по творчеству классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури на соискание ученой степени доктора филологических наук. В 2019 году в СЖ Республики Башкортостан состоит более 1000 членов творческого союза [1, 2]. Председателем СЖ РБ является заслуженный работник печати и массовой информации РБ Артур Хасанович Давлетбаков.

Глава Республики Башкортостан Радий Фаритович Хабиров 22 ноября 2019 года на встрече с журналистами республиканских и федеральных СМИ, отвечая на вопрос «Башинформа», обозначил четыре тезиса, на которых будет базироваться идеология региона в ближайшие годы. «Мы думаем об идеологии с самого первого дня работы, и мы её сформируем обязательно, — сказал Хабиров. — Именно поэтому появились ряд вещей, из-за которых над нами и посмеиваются, и кто-то скептически к ним относится, кто-то и у виска крутит. Именно поэтому появились: «Без якшырак булдырабыз!», «Мы своих не бросаем». Вот эти все тезисы далеко не от нашего хвастовства. Мы — не хвастливые люди. Они нужны, чтобы задать энергию быть конкурентными и быть сильными». Глава РБ Р.Ф. Хабиров предлагает избавиться от негативных настроений, которые формируются на информационном пространстве путем быстрого формирования общественного мнения и привлечением более пассионарных и более компетентных людей. Необходимо опираться на следующее — нашу историю, которой необходимо гордиться во всех смыслах (начиная с участия во всех войнах великих, в которых наши предки проявили себя доблестными воинами); нашу уникальную природу с нашими запасами; наши предприятия, которые выдерживают конкуренцию и являются гордостью страны, и в мире конкурируют. СМИ РБ необходимо более активно освещать события по внутренней политике, т.к. первым вопросом всегда стоит в повестке: «Какая идеология в республике?». Мы думаем над ней всё время».

В настоящее время Администрация Главы РБ пока не придумали идеологию, которую можно было бы обозначить двумя-тремя словами (как, например, «суверенная демократия» Владислава Суркова). Но контуры, на которых будет базироваться национальная идея республики, определены. Вот тезисы, на которых будет базироваться идеология Радия Фаритовича Хабирова: 1) нам есть чем гордиться (люди, история, природа, предприятия); 2) мы сильная республика с сильной экономикой, развитым обществом; 3) у нас впереди очень успешное будущее; 4) у нас 4 миллиона жителей республики и разобраться внутри себя мы должны сами для того, чтобы жить в справедливости, порядке, оказывая помощь тем, кто больше всего нуждается в ней. Особое внимание необходимо уделить медицине, здравоохранению, физической культуре и спорту. Вот основные тезисы политики Главы РБ, поэтому исходя из этого свою работу должно построить журналистское сообщество, которое объединено более чем в 80 первичных организациях. До конца 2019 года объявлен переучёт всех членов СЖ РБ, включая пенсионеров. Прослеживается тенденция принятия новых членов СЖ РБ особенно из числа представителей СМИ сельской местности (в РБ 54 района, для сравнения в Республике Татарстан 44 района). Новые контуры идеологии Башкортостана могут найти отражение уже в ближайшем Послании Государственному Собранию – Курултаю Республики Башкортостан. Популярность печатной прессы падает практически во всём мире. Россия здесь не исключение. Значительное количество ведущих газет мира в 2019 году продолжили наращивать подписку по модели дозированного (мягкого) или полного paywall. Другими словами, выручка от реализации печатного и электронного контента газет и журналов постепенно превращается в важнейшую статью доходов издателей, стремящихся к тому, чтобы читатель воспринимал печатную периодику как недешёвый, но необходимый в повседневной жизни люксовый продукт с уникальными потребительскими свойствами, которые не присущи другим СМИ. В республике крайне не хватает профильных изданий по медицине, физической культуре и спорту. К сожалению, процесс монетизации цифровых издательских продуктов пока развивается непросто. Успешные проекты достаточно редки, однако развитие мультимедийности и мультiformатности печатных СМИ всюду в мире ставится во главу угла. На фоне мощного кризиса действующей системы платной дистрибуции печатной периодики продолжается определённая миграция части изданий в сегмент бесплатного распространения. Но этот путь тоже таит в себе угрозу превращения таких изданий в «бумажный» спам. Аналитика, рафинированная «дробная» публицистика, эксклюзивные интервью, «цепляющие тексты», подробные и яркие ответы на вопрос: «Что это было?» и сжатая до предела концентрация смыслов – в этом видят сегодня индустриальные эксперты основу контента печатных СМИ. Бумага и целлюлоза будут дорожать – соответственно, вопрос замены бумажного носителя для печатной прессы на какой-то иной приобретает особую актуальность. Новыми ключевыми стратегиями на ближайшую перспективу в бизнесе печатных СМИ, скорее всего, станут: Переход от двух больших источников дохода печатных СМИ (продажа рекламы и тиражей) к множеству мелких. Наиболее перспективными эксперты считают мероприятия, клубные форматы общения с аудиторией, продажу дополнительных услуг читателям и сервисов рекламодателям. Превращение нативной рекламы (официальная реклама с пометкой, творчески воспроизводящая редакционные форматы) в важнейший источник издательских доходов. Слияние журналистики с маркетингом. Для сбора целевой аудитории корпорации уже широко применяют журналистские технологии и форматы – развивают корпоративные СМИ, информационные корпоративные порталы, подкасты, видео и пр. Приличные деньги за подписку на электронный контент ныне собирают лишь десяток ведущих англоязычных газет мира и некоторые узкоспециализированные журналы. Для остальных такой контент ещё нельзя назвать товаром, за который платят достаточные для выживания деньги. В данных условиях ряд печатных СМИ пробуют продавать обществу не контент как товар, а свою социальную функцию. Очевидно, что в ближайшие 5–7 лет произойдёт мощнейшая трансформация рынка печатной периодики. А её результатом станет индустрия, адаптированная под вызовы времени – технологические, общественные,

мировоззренческие и др. Последние номинации ежегодного «Бала прессы», который обычно проходит в развлекательном комплексе «Огни Уфы», где отмечали лучших журналистов и блогеров республики по одиннадцати номинациям. Среди них: «Редактор года», «С петличкой на шее», «Будь или не Дудь», «Истина в Инсте» (лучший блог в Инстаграм), Уфимский Фейсбук, «Пресс-служба года» и другие. В настоящее время Администрации Главы РБ особенно важно прислушаться к правильной критике и быть открытыми для всех СМИ. Особую роль в работе СЖ РБ играет Агентство по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан (руководитель Борис Николаевич Мелкоедов). Компания «Медialogия» составила сентябрьский рейтинг регионов, о которых чаще всего писала пресса в контексте указа Владимира Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Москва возглавила список. Вторую строчку рейтинга занял Краснодарский край. Республика Башкортостан замкнула тройку лидеров. О Башкирии пресса сообщала, что в республике на базе сельских школ начали работу 133 образовательных центра «Точка роста». Освещалось получение Башкирией 208,5 млн рублей на обновление материально-технической базы образовательных учреждений в рамках нацпроекта «Образование». Также СМИ писали о получении регионом дополнительных 34,5 млн рублей на покупку лесопожарной техники в рамках регионального проекта «Сохранение лесов» нацпроекта «Экология».

Выводы:

- 1) СЖ РБ необходимо принять самое активное участие в выработке идеологии республики основываясь на четырех тезисах, представленных Главой РБ Р.Ф. Хабировым.
- 2) необходимо увеличить численность СЖ РБ за счёт принятия активных молодых членов, использующих современные технологии в СМИ.
- 3) сохранить лучшие традиции СЖ РБ путем работы с ветеранами журналистского сообщества во всех первичных организациях.

Список литературы

1. Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. редактор М.А. Ильгамов. Т.2: В—Ж. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006.
2. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**О.А. Астафьева канд. филол. наук, А.В. Блохин канд. филол. наук,
Т.А. Колоскова канд. филол. наук, Е.П. Филиппова канд. филол. наук,
О.С. Шемонаева канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru, avb6767@mail.ru,
filippova.elena.68@mail.ru, olser09@mail.ru

**ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИМИНУТИВОВ
В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Данная статья посвящена структурно-семантическому исследованию диминутивов в русской разговорной речи, употребляемых как в процессе устного неофициального общения, так и в социальных сетях. В работе рассматриваются особенности функционирования в речи слов с уменьшительно-ласкательным значением, деривационные процессы создания коннотативного компонента в структуре их лексического значения. Авторами делается вывод о том, что новые диминутивы в форме «мимимишной» лексики являются языковой приметой начала 21-го века, высокая степень их употребительности связана с появлением производных слов, с развитием синонимических и антонимических отношений, их потенциальные коммуникативные возможности реализуются в прагматической функции.

Ключевые слова: диминутивы, разговорная речь, оценочное значение, экспрессивные языковые единицы, прагматическая функция

Одной из ярких особенностей разговорной речи, в том числе письменной её формы в рамках интернет-общения, является стремление коммуникантов к экспрессии, окрашенности используемых языковых единиц.

Давно замечено, что словарные единицы с отрицательно-оценочным (пейоративным) значением составляют гораздо более многочисленную группу, чем семантическая подгруппа лексических единиц с положительно-оценочным значением. Это связывают с внеязыковыми факторами. К примеру, в «лихие 90-е», когда происходила криминализация общества в целом и языка в частности, речь пополнилась такими пейоративами, как *отморозок*, *беспредельщик*, *беспредел*, *лохонуться*, *чепушило*, *чмошник* и др. Большинство из них фигурировало в молодёжном сленге и арго, легко проникая в обиходную речь через средства массовой информации, рекламу, кинофильмы [См. об этом 5, с. 74].

Сегодня ситуация с использованием экспрессивных единиц, как показывают наблюдения, поменялась кардинально: вектор оценочности слов, наиболее часто употребляемых как в процессе устного неофициального общения, так и в социальных сетях, направлен на слова-мелиоративы, слова с положительным оценочным значением, которых в последнее десятилетие зафиксировано достаточно много. Речь идёт в первую очередь о таком феномене, как «мимимишный язык», распространившийся сначала в Интернете, а затем и за его пределами. Этот слащаво-умилительный лексикон, на наш взгляд, яркий пример того, как общество, уставшее от всяческой языковой «чернухи», пытается защититься от языковой и прочей агрессии, «впадая в детство», то есть через крайнюю форму выражения положительной оценки – диминутивы (от английского «diminutive»- уменьшительный).

Ранее данное явление обозначалось как «уменьшительно-ласкательная форма». Термин «уменьшительность» традиционно определяется как «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками - ласкательности, уничижительности и т.п.» [2, с. 319]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» уменьшительность рассматривается как одна из понятийных категорий, под которыми понимаются «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами». [3, с. 431]. Таким образом, понятия «диминутивность» и «уменьшительность» выступают как эквиваленты.

Важнейшей деривационной особенностью диминутивов является ведущая роль суффиксальной морфемы в создании коннотативного компонента в структуре лексического значения производного слова, которая становится очевидной при сравнении пар типа *сын – сынок, зерно – зернышко, пирог – пирожок* и т.д. Диминутивная лексика, широко распространенная в текстах русского фольклора, входит в состав его оценочных средств: *петушок-золотой гребешок, курочка Ряба, избушка на курьих ножках, травушка – муравушка* и т.д. Безусловно, диминутивы придают особую задушевность и лиризм произведениям народного творчества, однако в современном языке они скорее являются свидетельством низкого уровня грамотности и отсутствием языкового вкуса. Так, выражения типа «скушай курочки», «отрежь булочки», «она такой славный человечек» д.ф.н. В.Ефремов рассматривает в одном ряду со словами и выражениями типа «два кусочка колбаски», «яичко», «хлебушек» в рамках просторечия, характерного для малообразованных городских жителей [4, с. 130]. Как же вписывается в это поле «мимимишная лексика», является ли она порождением тех же механизмов, что работают при образовании вышеупомянутых диминутивов? Думается, и да, и нет.

Дело в том, что обычные слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, отражая процесс эвфемизации, в основном фиксируются как уже сказано выше, в речи старшего поколения, особенно женщин, причём главным мотивом употребления диминутивов становится стремление следовать правилам вежливости, создавать атмосферу комфортной коммуникации, как бы «поглаживая» собеседника во время общения с помощью ласковых слов. «Мимишный новояз», напротив, ориентирован, на молодёжную среду, которой в большей степени свойствен процесс дисфемизации, так что мотивом к употреблению «кавайных» словечек (то есть выражающих восхищение, умиление и проч.) становится скорее дань моде, желание «быть своими и как все» в рамках «гламурного» общения, нежели попытка сделать это самое общение более продуктивным. Следует отметить, что слащавость «няшной» речи может быть не только неприятной, но даже отталкивающей для тех или иных носителей языка, однако это не снижает употребительности данных слов как в интернет-постах, так и в устной обиходной речи.

С целью выявления степени употребительности и коммуникативных потенциалов новых диминутивов, нами был проведен эксперимент, в котором приняли участие студенты 1-4 курсов ГГТУ (возрастная категория 17-21год), всего 100 человек (34 – лица мужского пола, 56 – лица женского пола). Участникам была предложена анкета, содержащая следующие вопросы:

1. Употребляете ли вы или ваши знакомые диминутивы («мимимишные» слова)? Какие именно?

2. В какой речевой ситуации:

- а) умиление от увиденного или услышанного
- б) шутливое одобрение
- в) выражение иронии или сарказма
- г) свой ответ

3. Чем вы можете объяснить моду на диминутивы? Какие процессы в обществе отражает данная лексика?

4. Могут ли «няшные» слова пополнить фонд русского языка? Мотивируйте свой ответ.

Результаты обработки данных показали, что 66% опрошенных используют в своей речи «модные» диминутивы, а резко отрицательно относятся к данной лексике 34% студентов, не употребляющих эти слова ни в каких речевых ситуациях. Наиболее популярными оказались такие слова, как «*няша*» и производные от него типа «*вкусняшка*» и «*грустняшка*», междометие «*мими*» и производные «*мимишка*», «*мимишино*», жаргонные клише «*тичалька*», «*спасибки*», «*покакусики*», а также наименования домашних животных «*котейка*» и «*пёсель*».

В большинстве случаев -70% респондентов - включают сленгизмы в речь для выражения умиления и восхищения, для шуточного одобрения- 28%, а 37% используют диминутивы как средство иронии и сарказма.

По мнению 46% опрошенных, распространению сленговых единиц способствует активное общение в различных мессенджерах, на сайтах, в социальных сетях, кроме того, «няшные» слова позволяют маркировать молодежный дискурс, демонстрируя причастность к «своей» возрастной категории и вообще ко «СВОИМ» - так считает 18% участников анкетирования. Стремлением к эвфемизации речи объясняют моду на диминутивы 31% респондентов, примерно 4% называют причиной распространения «няшных» слов общую инфантилизацию общества. Остальные опрошенные (около 1%) затруднились ответить на третий вопрос анкеты.

Несмотря на широкое распространение вышеупомянутых диминутивов, большинство студентов (52%) считает эти единицы отчасти ущербными (и с точки зрения внешнего облика, и с точки зрения смысла) нелитературными единицами и отказывает им в праве быть включенными в словарь. Напротив, 38% респондентов убеждены, что «няшные» слова могут оказаться не только на страницах жаргонных и сленговых словарей, но и в словарях новых слов и значений, отражающих языковую ситуацию первых десятилетий 21-го века.

Объясняя широту распространения диминутивов в современном узусе, можно называть следующие причины: общая «инфантилизация» общества, обращённость всех сфер жизни к молодежному социуму, стремление с помощью смягчения речи создать более комфортные условия для общения, нежели в реальном мире, маркировка словом «своих», банальная мода на новое, неизбитое, насаждённая соцсетями, отсутствие языкового вкуса и всеядность в отношении употребления подобных единиц.

Укоренятся ли «мимишные» слова, покажет время. Что же касается словаря "Новые слова и значения: словарь - справочник по материалам прессы и литературы первого десятилетия XXI века", то диминутивы в нем фиксируются с соответствующими пометами. Сейчас о них уже можно говорить как о языковой примете начала 21-го века, поскольку на это указывает не только степень их употребительности, но и появление производных слов, наличие отношений синонимии, антонимии и проч. В современной русской разговорной речи диминутивы относят к ярким продуктивным средствам коммуникации, их потенциальные возможности реализуются в прагматической функции.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. - М., Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Ахманова О.А. Словарь лингвистических терминов. – М., Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 682 с.
4. Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача. – Верхневолжский филологический вестник, № 4, 2018. – с. 127 – 136.
5. Шарифуллин Б.Я. Общая характеристика речевой ситуации в российском городе начала ХХI века. - Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1.- С. 67–85.

10.02.01

А.Г. Гилемшина канд. филол. наукКазанский государственный медицинский университет,
кафедра русского и татарского языков**УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Настоящая статья представляет собой попытку выявить и обобщить тенденции употребления устойчивых словосочетаний в языке популярных арабских онлайн-изданий, посвященных общественно-политической и экономической проблематике, рассмотреть основные проблемы их перевода на русский язык, а также обозначить основные ориентиры, на базе которых в дальнейшем возможно осуществление полномасштабных лексикологических и корпусных исследований текстов арабских СМИ. Особое внимание уделяется лексическим новообразованиям последних десятилетий и соотношению среди них фонетических заимствований и калькированных сочетаний.

Ключевые слова: *арабские онлайн-издания, арабские СМИ, устойчивые выражения, язык СМИ, лексикология, корпусная лингвистика, перевод арабских СМИ.*

Тема лексикологического изучения арабских средств массовой информации представляется актуальной и значимой в силу того, что именно они на сегодняшний день являются ведущими источниками информации о регионе Ближнего Востока по общественно-политической и социально-экономической темам. Значимость того, что происходит в данном регионе в сферах политики, экономики и международных отношений, трудно переоценить - это крупнейший и важнейший для мировой повестки дня цивилизационный ареал, где ежедневно происходят события, во многом определяющие общий курс мировой политики и экономики. Стоит ли говорить о том, что для установления дружественных и взаимовыгодных дипломатических, торгово-экономических, политических отношений между Российской Федерацией и странами арабского Востока жизненно важно обеспечить профессиональный и максимально точный перевод новостных заметок, репортажей, статей с арабского на русский язык, либо по меньшей мере наиболее полное понимание отраженной в них информации.

Данная проблема порождает необходимость комплексных лексикологических исследований языка арабских Интернет-СМИ, поскольку данная область является весьма специфической по языковому узусу, стилю и наиболее употребительной лексике. Другая важная задача, связанная с лексикологическими исследованиями современного литературного арабского языка, - это проблема составления корпуса арабского языка, о которой пишут такие исследователи, как Х. Буамор, Н. Хабаш и К. Офлазер (23), К. Алмеман, М. Ли и А.А. Алмиман (19), В. Загуани (30), О.И. Редькин (8) и др. Существуют многочисленные корпуса как литературного арабского языка, так и его диалектов, а также отдельно корпуса коранического арабского, текстов арабоязычного Интернета и т. д. Достаточно полный список таких корпусов доступен на сайте Infoguistics исследователя корпусной лингвистики Аймана Эддакури (21). Недостаток всех этих корпусов заключается в том, что они почти не содержат каких-либо текстов, опубликованных после 2010 года, то есть исследования языка наиболее актуальных и современных текстов арабских СМИ с их помощью провести невозможно. Однако в какой-то мере роль таких корпусов может выполнять сам Интернет, а роль поисковой системы корпуса - такие поисковые системы, как Google, Yandex и др., в которых также доступны элементарные средства подсчета частотности тех или иных лексических единиц.

Другая возникающая здесь проблема, находящаяся на стыке лексикологии и переводоведения, сопряжена с изучением собственно языка современных арабских СМИ (последних 3-5 лет) и разработкой практических рекомендаций для потенциальных переводчиков новостных и публицистических текстов. Эти задачи осложняются тем, что язык журналистики находится в постоянном процессе изменений и все время пополняется новыми лексическими и фразеологическими единицами. К ним относятся неологизмы, заимствования из других языков (особенно часто - из английского), новые идиоматические выражения и даже сленговая лексика, время от времени проникающая в лексикон пишущих журналистов.

Изученность лексики арабских СМИ на настоящий момент нельзя назвать достаточной, однако есть целый ряд публикаций на эту и смежные темы. В первую очередь нужно упомянуть русско-арабский и арабско-русский словарь средств массовой информации составителей М.А. Аландаренко и Д.А. Джабера, выпущенный и опубликованный в 2007 году (1). К сожалению, данный словарь не переиздавался и поэтому имеет тот же недостаток, что и вышеупомянутые корпуса арабского языка - он выпущен более 10 лет назад и поэтому не содержит наиболее поздних новообразований в языке арабских СМИ. К тому же, данный словарь был издан до периода активного распространения онлайн-изданий, поэтому скорее всего главным образом основан на текстах печатных СМИ. То же самое можно сказать и о статье Э.К. Байрамовой “Язык арабских средств массовой коммуникации”(2), опубликованной в 2009 году. Однако, эта работа важна как удачная попытка переноса результатов западных исследований медиатекстов (и самого понятия “медиатекст”) на арабский материал. Автор выявляет ряд важных особенностей языка арабских СМИ (или СМК, что является более широким термином), в частности его клишированность, значительное количество заимствований из западных языков (как следствие глобализации) и частое внедрение обиходно-разговорной речи несмотря на общее преобладание литературного арабского языка в новостных СМИ.

Более поздние исследования, опубликованные уже в 2010-е годы, представляют собой следующий шаг вперед в изучении языка арабских медиа. Сюда можно отнести исследования арабской блогосферы (Г.Г. Зайнуллин и А.М. Хабибуллина (7), Б. Этлинг (24), Т. Пепе (27)), арабского Интернета в целом (А.А. Блинов (4; 5), А.М. Хабибуллина (9), Н. Албалуши, Н. Мохамед и Дж. аль-Джаруди (15)) и в целом развития арабского языка в эпоху глобализации (Л.А. Чупрыгина (11), А.М. Бахи (3), А.А.Х. аль-Атвари (14) и др.). Отдельно хотелось бы отметить работу Р. Кмаила, посвященную проблемам перевода англоязычных неологизмов, появившихся в социальных сетях, на арабский язык, в которой автор делает однозначный вывод о переводимости этих неологизмов (25). Есть множество публикаций и других авторов, но перечислять их все в рамках данной статьи не представляется возможным и целесообразным, поэтому мы остановились лишь на основных.

Переходя к сути нашего исследования, результаты которого будут представлены ниже, нужно прежде всего сказать, что мы провели выборочный семантический анализ устойчивых словосочетаний в текстах нескольких ведущих арабоязычных онлайн-изданий, посвященных общественно-политическим и экономическим темам и опубликованным за последние шесть месяцев (то есть за первую половину 2019 года). Для исследования были отобраны наиболее популярные и влиятельные арабские онлайн-издания: Aljazeera (Катар) (18), Al-Arabiya (ОАЭ) (13), Al-Ahram (Египет) (22), Al-Bayan (ОАЭ) (16), Al-Akhbar (Ливан) (12), al-Yawm as-Sabi' (также встречается написание Youm7, Египет) (20) и Al Ghad (Иордания) (17). Все эти издания публикуют новостные сообщения ежедневно, все выходят на литературном арабском языке, являющемся общим языком письменной речи для всего арабского мира. Aljazeera и Al-Arabiya имеют, помимо арабской версии, еще и англоязычную, а Al-Arabiya также версии на персидском и урду. Ключевой момент в том, что ни одно из этих онлайн-изданий не имеет русскоязычной версии, а значит, что русскоязычным читателям новостные сообщения и статьи данных сайтов доступны только при условии уверенного владения письменным арабским языком (при условии уверенного владения письменным английским -

только 2 из этих изданий). Возникает практическая необходимость осуществления перевода, по крайней мере для нужд внешнеполитических ведомств, российских государственных и частных предприятий, работающих по договорам с компаниями арабского мира, образовательных учреждений, связанных с подготовкой востоковедов-арабистов, и русскоязычных предпринимателей, ведущих бизнес в арабских странах либо сотрудничающих с ними.

Для этих целей необходима разработка конкретных рекомендаций по переводу устойчивых (клишированных) словосочетаний, которые встречаются в арабоязычных новостных текстах очень часто.

Действительно, высокая клишированность новостных текстов отмечается многими исследователями. По мнению Добросклонской, язык СМИ - это "устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся определенным набором лингвостилистических свойств и признаков" (6: 15), и одним из таких признаков следует считать высокую стандартизованность языка и стиля новостных сообщений. Новостные сообщения, или просто новости, в журналистике всегда выделяются в отдельный жанр и в арабском медийном дискурсе называются خبر (*khavar*) (мн. ч. أخبار *akhbar*). Согласно большинству исследователей, новость является базовым текстом средств массовой информации и коммуникации (2). Очевидно, что основная функция таких текстов - информативная, т.е. они предназначены в первую очередь для сообщения аудитории тех или иных сведений, представляющих общественную значимость. По этой причине сообщаемая информация как правило преподносится достаточно четко, ясно, объективно и по возможности однозначно, т.е. авторы новостных заметок стараются избегать двусмысленности, образных выражений, метафор, сравнений, эмоционально-экспрессивных выражений и любых лексических средств, указывающих на отношение автору к сообщаемой информации. Это стремление к строгому, стандартизованному языковому оформлению новостных публикаций роднит публицистический (или, согласно принятой сегодня терминологии, медийный) стиль с научным стилем. По мнению В.В. Хорольского, элементы научности в медийных текстах естественны и необходимы (10).

Случайная выборка текстов из упомянутых выше арабских онлайн-изданий позволила нам проанализировать содержание этих текстов и выявить в нем наиболее частотные словосочетания, для чего мы применили свободно доступные в сети Интернет системы контент-анализа веб-сайтов Miratext (26) и Text Analyzer сайта Online-Utility.org (28).

Анализ продемонстрировал следующее:

Наиболее часто встречающиеся в новостных текстах, посвященных общественно-политическим и экономическим темам, устойчивые словосочетания с грамматической точки зрения относятся к изафетным конструкциям (существительное + существительное): هيئة الأركان (*hay'ah al-'arkan* 'штаб'), زعيم المعارضة (*za'im al-mu'aradah* 'лидер оппозиции'), ولي العهد (*wali-l-'ahd* 'кронпринц, наследник престола'), إمدادات النفط (*'imdadat an-nift* 'поставки нефти'), تعزيز العلاقات (*ta'ziz al-'alaqat* 'укрепление отношений'), مكافحة المخدرات (*mukafahah al-mukhaddirat* 'борьба с наркотиками'), فوائد القروض (*fawa'id al-qurudh* 'проценты по займам'), مجلس النواب (*majlis an-nuwwab* 'палата представителей') и др.

Другая, не менее частотная группа словосочетаний - это согласованные словосочетания (существительное + прилагательное): اللجنة الأمنية (*al-lajnah al-'aminah* 'комитет по безопасности'), المجلس العسكري (*al-majlis al-'askariyy* 'военный совет'), الأسواق العالمية (*al-'aswaq al-'alamiyyah* 'мировые рынки'), النظام السابق (*an-nizam as-sabiq* 'прежний режим'), حرب أهلية (*harb ahliyyah* 'гражданская война'), المغرب العربي (*al-maghrib al-'arabiyy* 'арабский Магриб'), التطبيع الشامل (*at-tatbiq ash-shamil* 'всеобщая нормализация обстановки') и др.

Упомянутые словосочетания не являются чем-то специфически характерным для арабских онлайн-изданий, а весьма часто встречаются также и в арабской прессе.

Более интересными представляются устойчивые выражения, появившиеся в арабском медийном дискурсе в последние 2-3 десятилетия и представляющие собой либо кальки, либо фонетические заимствования из европейских языков, главным образом из английского. Примером могут служить словосочетания صديق البيئة (sadiq al-bi'ah 'благоприятный для окружающей среды', от англ. 'environmentally friendly'), الحادث الإرهابي (al-hadith al-'irhabiyy 'террористический акт', от англ. 'terrorist act'), الليبرالية الجديدة (al-libiraliyyah al-jadidah 'неолиберализм', от англ. 'neoliberalism'), جماعات الضغط (jama'at adh-dhaght 'инициативные группы, лобби', букв. "группы давления", от англ. 'pressure groups'), بترودولار (bitrudular 'нефтедоллар', от англ. 'petrodollar').

Стоит отметить, что процент встречающихся заимствований и других новообразований в арабской общественно-политической и экономической лексике резко возрастает, когда мы переходим к рассмотрению публицистических и аналитических, а не сугубо новостных, текстов. Такого рода материалы представляют собой статьи, отражающие мнение того или иного журналиста по поводу определенных общественно-политических или экономических событий или явлений. Как правило, в рамках веб-сайтов рассматриваемых изданий эти статьи объединяются в одну рубрику, которая может называться رأي (ra'y 'мнение'), как в ливанском издании Al-Akhbar, مقالات (maqalat 'статьи'), как в Al Arabiyah и египетском Youm7, или أفكار ومواقف ('afkar wa mawaqif 'идеи и позиции'), как в иорданской онлайн-газете Al Ghad. Здесь авторы не ограничены строгими рамками новостного жанра и, несмотря на общий серьезный тон и стремление к объективности, могут выражать собственное мнение и пользоваться соответствующими этому лексическими средствами. Англицизмы (фонетические заимствования из английского языка) особенно распространены в лексике, относящейся к сфере информационных и цифровых технологий, например: تهديدات السايبر (tahdidat as-saybir 'киберугрозы', от англ. 'cyber threats') или بكسل (biksil 'пиксель', от англ. 'pixel'). С другой стороны, для общественно-политической и экономической лексики более характерны словосочетания-кальки, где каждый из элементов является исконно арабским, но словосочетание в целом приобретает новое значение по аналогии с английским языком, например: رهانات سياسية (rihanat siyasiyah 'политические ставки', от англ. 'political stakes'), арабское رهان 'rihan' имеет первоначальное значение 'пари, азартный спор'), السياحة البيئية (as-siyahah al-bi'iyah 'экологический туризм') и др.

Поскольку зачастую межъязыковые эквиваленты устойчивых словосочетаний не закреплены в двуязычных словарях, возникает уже упоминавшаяся нами проблема перевода таких словосочетаний на русский язык. Для решения данной проблемы нами разработаны следующие практические рекомендации:

1) словосочетания типа "существительное + прилагательное" следует переводить аналогичной структурой русского языка, однако в инвертированном порядке, например التنمية المستدامة ('at-tanmiya al-mustadamah') - "устойчивое развитие"; исключения составляют фразы типа الرئيس الأمريكي ('ar-ra'is al-'amrikiyy), что рекомендуется переводить как "Президент США", а не "американский президент", поскольку согласно норме новостного стиля русского языка необходимо придерживаться официальных названий должностей;

2) изафетные словосочетания ("существительное + существительное") далеко не всегда переводятся аналогичным по конструкции словосочетанием русского языка, например عدم المساواة ('adam al-musawah') - "неравенство", а не "отсутствие равенства", توترات الاقتصاد ('tawatturat al-iqtisad') - "экономическая напряженность", а не "напряженности экономики" и т.п.;

3) важно помнить, что для арабского языка более характерно калькирование, тогда как для русского - фонетическое заимствование, поэтому при переводе нередко отдается предпочтение варианту-интернационализму, например المنطقة المنزوعة ('al-mintaqah al-manzu'ah') - "демилитаризованная зона" (а не "разоруженная область"), مؤتمر صحفي

(‘*tu’tamar sahaḥiyyu*’) - “пресс-конференция” (а не “журналистская конференция”).

4) перевод должен соответствовать по стилю жанру медийного текста, т.е. при переводе новостных текстов применяются более строгие межъязыковые эквиваленты, тогда как при переводе аналитических статей, колонок редактора и публицистики допустимы образные выражения и вольный контекстуальный перевод.

5) ориентиром для переводчика новостных публикаций на общественно-политические, международные, дипломатические темы должны служить нормативы перевода, закрепленные Организацией Объединенных Наций и отраженные в онлайн-руководстве по переводу и редактированию документов ООН (29).

Выводы. Проведенное нами исследование современных новостных публикаций (за первую половину 2019 года) нескольких ведущих арабоязычных онлайн-изданий, посвященных общественно-политической и экономической проблематике, показало, что такие тексты имеют высокую степень клишированности и изобилуют устойчивыми словосочетаниями. Большинство таких словосочетаний относятся к категориям “существительное + прилагательное” и “существительное + существительное” (изафетные словосочетания). Значительное количество таких лексических единиц пришли из языка арабской прессы и присутствуют в литературном арабском языке уже не одно десятилетие. В то же время в современных новостных публикациях на арабском языке в большом количестве присутствуют и новообразования (неологизмы и заимствования). Подавляющее большинство таких словосочетаний, появившихся в языке в последние 2 десятилетия, являются интернационализмами либо англицизмами, причем если в таких сферах, как информационные технологии, можно чаще встретить фонетические заимствования из английского языка, то в медийных текстах общественно-политической тематики это главным образом калькирования, состоящие из двух-трех исконных элементов (слов), повторяющих буквальное значение элементов английского эквивалента. При переводе арабских текстов с такими словосочетаниями на русский язык необходимо руководствоваться контекстом и несколькими практическими рекомендациями, приведенными выше. Более детальное изучение функционирования устойчивых словосочетаний в языке арабской прессы и арабского Интернета является одной из дальнейших задач арабской лексикологии и корпусной лингвистики.

Список литературы

1. Аландаренко М.А., Джабер Д.А. Русско-арабский, арабско-русский словарь лексики средств массовой информации. – Восток-Запад, 2007. 544 с.
2. Байрамова Э.К. Язык арабских средств массовой коммуникации // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-arabskih-sredstv-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 26.06.2019).
3. Бахи А.М. Политическая фразеология арабского языка // Учен. зап. Таврич. национального ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26. – №. 2. – С. 183.
4. Блинов А.А. Арабский язык общения в Интернете // Россия и мусульманский мир. – 2013. – №. 10 (256). – С. 168-184.
5. Блинов А.А. Интернет в арабском мире // Восточная аналитика. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-v-arabskom-mire> (дата обращения: 26.06.2019).
6. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. – Университет, 2010. – 116 с.
7. Зайнуллин Г.Г., Хабибуллина А.М. Лингвопрагматические особенности комментария в арабоязычной блогосфере // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки, 2016. – Т. 158, кн. 6. – С. 1609–1619.
8. Редькин О.И. Формирование корпуса текстов и определение частотности слов в арабском языке: проблемы и решения // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korpusa-tekstov-i-opredelenie-chastotnosti-slov-v-arabskom-yazyke-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 26.06.2019).

9. *Хабибуллина А.М.* Интернет-лингвистика в российском и зарубежном языковедении // Актуальные направления научных исследований по проблемам международных отношений, истории и востоковедения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) магистрантов, магистров, аспирантов и молодых ученых (Казань, 26–28 апреля 2017 г.) / под общ. ред. Ф.Г. Мухаметзяновой, О.Л. Панченко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – с. 253.
10. *Хорольский В.В.* Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – №. 4. – С. 86.
11. *Чупрыгина Л.А.* Эволюция арабского языка в эпоху культурной глобализации: от диглоссии к золотому треугольнику // Мова і культура. – 2013. – №. 16, т. 3. – С. 207-215.
12. Al Akhbar URL: <https://www.al-akhbar.com/> (дата обращения: 27.06.2019).
13. Al Arabiya URL: <https://www.alarabiya.net/> (дата обращения: 27.06.2019).
14. *Al-Athwary A.A. H.* The semantics of English borrowings in Arabic media language: The case of Arab gulf states newspapers // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. – 2016. – Т. 5. – №. 4. – С. 110-121.
15. *Albalooshi N., Mohamed N., Al-Jaroodi J.* The challenges of Arabic language use on the Internet // 2011 International Conference for Internet Technology and Secured Transactions. – IEEE, 2011. – С. 378-382.
16. Al Bayan URL: <https://www.albayan.ae/> (дата обращения: 27.06.2019).
17. Al Ghad URL: <https://alghad.com/> (дата обращения: 27.06.2019).
18. Aljazeera URL: <https://www.aljazeera.net/> (дата обращения: 27.06.2019).
19. *Almeman K., Lee M., Almiman A.A.* Multi dialect Arabic speech parallel corpora // 2013 1st International Conference on Communications, Signal Processing, and their Applications (ICCSA). – IEEE, 2013. – С. 1-6.
20. Al-Yawm as-Sabi' URL: <https://www.youm7.com/> (дата обращения: 27.06.2019).
21. Arabic corpora // Ayman Eddakroui. Infoguistics. URL: <https://sites.google.com/a/aucegypt.edu/infoguistics/directory/Corpus-Linguistics/arabic-corpora> (дата обращения: 26.06.19).
22. Bawwab al-Ahram URL: <http://gate.ahram.org.eg/> (дата обращения: 27.06.2019).
23. *Bouamor H., Habash N., Oflazer K.A* Multidialectal Parallel Corpus of Arabic // LREC. – 2014. – P. 1240-1245.
24. *Etling B. et al.* Mapping the Arabic blogosphere: Politics and dissent online // New Media & Society. – 2010. – Т. 12. – №. 8. – P. 1225-1243.
25. *Kmail R. A. A. R. N.* The Translatability of English Social Media Neologisms into Arabic : diss. – An-Najah National University, 2016.
26. Miratext URL: https://miratext.ru/seo_analiz_text (дата обращения: 27.06.2019).
27. *Pepe T.* Improper Narratives: Egyptian Personal Blogs and the Arabic Notion of Adab // LEA-Lingue e Letterature d'Oriente e d'Occidente. – 2012. – Т. 1. – С. 547-562.
28. Text Analyzer // Online-Utility.org URL: <https://www.online-utility.org/text/analyzer.jsp> (дата обращения: 27.06.2019).
29. United Nations Editorial Manual Online // Department for General Assembly and Conference Management - Off-Site Portal URL: <http://www.dgacm.org/editorialmanual/> (дата обращения: 27.06.2019).
30. *Zaghouani W.* Critical survey of the freely available Arabic corpora //arXiv preprint arXiv:1702.07835. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1702/1702.07835.pdf> (дата обращения: 27.06.2019).

10.02.01

Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Москва, Jebreil.najafi@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТОЙКОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ В РАБОТЕ» В РУССКОМ И ИРАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена фразеологическим единицам, выражающим тематику терпения и стойкости в работе в русском и иранском языках. На конкретных примерах показаны разные значения и место употребления таких ФЕ в определённых коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: *Фразеологические единицы, русский и иранский менталитеты, тематикон «терпения и стойкости в работе», труд, общие и специфические черты, лингвокультурология.*

Фразеологическая система каждого языка уникальна, она имеет глубокие национальные корни. В персидском языке ФЕ - это чаще всего полностью или частично переосмысленные обороты, для которых характерны новые комбинации смысловых элементов по сравнению с буквальным значением их свободных аналогов. Таким образом, в отличие от лексических средств языка, это более сложные языковые единицы, по сути производные, особой вторичной номинации, передающие определенную сложившуюся систему образного восприятия мира, оценок и коннотаций[2].

Характерными особенностями персидского языка являются образность и широкие использование фразеологизмов в устной и письменной речи. Такова многовековая традиция в официальной речи, но и обычная, повседневная не обходится без образных выражений, пословиц, поэтических афоризмов и крылатых слов. В персидской фразеологии ярко проявляется главная функция, главное предназначение фразеологии - служить образно-экспрессивными выразительными средствами. Основную массу фразеологизмов в персидском языке составляют идиомы и полностью или частично переосмысленные обороты, причем метафорическое переосмысление является в них основной формой семантического преобразования. Интернациональных и заимствованных фразеологизмов в персидском языке очень мало.

ФЕ так или иначе распределены по тематическим группам, которые могут не совпадать в разных языках. Умение быть терпеливым с окружающими (особенно с близкими) считается человеческим достоинством, к которому надо стремиться. В Иране терпение называется "Сабром". Термин "Сабр" используется для обозначения терпения при исполнении религиозных обязанностей, воздержания от запретного, упорства в священной войне, благодарности и т. д.[6] Коран предписывает мусульманам быть терпеливыми и стойко переносить все тяготы жизни. Только терпеливые могут добиться успехов в обоих мирах, и заслужить милость Аллаха. Эти особенности менталитета не могут не находить отражение в пословичном фонде языка. В персидском языке есть фразеологические единицы, которые рекомендуют не спешить на работе и делать работу качественно и не спеша:

1. Дела устраиваются терпением
2. Дело в спешке не получается.

Эти фразеологические единицы близки к русским пословицам:

1. Хорошая работа спешки не любит.
2. Спеша медленнее.
3. Поспешаешь - людей насмешаешь.
4. Всякое дело терпением одолеть можно [3]

В русском языке употребляются соответственно следующие ФЕ в устной речи :

Терпение и труд все перетрут. Терпение и упорная работа приносят успех. Так говорят, когда хотят кого-л. ободрить после постигшей неудачи, перед предстоящей трудной работой. Например, «В общем, все громадные перемены в квартире и даже, пожалуй, отчасти этот брак были удивительными событиями, которые мы записываем золотыми чернилами, только они немного расплываются, поскольку бумага не так еще хороша. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут».[1]

Несколько смягченное значение имеет ФЕ **Тише едешь - дальше будешь.**, которая также имеет в определенных контекстах подобную семантику. Смысл этой парадоксальной пословицы – не надо спешить, надо иметь терпение - как в делах, так в жизни. Надо быть благоразумным и обстоятельным, и тогда вы сделаете больше и лучше, чем когда вы будете спешить. И в формировании этой пословицы сказались условия жизни. Так, эта пословица восходит к тому времени, когда главным транспортом в России была телега с лошадью. Если ты опрометчиво будешь стегать свою лошадь, чтобы она поскорее добралась до определенного места, то очень может быть, что лошадь просто выбьется из сил и встанет, а может быть, даже погибнет, и ты уже никуда не доберешься. А если ты поедешь потихоньку, то лошадь не устанет и скорее и надежнее довезет тебя до нужного места. Сейчас практически лошадь не используется как вид транспорта, но мы часто вспоминаем эту пословицу, когда хотим сказать: не надо спешить, надо всё хорошо обдумать перед дальней дорогой – Тише едешь, дальше будешь![5]

В русском языке есть еще несколько фразеологических единиц на эту или похожую тему:

1. Поспешишь – людей насмешишь.

2. Спешка нужно только при ловле блох. И в целом спешка в русском менталитете осуждается как правило. Однако согласно иранской и исламской культуре, в пяти случаях следует проявлять поспешность:

1. Когда в дом приходит гость, следует сразу же подать угощение.

2. При совершении греха следует немедленно покаяться.

3. Совершать намаз сразу же, как только наступило его время.

4. Спешить с погребением покойного.

5. Женить своих детей по достижении ими совершеннолетия.

Сообщается, что по поводу этих пяти случаев в мусульманском менталитете посланник Аллаха (салаллаху алейхи ва саллям) говорил: «О, Али! Никогда не откладывай следующих трех вещей: Совершай намаз сразу же, как только наступит его время. Без промедления совершая джаназа-намаз. Если к девушке или вдове посватается равный им мужчина, то сразу же пожени их» (Асиатуль-Лямаат). «Спешите совершить покаяние до того, как смерть придет к вам. Спешите совершать благие деяния, пока не возникло препятствий для этого. Таким образом, вы удостоитесь удела и помощи от вашего Господа» (Ибн Маджа). «Спешите раздавать садака. Так как садака устраняет бедствия» (Байхаки). «Погиб тот, кто откладывал совершение благодеяний на потом» (Берика).[7]. В русском менталитете этому нет точных соответствий, поэтому фразеология не отражает этих особенностей в близком понимании, но есть опосредованные сходства. Оба народа когда речь идет о добром деле, предлагают торопиться и смело браться за дело : В персидском языке используют ФЕ: В добром деле не надо гадание по Корану, а в русском языке используют следующие ФЕ: 1. Доброе дело делай смело. 2. Делать добрые дела, никогда не поздно. 3. Твори добро, пока время не прошло (новое выражение, встречено в СМИ).[4]

Данные сведения имеют перспективы использования в процессе преподавания РКИ в иранской аудитории, поскольку позволяет познакомить студентов со смыслом и происхождением ФЕ семантического поля «стойкость и терпение в работе», которое очень важно для иранского менталитета. Кроме того, для понимания текстов на русском языке иранскому студенту необходим набор пресуппозиций, в общих чертах сходный с таковым у носителей русского языка. ФЕ справляются с задачей формирования идентичного корпуса пресуппозиций у изучающих иностранный язык наиболее эффективно. Анализ

фразеологизмов показывает, что стойкость и терпение при выполнении добрых дел однозначно положительно оцениваются в фонде фразеологизмов русского и персидского языков. Труд является одним из базовых концептов в разных языках и культурах, который отражает историко-культурную специфику соответствующих социальных практик. Исследуемый нами лингвосоциокультурный концепт "труд" играет важнейшую роль в жизни человека, поэтому естественно, что фразеологизмы о труде занимают значительное место во фразеологических корпусах персидского и русского языков. Данное исследование демонстрирует, что у иранского и русского народов есть много общего в восприятии концепта «труд». Несомненно, знание культуры другого народа во многом помогает в изучении языка данного народа. Изучение фразеологизмов является обязательной культурологической компонентой при преподавании РКИ в иранской аудитории.

Список литературы

1. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М., 1995.
2. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 15-25.
3. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. - М., 1981.
4. http://enc.biblioclub.ru/encyclopedia/241893_Frazeologicheskiy_slovar_
5. <https://www.lingq.com/ru/lesson/1-tishe-edesh-dalshe-budesh-275328/>
6. <https://www.porseman.com/>
7. <https://islam-today.ru/veroucenie/5-slucaev-kogda-musulmaninu-zelatelno-pospesit/>

10.02.01

¹Ю.Н. Драчева канд. филол. наук, ²Н.С. Дьякова канд. филол. наук¹Вологодский государственный университет,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,²Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина,
кафедра философии и истории,
Вологда, yulia.dracheva@mail.ru, diakova_ns@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу имен собственных в учебниках по русскому языку как иностранному (РКИ) в рамках исследования ономастической концептуализации образа России. Концепт «Россия» получает свою вербальную репрезентацию в текстах лингвострановедческого характера в зависимости от коммуникативных установок авторов учебных пособий и аудитории, для которой они предназначены.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ономастика, ономастическая концептуализация, РКИ, концепт «Россия».

Теория концептуализации и языковой репрезентации фрагментов окружающей действительности является одной из актуальных проблем современной когнитивной лингвистики, цель которой Н.Н. Болдырев описывает следующим образом: через осмысление языковых процессов проникновение «в формы разных структур знания» для описания зависимостей, существующих между этими структурами знания и языком [2: с. 31]. Исследователи рассматривают процессы языковой категоризации, репрезентации и концептуализации для описания связей между концептами как когнитивными структурами, существующими в сознании человека, и действительностью [2]. Под *концептуализацией* подразумевается «процесс осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов, которые могут получать свою вербальную репрезентацию» [2: с. 45].

Образ России является предметом изучения таких гуманитарных дисциплин, как литературоведение, лингвострановедение, лингвистика, медиалингвистика, лингвокраеведение и др. Так, в ходе изучения образа России как комплексного образа страны в массовом сознании Е. Н. Богдан приходит к выводу о том, что образ (медиаобраз) России описывается настолько системно и разноаспектно, что возможно его рассмотрение как самостоятельного понятия теории журналистики [1]. Однако значимость изучения образа России не исчерпывается СМИ как источниками материала для исследования. Многие другие тексты, например, учебные пособия по РКИ, являются основой получения знаний о нашей стране для людей, не являющихся жителями России, но стремящимися получить о ней больше сведений в ходе изучения языка. Так, анкетирование обучающихся в вузах Российской Федерации иностранных студентов обнаруживает у них разный уровень языковой подготовки ([3]) и соответственно разное смысловое наполнение концепта «Россия».

Современные учебники по РКИ формируют образ России для неподготовленного читателя, не являющегося носителем русского языка. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от аспекта образа России, представленного в них на вербальном уровне как концептуализируемая когнитивная структура. С одной стороны, степень сложности (в плане наполняемости концепта «Россия» когнитивными признаками, в частности ономастическими языковыми единицами) повышается в зависимости от уровня владения языком: от А1 (элементарного уровня) до В2 (постпорогового уровня, позволяющего вести

профессиональную деятельность на русском языке). С другой стороны, можно говорить о различных подходах к концептуализации образа России в зависимости от установок на аудиторию и отношения авторского коллектива учебного пособия к вербализируемым смыслам. Так, учебники по русскому языку, написанные авторами – не носителями русского языка, могут быть противопоставлены в плане языковой концептуализации образа России учебникам по РКИ, составленным отечественными лингвистами. В данной статье мы рассматриваем два пособия, одно из которых предназначено для читателей, интересующихся элементарными коммуникативными навыками на русском языке (учебник «Русский язык для чайников» [6]), другое же направлено на формирование у иностранцев навыков обучения на русском языке в высшей школе (учебник «Русский язык как иностранный: Наука без границ» [5]).

В отечественной методике преподавания РКИ лингвострановедческая аспектизация обучения РКИ строится с учетом соответствия фоновых знаний в виде этносоциокультурной информации уровню обучения студентов. На начальном уровне обучения это, прежде всего, языковые единицы с национально-культурным содержанием: безэквивалентная лексика, соматизмы, терминология, фразеология, коннотативные слова, антропонимические и топонимические единицы, собственные имена комплексных объектов [4: с. 21–23]. В нашем исследовании ономастическая концептуализация образа России рассматривается как один из важных способов формирования его концептуального наполнения в языковом сознании изучающих РКИ.

Учебное пособие «Русский язык для чайников» [6] предназначено для первичного ознакомления со сведениями о языке, что и указывается в предисловии к изданию: «*Russian For Dummies won't make you a fluent reader of Dostoevsky in the original (most Russians themselves need somewhat of a preparation for that)*» [6: p. 1]. Далее, в главе «You Already Know a Little Russian» производится первичная концептуализация образа России наименованиями товарных брендов: «*If you drink vodka, then you can already speak some Russian, because the word, like the drink, came from Russia. Maybe you can even rattle off the differences between **Smirnoff** (smeer-nohf) and **Stoly**. If so, you're already on your way to sounding like a real Russian, because **Smirnoff** is a Russian person's last name, and **Stoly** is an abbreviation for the word **Stolichnaya** (stah-leech-nuh-ye), which means "metropolis" in Russian*» [6: p. 10]. В целом в данном учебнике осуществляется ономастическая концептуализация образа России как страны, исторически противопоставляемой США (топонимы *the Soviet Union, the United States*, милитарионим *the Cold War* («холодная война»), антропонимы *Mikhail Gorbachev, Ronald Reagan* и др.). Ориентированность учебника на американского читателя реализуется через наличие американских топонимов, например, *Kolorado (Colorado)*, названий передач американского телевидения, например, *Fear Factor* и пр.

Учебное пособие А.Д. Юдиной включает в себя тексты российской периодики 2000-х гг., адаптированные для средне-продвинутого уровня обучения иностранных студентов, а также всех, кто хочет усовершенствовать свое владение русским языком [5: с. 2].

В отличие от учебника Э. Кауфмана, пособие А.Д. Юдиной не представляет Россию противопоставленной остальному миру. Россия изображается включенной в мировой исторический процесс, все происходящее в мире имеет равное отношение как к России, так и к другим странам, будь то научные достижения в области генетики, физики, информационных технологий, нанотехнологий, бытовые изобретения человечества или не поддающиеся изучению паранормальные явления, пример: «*В деревенский дом в Гродненской области, пробив стену, со свистом влетела шаровая молния и устремилась к хозяину*», «*В 1967 году в Казани молния залетела под табуретку, на которой сидел врач*», «*В 1935 году болгарка Марта Маикия вышла замуж за американца. Через два года мужа убила молния. Потом Марта создала семью с французом Шарлем Мормо. Во время их путешествия в Испанию второго мужа тоже убила молния*» и др.

Большую часть ономастического пространства учебного пособия А.Д. Юдиной занимают антропонимы (около 100 уникальных имен) – это выдающиеся изобретатели, всемирно известные политики, «звезды» шоу-бизнеса, писатели, ученые-исследователи, журналисты, обычные люди России и мира – *Сергей Петрович Капица* и *Билл Гейтс*, модельер *Пако Рабани* и художник *Андрей Бартенев*, *Ленин* и *Гитлер*, *Кир Булычев* и *Элвис Пресли*, *Мадонна* и *Юрий Лужков*, крестьянин *Пашков* и менеджер японской компании *Каёка Танако* и др. При упоминании географических объектов – топонимов (в т.ч. хоронимов, ойконимов, астионимов – всего 60 единиц), обнаруживается тот же поликультурный подход, ср.: наименования стран (*Россия*, *США (Штаты)*, *Саудовская Аравия*, *Голландия*, *Китай*, *Нигерия*, *Бангладеш*, *Эфиопия*, *Швейцария* и др.), городов (*Казань*, *Париж*, *Москва*, *Вашингтон*, *Артемьевск*, *Неаполь*, *Шанхай*, *Обнинск* и др.). В пособии широко представлены имена собственные, называющие фирмы, учреждения, организации, ведомства общественно-политической или научной сферы, причем преобладают иностранные компании, ср.: *Министерство Здравоохранения*, *НАСА*, *Оксфордский университет*, компания *Phillips*, фирмы *BOSCH*, *LG-Electronics*, *Министерство обороны*, *Московский университет*, японский концерн «*Мицубиси*», швейцарская компания «*Ринспид*», канадская фирма «*Fuelmaker*», *Шанхайский всемирный финансовый центр* и др. В ономастическое поле пособия также входят гемеронимы (названия периодических печатных изданий, радио, сайтов), ср.: «*АиФ*», «*Знание – сила*», «*Эхо Москвы*», журналы «*Newsweek*» и «*Сайенс*», мегаэнциклопедия «*Кирилл и Мефодий*»; идеоноимы, в основном христианские, ср.: *Библия*, *Бог*, *Мафусаил*, *Рождество Христово*, *Христос*; библионимы – «*Остров сокровищ*», «*Гиперболоид инженера Гарина*» и др. Единичны наименования телепередач, научных программ, премий («*Клуб кинопутешественников*», «*Геном и человек*», *Нобелевская премия*).

Таким образом, анализ вербализации концепта «Россия» через ряды ономастических единиц в современных отечественных пособиях по РКИ обнаруживает отчетливую тенденцию к глобализации, в то время как зарубежные пособия по РКИ сохраняют некоторую тенденциозность.

Список литературы

1. *Богдан, Е.Н.* Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Богдан Елена Николаевна. – Москва, 2007. – 219 с.
2. *Болдырев, Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
3. *Драчева, Ю.Н.* Использование языкового опыта студентов-иностранцев при обучении РКИ / Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова // *Казанская наука*. – 2018. – № 6. – С. 69–71.
4. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / Н.С. Власова и др. – Москва: Русский язык, 1990. – 230 с.
5. *Юдина, А.Д.* Русский язык как иностранный: Наука без границ: учеб. пособие / А.Д. Юдина. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2012. – 208 с.
6. *Kaufman, A.* Russian for dummies / A. Kaufman, S. Gettys, N. Wieda. – Indianapolis: Wiley Publishing, 2006. – 385 p.

10.02.01

Ю.Ю. Литвиненко канд. филол. наук, Е.Ю. Некрасова, М.А. Шутяк

Омский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Омск, julitv@mail.ru, nekrasova.helen23@gmail.com, marinashutyak@gmail.com

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена проблематике отражения концептуальных представлений в языковом сознании. С этой целью среди иностранцев был проведен направленный ассоциативный эксперимент. На основе полученных данных было сформировано пять семантических групп: «Предмет изучения», «Оценка», «Россия», «Средство коммуникации и жизнедеятельности», «Значимость». Выявленное процентное соотношение реакций позволило определить зоны ассоциативного поля и сделать выводы о значимых признаках исследуемого понятия.

Ключевые слова: русский язык, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, ассоциативное поле

Вопрос о судьбе русского языка, его статусе в России и в мире является одним из ключевых в XXI веке. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации и передачи в СМИ, посвященные обсуждению норм литературного языка, заимствований, стилей речи и прочего. На заседании Совета по русскому языку 5 ноября 2019 года В.В. Путин отметил, что темы, связанные с государственным языком России, относятся к наиболее важным как для страны и каждого гражданина, так и «для миллионов людей по всему миру, которые говорят на русском, используют его в работе, в творчестве, в общении» [2].

У каждого иностранца, изучающего русский язык, непременно складывается некоторое оценочное представление о нем. Инструментом, позволяющим обнаружить набор семантических компонентов, которые характеризуют отражение того или иного образа в языковом сознании, является лингвистический ассоциативный эксперимент. С его помощью оказывается возможным установить актуальные для индивидов личностные смыслы, моделировать характер концептуализации действительности носителями той или иной лингвокультуры [1].

С целью исследования образа русского языка, выявления его ценностных характеристик в сознании тех, для кого он не является родным, был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором иностранцам предлагалось привести по одному слову разных частей речи (существительное, прилагательное, глагол) в качестве реакции на словосочетание «русский язык». В опросе приняло участие 104 человека из 19 стран (Австрия, Азербайджан, Бангладеш, Венгрия, Вьетнам, Германия, Египет, Испания, Канада, Китай, Конго, США, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Франция, Эквадор, Южная Корея, Япония) в возрасте от 16 до 75 лет. Все респонденты изучают русский язык в России или в своей родной стране. В результате получено 259 реакций, из них существительных – 95, прилагательных – 68, глаголов – 79, другие части речи, выражения – 17, которые были сгруппированы на основании общего семантического признака.

Семантическая группа «Россия»: Россия (6), водка (6), Москва (3), история (3), культура (3), русский (2), Сибирь (2), Александр Сергеевич Пушкин (1), бабушки (1), белый (1), воевать (1), девушка (1), Достоевский (1), достопримечательности (1), Евтушенко (1), зима (1), страна (1), красивые девушки (1), Красная площадь (1), красный (1), молоко (1), музыка (1), красный (1), одежда (1), Омск (1), пирог (2), пища (1), погода (1), Пушкин (1), специальные блюда (1), театр (1), тепло (1), цветочный мир (1), флаг (1), флаг РФ (1), хлеб (1), холодный (1), храм (1), цирк (1), чай (2), честь (1), шоколад (1).

В данную группу отнесены реакции, в которых присутствует прямое или косвенное указание на то, что русский язык является национальным, государственным языком, одним из признаков целостности нации, страны. Респонденты называли существительные, указывающие на государство и его символику, на значимые для них места в России, на типичных и выдающихся представителей русской нации, на особенности климата, на специфические реалии, связанные со стереотипными представлениями о русской кухне и традициях. Важной для иностранцев является связь языка с духовной жизнью русского народа.

Семантическая группа «Средство коммуникации и жизнедеятельности»: читать (6), говорить (3), делать (3), общение (3), понимать (3), любить (2), мечтать (2), писать (2), язык (2), веселье (1), воевать (1), глобальность (1), говорить свободно (1), говорить, говорить, говорить (1), гулять (1), жить (1), играть (1), иностранный язык (1), мировой язык (1), непонятный, но замечательный (1), переводить (1), петь (1), понять (1), популярный (1), прощаться (1), путешествие (1), работа и свободное время (1), разговор (1), развивается (1), родители (1), русский язык (1), слова (1), слушать (1), слышать ораторов (1), средство (1), узбекистанцы (1), язык (1).

Русский язык как средство общения респонденты воспринимают в основном через виды речевой деятельности. Важным фактором коммуникации выступает понимание языка. Кроме того, с помощью русского языка возможно выражение чувств и эмоций, передача информации в различных жизненных ситуациях.

Семантическая группа «Предмет изучения»: трудно (6), трудный (6), читать (6), ехать (5), изучать (4), сложный (4), учить (4), понимать (3), учиться (3), грамматика (2), любить (2), писать (2), алфавит (1), буква

(1), вызов (1), выучить (1), глобальность (1), заниматься (1), знаю (1), идти (1), изучение (1), иностранный язык (1), интересует меня (1), кто (1), люблю (1), много грамматики (1), надо выучить (1), написать (1), наука (1), не выучить никогда (1), не трудный (1), непонятный, но замечательный (1), обманщик внешность (1), обожать (1), обучение (1), падеж (1), переводить (1), пихххц сложный (1), понять (1), популярный (1), практиковать (1), причастие (1), развивается (1), русский язык (1), русский язык-математика (1), склонять (1), слова (1), слушать (1), слышать ораторов (1), смотреть (1), спрягать (1), тест (1), терпение (1), трудный для изучения (1), тяжелый (1), умный (1), университет (1), учеба (1), учебник русского языка (1), учиться (1), учу (1)

Важно, что русский язык оценивают, с одной стороны, как трудный для освоения, с другой стороны, как интересный. Кроме того, респонденты выделяют конкретные темы или объекты изучения.

Семантическая группа «Оценка»: трудности (2), мечта (2), терпение (1), вызов (1), красота (1), любовь (1), наслаждение (1), успех (1), любить (2), мечтать (2), страдать (2), не выучить никогда (1), обожать (1), умирать (1), красивый (9), интересный (8), трудный (6), сложный (4), могучий (2), прекрасный (2), сильный (2), хороший (2), большой (1), великий (1), великолепный (1), весёлый (1), длинный, но красивый (1), естественный (1), желательный (1), замечательный (1), красивый язык (1), могучий и великий (1), могущественный (1), не трудный (1), неповторимый (1), непонятный, но замечательный (1), непревзойдённый (1), новый (1), пихххц сложный (1), популярный (1), прелестный (1), строгий (1), трудный для изучения (1), тяжелый (1), умный (1), уникальный (1), холодный (1), чудесный (1), Боже мой! (1), все равно есть сложность (1), интересно (1), интересно внутренней (1), красиво (1), мне нравится (1), поразительно (1), прекрасно (1), хорошо (1).

Давая оценку русскому языку, респонденты находят как положительные, так и отрицательные его черты. Отрицательная оценка часто связана с процессом его изучения, со сложностями в понимании и усвоении. В некоторых реакциях язык сравнивается с человеком, его качествами и действиями. Положительная характеристика русского языка отмечается в связи с его восприятием не как учебной дисциплины, а как культурного кода/текста. Интересна оценка «Боже мой!», которая может выражать и абсолютный восторг

в отношении изучения, понимания русского языка, и отрицательные эмоции, связанные с трудностями восприятия и изучения его.

Семантическая группа «Значимость»: культура (3), история (3), общение (3), глобальность (1), мировой язык (1), самоуверенность (1), это я (1), я (1), могучий (2), большой (1), великий (1), могучий и великий (1), могущественный (1), популярный (1), родной (1), строгий (1), уникальный (1).

Респонденты чаще всего отмечают значимость русского языка для всего мира, его роль в сохранении истории и культуры русского народа. Интересны реакции, связанные с отождествлением самого респондента с русским языком. Такие ответы являются отражением высокой значимости изучаемого языка для человека, демонстрацией собственного Я через язык коммуникации.

На основании проведенного опроса и учета процентного соотношения реакций в каждой семантической группе можно определить следующие зоны ассоциативного поля:

- ядро («Предмет изучения» – 37,1%, «Оценка» – 35,1%);
- центр («Россия» – 24,3%, «Средство коммуникации и жизнедеятельности» – 21,2%);
- периферия («Значимость» – 9,3%).

Таким образом, в языковом сознании респондентов тесно связаны экстралингвистические и собственно языковые характеристики изучаемого ими предмета. При этом среди оценочных характеристик доминируют положительные (64,8%), что свидетельствует о позитивном отношении иностранцев к русскому языку и России.

Список литературы

1. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 749-761.
2. Стенограмма заседания Совета по русскому языку от 05.11.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения 13.11.2019).

10.02.01

А.В. Потанина канд. филол. наук

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Набережные Челны, apotanina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНЕМОТЕХНИК ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье излагаются теоретические основы понятия «мнемотехника», представлены мнемотехнические приёмы, описываются особенности их использования на уроках русского языка с целью облегчения запоминания речепотреблений, которые не поддаются обобщению.

Ключевые слова: *мнемотехника, обучение, эффективность обучения, русский язык, орфография, мнемонические соответствия.*

Изучение любого языка, в том числе и русского, требует интеллектуальных усилий, а также эмоционального и психического напряжения. Изучение орфографии имеет свои трудности в обучении русскому языку. К орфографическим ошибкам можно отнести: написание безударных гласных, гласных после шипящих и ц, звонких и глухих в середине и конце слов, разделительных ь и ъ, ошибки в правописании словарных слов и т.д. В процессе изучения орфографии существует необходимость в овладении многочисленными правилами, запоминании исключений и словарных слов.

Для успешного усвоения обучающимися больших объёмов знаний и умений, необходимо применение таких путей организации учебного процесса, при которых бы стало возможным за прежнее время учить большему, или учить тому же за меньшее время [1, с. 123].

Как сделать урок занимательным, добиться того, чтобы учебный процесс развивал память и мыслительную активность обучающихся? Одним из эффективных приёмов организации обучения является мнемотехника.

«Мнемоника (мнемотехника), совокупность приёмов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объём памяти путём образования искусственных ассоциаций» [1, с. 125].

Мнемотехники выступают как парадигма приёмов, которые, основываясь на позитивных ресурсах развития носителей языка, способствуют безболезненному запоминанию трудного для понимания материала и дальнейшего его усвоения.

Мнемотехническое запоминание состоит из следующих этапов: кодирование в образы, фиксация (соединение двух или нескольких образов), запоминание последовательности, закрепление в памяти.

Мнемотехнике, как правило, уделяется недостаточное внимание в научно-методической литературе. Следует отметить, что по причине особенностей советского режима мнемотехника формировалась скрыто. Долгое время, вплоть до 60-ых гг. XX в., советские учёные умалчивали о своих «искусственных запоминаниях», поэтому на сегодняшний день отсутствует хорошая методическая копилка «классических приёмов» мнемотехники. Только в конце 90-х гг. XX в. мнемоматериал стал осознанно выделяться наравне с другими методическими приёмами [2, с.69].

Мнемотехника применяется во многих областях. С точки зрения психологии, мнемотехника исследована глубоко и серьёзно (наряду с такими психологическими понятиями, как память, запоминание). Пример тому – труды известных психологов А.Р. Лурия, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.И. Зинченко. Однако в плане методологии русского языка мнемотехника нуждается в изучении, что определяет актуальность представленного исследования [2, с.70].

Внедрением мнемотехник в образовательный процесс занимались такие учёные, как М.А. Зиганов, В.А. Козаренко, память и процессы запоминания у обучающихся среднего школьного возраста были рассмотрены С.Л. Рубинштейном, И.Ю. Кулагиной. Труды вышеперечисленных авторов послужили теоретико-методологической базой исследования.

Рассмотрим причины использования мнемотехник на уроках русского языка.

Во-первых, это даёт возможность реализовать дифференцированный подход. Некоторые обучающиеся не способны к «простому запоминанию» многоступенчатого правила или орфограммы. Мнемотехника позволяет ученику, заинтересовавшись, вникнуть в учебный материал.

Во-вторых, мнемотехники помогают запомнить так называемые недостаточные правила, которые дают общие ориентиры употреблений в речи смежных единиц, но не содержат приёмы их различий.

В-третьих, мнемотехника позволяет преодолеть интерференцию, которая является одной из серьёзных преград для изучения русского языка. В процессе интерференции происходит столкновение со сходством заучиваемого материала и большим количеством правил. Мнемотехника придаёт индивидуальный образ обезличенным правилам.

В-четвертых, мнемоприёмы позволяют экономить время на уроках повторения и систематизации пройденного, особую пользу они приносят при подготовке к экзаменам.

В-пятых, в основе мнемотехнических приёмов лежат, как правило, образы и ассоциации, что способствует развитию наглядно-образного мышления обучающихся.

Следует отметить, что не существует единой классификации мнемоприёмов. Внутренние связи мнемотехнических образований обычно делят на два разряда: естественные и искусственные.

Следует выделить следующие группы естественных приёмов: объединение единиц одного семантического поля, мнемоническая группировка по синонимическим гнёздам, мнемоническая группировка по антонимическим связям, этимологические экскурсы, связь с миром вещей, однокоренные слова, метод Цицерона [1, с.125].

Искусственные связи мнемотехники предлагают больший спектр приёмов и намного чаще используются учителями-словесниками. Речь идёт о графических и звуковых ассоциациях, о технике составления рифмовок и аббревиатур, технике мелодизации и ритмизации; сказках-ассоциациях.

Так, например, при работе над орфограммой «Непроизносимые согласные в корне слова» можно использовать мнемоническое стихотворение, которое поможет вспомнить, в каких случаях нужно писать непроизносимую согласную в корне слова, а именно:

Писать согласную или нет?

Поможет один небольшой совет:

Слово проверочное подбери

И букву согласную в нём поищи:

Грустный – грусть, вкусный – вкусен,

Честный – честь, искусный – искусен.

Обучающимся необходимо выучить четверостишие наизусть и, работая в парах, продолжить стихотворение, придумывая собственные примеры.

Для запоминания орфограммы «Буквы з и с на конце приставок» можно предложить запомнить мнемофразу Разбудил будильник звонко, рассказали сказку тихо. Перед заучиванием ученикам необходимо определить, какую орфограмму помогает запомнить мнемофраза и по каким признакам это можно установить.

При освоении орфограммы «Не с именами существительными и именами прилагательными» поможет мнемофраза Нисколько не образованный, невоспитанный неряха не правду сказал, а ложь. Школьникам необходимо установить, какое правило в ней «спрятано» и объяснить слитное и раздельное написание не в словах, а затем придумать свои предложения по аналогии.

При изучении орфограммы «Буквы ё-о после шипящих в корне слова следует применить мнемофразу На шоссе шотландец-шофёр ел шоколад и был он жонглёр. А жёлто-чёрные пчёлки вились у его чёлки.

Успешному запоминанию слов-исключений способствует использование мнемофразы Чопорный обжора ел крыжовник у забора, шороха испугался – капюшон у него порвался. Обучающимся предлагается следующее задание: определите, чем данная мнемофраза отличается от предыдущей и продолжите историю, используя слова-исключения.

Для эффективного запоминания словарных слов с удвоенной согласной следует провести следующую работу:

1) воспользоваться орфографическим словарём и убедиться, что, например, в словах миллионер, стеллаж, коллекция пишется удвоенная л;

2) вспомнить какое-нибудь слово с удвоенной л, в написании которого нет сомнений (например, холл);

3) построить ассоциативную связь между запоминаемым словом и словом, в написании которого обучающиеся уверены («В холле у миллионера на стеллажах видна коллекция кристаллов...»).

Сюжет может продолжиться по мере включения новых слов с удвоенной л.

На первый взгляд кажется, что представленная коллекция – это не очень серьёзный набор мелких находок, благодаря которым процесс обучения становится интересным и занимательным. Однако мнемонические приемы – это мощнейшее дидактическое средство «сгущения мысли» (понятие А.А. Потемни, русского языковеда XIX в.), проверенное и отшлифованное десятилетиями педагогической практики» [1, с. 124].

Вышеизложенное свидетельствует о важности и необходимости использования мнемотехнических приёмов на уроках русского языка.

Список литературы

1. *Зиганов М.А.* Мнемотехника. Запоминание на основе визуального мышления / М.А. Зиганов, В.А. Козаренко. – М.: Школа рационального чтения, 2000. – С. 123-125.
2. *Falkovskaya Anastasia V., Mukhamedzyanova Elena K., Goryacheva Olga N., Potanina Aleksandra V.* Memonics efficiency in language practice. // Revista San Gregorio, 2018, no.25, Special Edition. November (68-75). pp. 69-70.
3. *Grakhova Svetlana I.; Belyaeva Nina L.; Sharafetdinova Zemfira G.; Potanina Aleksandra V. & Tarasov Alexander M.* Children's folklore as a basis for teaching reading and text analysis. // Espacios, Vol. 40 (Number 21) Year 2019. Page 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://http://www.revistaespacios.com/a19v40n21/19402111.html> (дата обращения 17.10.2019).

10.02.01

В.В. Радченко канд. филол. наук

«Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
divinor@mail.ru

ТИПЫ И ХАРАКТЕР ОЦЕНОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье предпринимается попытка определения типа и характера оценок, функционирующих в политическом дискурсе. Предметом исследования является социальная оценка, имеющая свою специфику и структуру. Социальная оценка рассматривается с позиции трех составляющих: объекта, субъекта и характера оценки.

Ключевые слова: *социальная оценка, политический дискурс, типы оценок, характер оценок.*

Политический дискурс, обращенный к массовой аудитории, по своей функциональной природе служит задачам целенаправленного воздействия на массовую аудиторию. Реализация императивной функции языка политики подразумевает обязательное наличие оценок, являющихся одним из главных орудий манипулирования массовым сознанием. В связи с этим использование языковых средств определяется во многом их социально-оценочными качествами. Оценка, функционирующая в политическом дискурсе, непременно включает в себе социальный характер. При помощи оценки выражается и утверждается определенная политическая идея, формируется общественное мнение относительно процессов, протекающих в социуме. В политическом дискурсе, предполагающем трансляцию в средствах массовой информации, принцип оценочности выступает как один из главных принципов СМИ. Таким образом, оценку, функционирующую в поле политического дискурса, можно обозначить как «социальную оценку».

Говоря об оценке в целом, целесообразно опереться на классификацию, предложенную Н.Д. Арутюновой. В данной классификации оценка, в первую очередь, делится на два основных типа: общеоценочные значения и частнооценочные значения. Во вторую очередь, выделяются типы частнооценочных значений, такие, как: сенсорно-вкусовые (вкусный, приятный), психологические (интересный, глупый, грустный), эстетические (красивый), этические (аморальный), утилитарные (полезный, вредный), нормативные (правильный) и телеологические (удачный, целесообразный) [1].

Социальную оценку, которая является предметом рассмотрения в политическом дискурсе, трудно отнести к какому-либо типу оценочных значений в абсолютном смысле. Контекстная зависимость делает оценку наиболее трудно определимым типом прагматического значения [1], в отношении социальной оценки это проявляется в первую очередь. Безусловно, в структуре социальной оценки можно выделить различные частнооценочные значения, но специфика сферы употребления накладывает свой отпечаток, и может существенно менять характер и значение оценки. Так, слово *красный* можно отнести к оценкам сенсорным, однако в контексте политического дискурса слово приобретает иное значение *красный губернатор* (Ср. ...здесь в данном случае у нас есть синдром *Путина* и т.п.). При этом оценка в политическом дискурсе часто связана не только с номинацией лиц, фактов, явлений или событий, но и во многом с их интерпретацией, что значительно расширяет поле семантического и функционального исследования оценочности. Это позволяет сделать вывод о неоднородности природы социальной оценочности и сложности определения данного типа оценок.

В структуре социальной оценки, на наш взгляд, значимыми являются следующие звенья: объект, субъект и характер оценки.

Объектом социальной оценки, как правило, выступают предметы, лица, события, процессы, имеющие социальную значимость и направленность, т.е. предметы и явления, определенные самой сферой функционирования (политическая власть, политические деятели, политические и экономические процессы, идеологические течения и движения и др.).

Субъект оценки в политическом дискурсе также неоднозначен, и даже неоднороден. Безусловно, нельзя не отметить институциональность политического дискурса, поскольку он представляет собой характер взаимодействия не отдельных лиц, а целых социальных институтов.

С одной стороны, субъектом оценки выступает коллективный образ (политическая партия, социальная группа). Как правило, оценка, высказанная одним лицом, представляет интересы политической группы в целом, ее партийной идеологии. По мнению, Е.И. Шейгал, в политическом дискурсе позиции одного не существует, поскольку политические ценности всегда имеют групповой характер, в политическом дискурсе важна не столько точность, сколько общность оценок с позиции группы [3]. Однако, считаем, что точно определить субъект оценки в данном случае невозможно (это может быть мнение данной политической группы, нескольких политических групп или целого народа). Институциональность дискурса выражается в грамматических средствах выражения, как правило, это местоимения *я* и *мы*, при этом местоимение *я* обычно подразумевает мнение всей социальной группы (инклюзивное *я*).

С другой стороны, нельзя отрицать и присутствие личностного характера оценки, выраженной конкретным лицом (языковой личностью). Так, в общеизвестных высказываниях В.В. Жириновского *«Будем мыть сапоги в Индийском океане», «Всех расстрелять! Всех повесить! Всех!»* отношение к происходящему, оценка ситуации принадлежит, думается, конкретной языковой личности, а не партии ЛДПР в целом. Нередко становится трудным разграничить субъект оценки в пределах одного контекста, это может быть и личное мнение, и мнение социальной группы одновременно (Ср. *«Ишаки, продающие земли Украины! Подонки!»* Вадим Рабинович, сопредседатель партии «Оппозиционная платформа – За жизнь»). Оценка происходящего (продажа земель) может принадлежать всей фракции, оценочные слова *«ишаки», «подонки»* - конкретному лицу. Так или иначе, отбор языкового материала всегда стоит за конкретной языковой личностью.

Характер социальной оценки обусловлен во многом субъектом оценки и общей социально-политической направленностью дискурса. Другими словами, характер оценки зависит и от идеологии социально-политической группы, и от проявлений конкретной языковой личности. При этом индивидуальные особенности языковой личности выражаются как в характере оценок, так и в способах, посредством которых данная оценочность реализуется. В предпочтении одного языкового средства другому предстает сам говорящий, автор данного высказывания, переживающий степень соответствия/несоответствия чего-либо определенным ценностным представлениям. Однако помимо индивидуальных особенностей, проявляющихся в отборе языковых средств, необходимо учитывать и нормы, традиции поведения, присущие данному обществу, данной социальной группе [2].

Социальная оценка отражает, таким образом, взаимодействие как собственно лингвистического, так и экстралингвистического факторов. Можно предположить, что характер оценочного высказывания прямо зависит от уровня культуры, образования, воспитания, профессионализма, от возраста, темперамента, эмоционального состояния, целей, мотивов, установок конкретной языковой личности. Влияние данных факторов отражается и на характере оценочности (положительный – негативный), поскольку социальная оценочность в политическом дискурсе, в первую очередь, выражает позитивное или негативное отношение автора к содержанию речи (Ср. позитивная: *Мы стояли и выстоим, и наша организация будет укрепляться; Мы умеем за себя постоять и постоем; Миллионы избирателей, которые нас поддерживали в стране, нас в обиду не дадут.* Негативная: *В результате все затрепало и рухнуло; Это является грубейшим, вопиющим*

нарушением закона; *МВФ провоцирует у нас в стране массовые беспорядки; Было отвратительно, но нужно было сохранять отвратительное, чтобы еще хуже не стало; Оно любое будет плохим*). При этом оценок негативного характера в политическом дискурсе по определению больше, что обусловлено одним из распространенных методов в конкурентной борьбе за власть - дискредитацией политического оппонента. Оценки данного характера формируют негативный фон политической сферы в целом, и политического дискурса, в частности.

Во вторую очередь, необходимо учитывать эксплицитный/имплицитный характер оценки. Наряду с эксплицитной оценкой (*Россия как неудачник; Это были самые грязные выборы за всю историю России; обманывают как картежники на пляже; Они (выборы) сделаны на страшной трагедии; Свободное государство с эффективной рыночной экономикой и др.*) в политическом дискурсе оценки имплицитного характера представлены также достаточно широко (*Кириенко за три месяца наговорил больше, чем Горбачев за десять лет; политических премьеров назначают от хорошей жизни, в России, которая всегда из двух зол выбирает оба; Путин сказал это в Кремлевском дворце съезда, на съезде этого "Медведя". Там раньше Ленин висел, теперь там "Медведя" поместили. Вот такого бурого, красного; На складе пусто. Больше раздавать со склада нечего. Все, там все закончено. Ну, вы знаете, что делают, когда на складе пусто, тогда обычно устраивают пожар и т.д.*).

Имплицитность социальной оценки, на наш взгляд, обусловлена дипломатическими намерениями говорящего избежать открытого конфликта в общем коммуникативно-прагматическом поле политического дискурса.

Таким образом, можно заключить, что тип оценки в политическом дискурсе определить сложно, поскольку оценочное значение одного и того же слова может меняться в зависимости от контекста. При этом социальная оценка направлена не только на предмет, но и на ситуацию, событие, факты, происходящие в социуме. Субъект оценки неоднозначен и неоднороден в пределах одного контекста, разграничить четко, является ли носителем оценки конкретное лицо или социальная группа (группы) не всегда представляется возможным. Характер оценки во многом зависит от конкретной языковой личности (способах самостоятельного отбора языкового материала, внутренней интенции говорящего), а также общей социально-политической направленностью дискурса.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. - С. 7-75.
2. Канчер М.А. О трех аспектах описания языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. - Екатеринбург, 2000. - С. 310.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ун-т.- Волгоград: Перемена, 2000. - С. 120.

10.02.01

М.А. Секерина канд. филол. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт, кафедра филологии и методики,
Иркутск, mseckerina@yandex.ru

**ДИСКУРС «О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ»
В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В работе характеризуются основные дискурсивные практики «говорения» «о культуре речи» в неформальной интернет-коммуникации, рассматривается социокультурная оппозиция «экспертное/профанное участие в создании речевой культуры, исследуется модель формирования лингвокультурной идентичности носителя среднелитературного типа речевой культуры.

Ключевые слова: *лингвокультурная идентичность, языковой коллектив, дискурсивная стратегия, субъект публичного дискурса, культура речи, дискурс-анализ.*

На современном этапе междисциплинарная теория идентичности ориентирована преимущественно на проблемы кросскультурного, межэтнического макроуровневого взаимодействия.

Выработанные наукой концепты лингвистической идентификации личности («языковой паспорт», «лингвокультурный типаж», «представитель лингвокультуры» «лингвокультурное портретирование»), как и теоретические концепты «лингвокультурная (коллективная) идентичность», «коммуникативная (дискурсивная) компетенция» эксплицируют внешнюю, экспертную рефлексию [1], [3], [4], [5].

Мы попытаемся интериоризировать понятие «лингвокультурная идентификация»: заострить внимание на проблеме принятия и освоения языковой личностью определенного статуса в субкультурной лингвистической иерархии, рассмотреть особенности самопозиционирования носителей русского языка в качестве значимых субъектов языкового коллектива.

Наиболее популярной в лингвистических исследованиях является классификация типов речевой культуры разработанная О.Б. Сиротиной [11] и дополненная И.А. Старинным [12].

Нам представляется перспективным соотнесение данной шкалы как теоретического лингвистического и культурного конструкта с реальной речевой практикой в условиях развития интернет – коммуникации, расширяющей возможности носителя языка в качестве субъекта публичного дискурса.

В основе классификации О.Б. Сиротиной лежит шкала, крайними полюсами которой являются «элитарный тип речевой культуры» и «просторечно-жаргонный тип».

Имплицитно данный рейтинг поддерживает негласное деление на массовую и элитарную лингвостраты и проблематизирует вопросы социокультурной идентификации.

Исходя из социокультурной оппозиции *экспертное – профанное* участие в создании речевой культуры, выделяются три основных (эксплицитно или имплицитно) конфликтующих между собой и внутри собственного строя дискурсивных практики:

1. Традиционный экспертный дискурс (преимущественно гуманитарный), основными акторами которого являются ученые, признанные деятели искусства, преподаватели и учителя.

2. «Новый гуманитарный дискурс». Его акторы (представители масс-медиа, координаторы «новых социальных проектов», тьютеры, коучи, медиаторы, популяризаторы) претендуют на роль посредников между «научным сообществом» и «аудиторией» как «потребителями смыслов».

3. Дискурс носителей средненелитературного типа речевой культуры - «хорошо информированных граждан», «просвещённых обывателей», «авторитетов» социальных сетей» - субъектов, относительно недавно получивших «право голоса» в публичном пространстве и, благодаря интернету, впервые в истории русского литературного языка значительно расширивших свой коммуникативный ареал.

Речевая практика представителей исторически сложившегося «говорящего класса» (субъектов экспертного и «нового гуманитарного» дискурсов) традиционно определяется в лингвокультурологии как эталонная или близкая к эталонной.

В рамках данной статьи мы рассмотрим модель формирования лингвокультурной идентичности носителей средненелитературного типа речевой культуры. Попытаемся ответить на вопрос, чем обусловлен языковой пуризм субъектов «нового говорящего класса», речевая и коммуникативная практика которых лишь отчасти соответствует принятым нормам. Ибо, как показал анализ эмпирического материала ([6], [7], [8], [9]), именно «обыватели», выступая в роли «наивных традиционалистов», инициируют «дискурс о культуре речи» в неформальном интернет-общении и наиболее активно инвестируют в него: фиксируют речевые ошибки в устной и письменной речи окружающих, обсуждают состояние современного языка, комментируют языковые изменения - то есть реализуют те параметры речевой культуры, в которых им как представителям средненелитературного типа речевой культуры отказано [11].

Термин «дискурс» в целом понимается нами как социокультурно опосредованная практика «говорения» о чем-либо, лингвокультурный габитус, сформированный институциональными социальными практиками.

Дискурсом «о культуре речи» мы называем стихийно возникающие в неформальном интернет-общении (на непрофильных форумах, в социальных сетях и пр.) дискуссии о *своей / чужой* языковой, речевой, коммуникативной компетенции, а также этическое и эстетическое осмысление коммуникантами языковых и речевых фактов как маркеров субкультурных различий (*Какие слова вам не нравятся? Какие слова Вас раздражают? И понимаете ли Вы сами, почему? Какие выражения вас бесят? Вы грамотно пишете? Как относитесь к тем, кто допускает ошибки? Кровь из глаз течет, кровь из ушей течет* и пр. ([6], [7], [8], [9]).

Структурируя определенным образом данный дискурс, представители «нового говорящего» класса формируют собственную лингвокультурную идентичность.

Дискурс о «культуре речи» включает себя апеллирование к «дискурсу – авторитету» и конфликтное взаимодействие с «дискурсами – мишенями».

В качестве «дискурса – авторитета» на эксплицитном уровне выступает традиционный дискурс языкознания, опосредованный образовательными практиками, а на имплицитном – уровне предписанной идентичности, артикулирующей осадок более ранних дискурсивных практик, – история русского литературного языка. Обе практики означивают национальный концепт «великий русский язык», превращая его в действенный механизм культуры. Базовое для языкового коллектива понятие как оперативная содержательная сущность репродуцирует в массовом сознании следующие константы:

1. «Русский язык – святой язык», поскольку сложился на основе старославянского, созданного христианскими проповедниками Кириллом и Мефодием, и получил статус *Богоизбранного*, ибо на нем никогда не говорили язычники (в отличие от латинского и греческого). Любые ошибки и искажения *святого* языка считались грехом. Церковнославянский (русифицированный старославянский) язык в течение веков был литературным языком Руси и опосредовано способствовал возникновению важнейшей для русской государственности концепции «Москва – Третий Рим».

2. Владение литературной (нормированной) частью национального языка - знак социального и культурного превосходства, высокого места в общественной иерархии. Литературный язык еще сто лет назад был недоступен большей части населения, поэтому в сознании «среднего носителя» сохраняется устойчивое «предпочтение» литературной языковой нормы коммуникативной. Языковые ресурсы, «отправленные» дискурсом языкознания за рамки литературной нормы оцениваются как второсортные, неполноценные, низкоранговые, несмотря на их высокую коммуникативную значимость для языкового коллектива в целом (сленг, «нянькин язык», разговорная речь, заимствования, не вошедшие в состав литературного языка).

Апеллирование к дискурсу-авторитету позволяет носителю среднелитературного типа речевой культуры постулировать собственную ценность как обобщенного представителя национальной лингвокультуры в целом (*Противно, что свой богатый язык забыли напрочь. А пользуемся суррогатом, американской жевкой; Эти словечки постепенно просто убивают родной язык, это не такая ерунда как кажется; Очень гадко видеть, как коверкают родную речь, так и хочется лопатой по [мат], такой мрази двинуть!; Эти англоязычные слова, как по мне, указывают на ущербность русского языка и его непочтение. Стыд, да и только; Блин да взяли за моду русский язык засорять дрянью всякой. У нас есть родной язык, ну и при необходимости матерный никто не отменял!; Русский язык чо вам не родной?* [6], [7], [8], [9]).

Подобные высказывания чрезвычайно частотны, отличаются высокой степени экспрессивности, самым употребительным эпитетом по отношению к понятию русский язык является *родной*. Также следует заметить, что обценная лексика (дискуссии на тему «*А Вы материтесь? А вы часто материтесь? Почему вы материтесь?*») чрезвычайно популярны) воспринимается как часть русской лингвокультуры (*материться можно, но только по делу и не в общественных местах*).

В качестве «дискурсов – мишеней» выступают *безграмотная речь* и «продвинутый» сленг.

«Безграмотный» дискурс метонимически определяемый носителем среднелитературной нормы как *колхозный, быдловатый* не угрожает его идентичности, поскольку соотносится с еще более низкоранговыми субкультурами (*Бесит, газировку называют газява, т.е. всякие быдловатые жаргоны; «Доча» было детекетед; Очень сильно раздражает прям до дрожи когда говорят СЛАЖИВАТЬ и РАЗЛАЖИВАТЬ. Сразу смотрю на человека как на колхозную тупицу; Мне не нравятся крестьянские выражения "крайний", "тёлка", "мелкий", "денюшка"; Очень модное на вумане выражение "от слова совсем". Прям так и вижу эту колхозную жирную кошелку, которая ляпает это "от слова совсем" куда попало и при этом чувствует себя очень продвинутой; Раздражает, когда о второй половинке говорят просто "мой". "Мой мне сказал...; Девки, вы можете не писать в почти каждой теме это дебилоидное слово кушать? аж по башке ударить охота, ей богу как из деревни какой - то , а не из города))* и т.п. ([6], [7], [8], [9]).

Следует заметить, что требования соблюдения норм орфографии и пунктуации (*ты сначала грамотно писать научись, словарь вам в помощь, по-русски выражаться научись*) зачастую идут вразрез с коммуникативными нормами вызывают ответную реакцию – «*у человека беда, а вы к словам привязались*».

«Продвинутый» (*модный, снобистский, понтогонный выпендрожный*) дискурс, напротив, воспринимается как дискриминирующий, свидетельствующий об интеллектуальном, социальном или возрастном (влияние «культы молодости») превосходстве говорящего. Соответственно выделяются три зоны напряжения, вызывающие наиболее активную метадискурсивную рефлексию - заимствования (англицизмы: *селфи, лук, лайфхак, рехаб, флэшмоб, маст-хэв, лонгрид, андердог, сабж* и т.п.), молодежный сленг и «модные» слова (типа: *в лаунж-клубе было замечательно, лампово, хипстер, воркишоп*) многие термины, подвергшиеся детерминологизации (*код, коммуникация, концептуальный, контекст, арт-объект, аутентичность, толерантность, глобальные тренды*), маркирующие новые

(недоступные) знания и новые (недоступные) субкультуры (*А теперь эти толчки становятся афтершоками. Вот с чего вдруг? Помню, даже диктор споткнулся на этом слове. Идет программа на российском телевидении, для русскоговорящих граждан (заметьте, обычных граждан, а не для ученых на симпозиуме), так почему бы не говорить на всем понятном языке?*).

Причины неприятия «продвинутого» дискурса рационализируются носителями среднелитературной нормы как «борьба за русский язык», однако в ее основе лежит попытка установить социокультурное равенство, отстоять несуществующий или пошатнувшийся (в силу возрастной, интеллектуальной, материальной невозможности участия в популярных культурных практиках, таких как, например, свободное владение английским языком) престиж собственного лингвокультурного имиджа. Неслучайно в интернете активно реализуется «просветительная программа» для желающих приобщиться к «продвинутым речевым практикам»: появляются списки неологизмов «*Модные слова 2018*», «*Модные слова: 20 выражений молодёжи*», тесты: «*Знаете ли вы умные слова?*», «*Насколько ты отстал от жизни: тест на знание молодежного сленга*».

Выделяются две стратегии взаимодействия с «новым слогом» - дискриминация и присваивание.

В процессе дискриминации эксплицируются «законные» причины неприятия (*Ненавижу новомодные выражения с хамским высокомерием: мы вас услышали, спасибо, Меня воротит от всяких новомодных вывертов типа: ЛАкшери, хеловуины и т.п. Много общаюсь с молодежью и слышу весь этот шлак от них; А еще "светлый человечек". ты такой светлый человечек! да иди ты..... простите; Еще не понимаю современный сленг "слить видео", "инста ". Очень люблю чистый, полный, красивый язык; и – высказывание, давшее жизнь мему «Есть прекрасное русское слово «ажжотаж»»: Совершенно [мат] мода, вставлять словечки имея при этом красивые русские слова. Как стем же [мат] - «хайп», куда красивей сказать - «ажжотаж» [6], [7], [8], [9]).*

В качестве примера присваивания можно привести факт использования зрелыми людьми молодежного сленга не своего поколения (типа *огонь*, *жесть*) для выражения эмоций и имитацию детского словотворчества для демонстрации непосредственности и «юного задора» (*здратуттти*, *чумачеччий*, *улыбнуло* и т.п.).

В целом анализ неформального интернет-контента демонстрирует, что наибольшую потребность в экспликации метаязыкового сознания испытывают носители среднелитературного типа языковой культуры, продуцируя дискурс «о культуре речи» в неспециализированных коммуникативно-информационных сегментах интернет-пространства. В процессе дискурсивной практики, организованной вокруг концептов «безграмотность» и «чистота языка», «наивные традиционалисты» осознают и утверждают себя в качестве агентов образцовой лингвокультуры, используя коммуникативный акт нормативного оценивая чужой речи как средство конструирования собственного лингвокультурного имиджа.

Коммуникативное поведение в условиях плюрализма культурных практик включает в себя акт осознанной или неосознанной лингвокультурной самопрезентации. Способы конструирования собственного лингвокультурного образа зависят от уровня развития коммуникативной компетенции и степени сформированности дискурсивного сознания личности.

Языковая норма мыслится субъектами дискурса как высший культурный знак, детерминированный сакрализацией русского литературного языка, код приобщения к элитарной лингвокультуре. При этом, не обладая дискурсивным сознанием как высшей формой коммуникативной рефлексии, не осознавая сущности оппозиции «формальная норма/коммуникативная интенция», «наивные традиционалисты» опровергают собственные декларации речевой практикой. Метаязыковая рефлексия в данном случае, не опираясь на саморефлексию, с одной стороны, опосредуется социально приемлемым, унифицированным и схематичным дискурсом «о культуре речи», но, с другой, оперирует усвоенными в процессе инкультурации константами русской лингвокультуры.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. С. 79–95.
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация [Электронный ресурс]: кол. монография /науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 328 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, текст, дискурс): Автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 72 с.
5. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – Культура – Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др. – М.: Наука, 1994. – С.66–78.
6. Сайт «ВКонтакте» [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 31.10.2019).
7. Сайт «Одноклассники» [Электронный ресурс] URL <https://ok.ru/> (дата обращения: 30.10.2019).
8. Сайт «Faceboo» [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/>(дата обращения: 28.10.2019).
9. Сайт «Woman.ru» [Электронный ресурс] URL: <http://www.woman.ru/> (дата обращения: 30.10.2019).
11. Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. – 1995. - No 4.- С. 17-27.
12. Стернин И.А. К теории речевых культур носителей языка // Вопросы психолингвистики. – 2009. - No 7. - С. 22-29.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Р.Ш. Болотова

Российский университет дружбы народов,
инженерная академия,
кафедра иностранных языков,
Москва, ammirbol@mail.ru

**ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ –
НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается важность обучения деловому общению при преподавании английского языка в вузе после достижения студентами уровня Intermediate. Прослеживается нарастающая популярность и потребность использования навыков делового английского. Подчеркивается использование разных методов и подходов, важность овладения компетенциями в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: деловой английский, межличностная коммуникация, кросскультурная мотивация, межкультурная компетенция, коммуникационный процесс.

Английский язык стал неотъемлемой частью нашей жизни в настоящее время. При стремительном развитии научных исследований, инновационных технологий, экономических и политических взаимоотношений на международном уровне, глобализации рыночных отношений, большую значимость приобретает деловая коммуникация, которая проявляется в различных формах и на разных уровнях социальной системы.

С 1990-х годов «Деловой английский» вызывает все больший интерес и обретает возрастающую популярность. По всему миру предлагают курсы по обучению деловому английскому – только в Британии существует более 1000 программ, функционируют более 150 издательских домов. Например, The Business English Special Interest Group (part of IATEFL – the International Association for Teachers of English as a Foreign Language), созданный еще в 1967 г. имеет в своих рядах более 1500 представителей по всему миру. Международный экзаменационный совет предлагает пройти испытания по деловому английскому для получения сертификата.

Термин «коммуникация» происходит от латинского «Communicatio», означающего «общее»: субъект, передающий информацию, пытается установить «общность» с получающим информацию. Таким образом, коммуникация может быть определена не просто как передача сообщения, а также как понимание информации с помощью общих символов. Иными словами, это способ общения, в процессе которого происходит передача информации в виде устных и письменных сообщений, языка жестов (вербальные и невербальные навыки) и различных параметров речи.

Почему эффективная межличностная коммуникация так важна для достижения успеха в работе, ведении дел и управлении?

Во-первых, решение многих управленческих задач строится на взаимодействии людей (начальника с подчиненными, подчиненных друг с другом и т.д.) в рамках различных событий и условностей. Во-вторых, межличностная коммуникация, возможно, является лучшим способом обсуждения и решения вопросов, характеризующихся неопределенностью и двусмысленностью.

В современном мире общество, сфера бизнеса и технологии зависят от эффективной коммуникации, иначе можно столкнуться с недопониманием и неудовлетворенностью. Деловой английский должен рассматриваться в общем контексте ESP (English for Specific Purposes), английский для специальных целей. Деловой английский подразумевает определение языкового корпуса и акцента на особые виды коммуникации в определенном контексте.

С середины 1970х-1980х годов, деловой английский приобретает тенденцию фокусировки на функциональных областях – язык формул общения в рекомендациях, в выражениях мнения, высказывании соглашения или несогласия и т.д. Как правило, сначала прослушивалась кассета с записями, иллюстрировался ключевой язык, лексика, используемая в назначении встреч, подтверждении планов, презентациях, беседах за бизнес-ланчем и т.д. После прослушивания кассетных записей следовала функциональная практика (например, выражение просьбы, соглашения, разъяснения и ролевые игры).

С конца 1980х годов к вышеуказанным аспектам в методике обучения деловому английскому добавилась потребность развития навыков для использования полученных знаний языка. В это время появляются обучающие программы для компаний, которые давали возможность своим сотрудникам посещать курсы по презентациям, переговорам, эффективным навыкам проведения встреч. Публикуются учебники и материалы по бизнес-навыкам. Необходимость бизнес-ориентированных людей быть успешными в деловой коммуникации и развивать свои навыки оказывает воздействие на обучение деловому английскому, появляется поведенческая техника.

В наши дни существует много вариантов делового английского. Самое большое различие должно быть сделано между слушателями без опыта работы (*pre or low-experience learners*) и слушателями с опытом работы (*job-experienced learners*). Перед слушателями без опыта работы возникают два вида потребностей в обучении. Во-первых, это навыки чтения текстов на английском языке, аудирование и посещение семинаров и лекций, особое внимание уделяется лексике. Также слушатели могут писать какие-то виды работ на английском языке.

Второй вид потребностей подразумевает необходимость подготовки слушателей к будущей работе в области бизнеса. В подготовку можно включать коммерческую корреспонденцию, участие на встречах, презентациях или социальное взаимодействие, в зависимости от вида деятельности, к которой готовятся.

Слушатели без опыта работы, в большинстве случаев, готовятся к экзаменам, поэтому должны быть поставлены определенные цели и должна быть разработана соответствующая программа.

Для слушателей с опытом работы возникает потребность быть прагматичными. Для них более важным является практическое использование языка, чем теоретические знания о языке.

Кроме этих основных вариантов изучения делового английского, существует множество других. В деловом английском важным является целенаправленность (*a sense of purpose*), социальные аспекты (например, традиции в приветствиях и представлениях, вежливость, продолжение переговоров за ланчем), культурные различия поведенческого характера (например, на встречах люди из разных стран ведут себя по-разному в соответствии со своей культурой).

Различают два вида мотивации в любой ситуации обучения: *extrinsic*, необходимость возникает под воздействием внешних факторов. Перед студентами стоит задача сдать экзамен и получить квалификацию. Многие не осознают или не понимают реальные потребности в английском языке в своей будущей жизни или им представляется это как далекое будущее, поэтому многие уделяют английскому языку не так много времени, когда вокруг множество других соблазнов или приходится много тратить время на другие предметы. И *intrinsic*, внутренний фактор, когда студент или слушатель глубоко интересуется языком и культурой для себя, ради самого себя.

Например, одной из сильных мотиваций изучения иностранного языка в РУДН, конкретно на кафедре иностранных языков, является организация встреч успешных выпускников с первокурсниками, предвзяя их желание стремиться к реальным целям, делам. Эти выпускники рассказывают свои истории, как занимались, на что надо обращать внимание, как эффективно использовать свое время в изучении иностранного языка. Они делятся своим опытом по трудоустройству, как находить потенциальных работодателей, как себя преподать или «хорошо себя продать» и т.д. Они работают в таких компаниях как Рено,

Шкода, Харлей, Солерс, в аэропорту Домодедово, в международных и национальных банках. Они активно и успешно используют знания по иностранному языку, полученные в стенах нашего университета. Также можно попросить студентов рассказать об отношении к изучению иностранного языка и о трудностях, возникающих у каждого, и предложить обсудить стратегии, которые могут помочь студентам.

При обучении студентов деловому английскому важным аспектом является кросс-культурная компетенция. По мнению авторов Марка Эллиса и Кристиана Джонсона, существуют несколько причин, почему это важно.

Во-первых, внутри одной группы культурные различия могут влиять на взаимоотношения и взаимодействие. В группе студентов из разных стран отмечаются разные отношения к одним и тем же вещам, есть различия поведенческого характера. И, исходя из этого, преподавателю нужно разработать идеи, стратегию и методику, как чутко, тонко и точно справиться с этими различиями.

Во-вторых, преподаватель может готовить студентов для работы в международных компаниях, с людьми других культур, в странах, куда студенты мало ездили или еще не посещали. В таких случаях применимы case-studies, тематические исследования, ролевые игры и моделирование, которые могут быть разработаны для приобретения и развития различных навыков поведения в кросс-культурной среде.

В инженерной академии РУДН реализуется программа дополнительного профессионального образования «Переводчик по инженерным направлениям и специальностям», занятия проводятся по 11 аспектам, среди которых устное и письменное деловое общение (32 ч.) дается в шестом семестре, когда студенты достигают уровня не ниже Intermediate.

В пределах этих часов студенты получают более широкое представление о бизнес-коммуникациях. Это любая форма общения (вербальная, невербальная) для передачи информации, продвижения продукции или услуг или возможность поделиться данными:

Business-to-business communication (бизнес-бизнес коммуникация) – предоставление товаров и услуг предприятиям.

Business-to-employee communication (бизнес-общение с сотрудниками) предполагает эффективное общение с сотрудниками, которое предотвращает трудности понимания и создает единство мысли сотрудничества в данной компании или предприятии.

Inter-department communication (межотраслевое общение внутри предприятия и между отделами) также играет важную роль в построении бесперебойного функционирования всех подразделений в одном направлении.

Business to the public (связь или работа с общественностью). Здесь информация должна быть предельно ясной, неискаженной, без подтекста или завуалированной информации.

Коммуникация играет огромную роль в бизнесе, никакое планирование, организация, управление персоналом, контролирование не могут быть успешными без эффективного и рационального общения. Бизнес-коммуникация это непрерывное получение и передача информации. На различных предприятиях занято много сотрудников и коммуникационная связь между отделами разных уровней, особенно географически разбросанных, несет весомое функциональное значение и правильно выстроенное общение дает большой эффект в функционировании всех отраслей.

Существуют две категории бизнес-общения: письменное и устное. Письменное общение включает различные регулярные отчеты (например, ежедневные, недельные, годовые), протоколы заседаний, тематические совещания, конференции, информирование отделов и сотрудников и т.д. Устное общение может быть официальным и неофициальным. В большинстве случаев, бизнес-общение является официальным: собеседования, переговоры, открытые или закрытые совещания. Обычно сосуществующую параллельно с официальным общением неформальную систему коммуникаций между организациями называют «виноградной лозой». Почему? Во время гражданской войны (1861—1865 г) в США связисты перебрасывали провода телеграфной связи не со столба на столб, а с дерева на

дерево, подобно виноградной лозе. Поскольку сообщения о боевых действиях, передаваемые по таким временным линиям, часто оказывались неправильными и путанными, военные нередко говорили, что источник армейских слухов - виноградная лоза. Сегодня данный термин применяется к любым неформальным коммуникациям (включая неофициальную информацию о деятельности компании, распространяемую среди работников и членов сообществ).

Коммуникационный процесс состоит из 4-х компонентов – кодирование, передача, расшифровка и обратная связь. Существуют две стороны коммуникации – отправитель и получатель информации. Общие каналы передачи информации включают: телефон, корпоративная почта, внутренние программы для мгновенной передачи сообщений (социальные сети и различные мессенджеры) и множество письменных форм, такие как записки, письма и отчеты. Наиболее эффективная обратная связь – это устное общение. Если информацию нужно предоставить группе людей, то предпочтительнее использовать письменное общение. По данным международных исследований и американских авторов, в устном сообщении при каждой последующей передаче теряется около 30% информации или, например, человек, которому адресована информация, может ее неправильно понять.

Правильное восприятие информации зависит от множества факторов, таких как знание контекста, отношения между отправителем и получателем. Интерпретация информации зависит от опыта, отношения, знаний и навыков восприятия и культуры.

(Feedback) Обратная связь – как правило, после получения информации получатель каким-то образом реагирует: в устной форме, письменное уведомление, улыбка, вздох и т.д. “Even a lack of response, is in a sense, a form of response” (Bovee and Thill, 1992).

В пределах программы обучения на КИЯ ИА деловому английскому уделяется 32 часа в шестом семестре. Что дается студентам за один семестр? После вводного курса, что такое деловой английский, о значимости делового английского в сфере их будущей деятельности, на семинарах студенты обучаются структуре и оформлению писем, содержанию и стилю. В рамках письменного делового английского студенты учатся писать письмо-запрос (Enquiries), ответ и предложение (Replies and quotations), письмо-заказ (orders), письмо-жалобу и способ регулирования конфликтной ситуации (Complaints and adjustments). Изучают внутренние коммуникации компании (In-company communication), осваивают навыки общения по телефону (Telephoning), обыгрывают ситуации устройства на работу (Applying for a position), включая заполнение анкеты по форме работодателя (Application form request), составление резюме (CV), сопроводительного письма (Covering Letter), а также обучаются готовить и делать презентации в области своей специальности. Непременным помощником в этом являются интернет-ресурсы. Предваряя эти виды работ, прорабатывается лексика, клише и шаблоны, выполняются различные виды заданий, учебных упражнений, характерных для деловых писем. Студенты пишут заданное письмо, обмениваются письмами, выступают в роли представителей какой-либо компании и составляют ответное письмо. Для формирования навыков реального профессионального иноязычного общения, курс делового общения завершается моделированием ситуаций, в которых реализуются необходимые коммуникативные умения и навыки. Для самостоятельной работы задаются различные задания, например, имитация устройства на работу. Все пишут сопроводительное письмо и резюме, назначается генеральный директор, финансовый директор, главный инженер и представитель отдела кадров (HR). Каждому студенту нужно продумать свою речь и поведенческую модель. Также важно, чтобы каждый студент побывал и в роли претендента на ту или иную вакансию и в роли работодателя. Здесь прослеживается логика совместной работы на основе имитационной модели профессиональной среды, логика деятельности, логика профессионально-делового общения. На завершающем этапе студентам дается Case Study (совместное решение каких-либо задач или проблем, возникающих на предприятии, офисе, управлении и т.д.), выполняют ряд тестовых заданий по бизнес общению на платформе ТУИС (Телекоммуникационная учебно-информационная система), которая активно используется по всем дисциплинам и

направлениям в университете. И все студенты с видео-презентацией по теме своей специальности выступают перед группой.

Изучение «делового английского» - это не только изучение лексики, совершенствование навыков общения, ведение деловой корреспонденции, презентаций и переговоров, но и умение слушать, трезво анализировать, правильно расставлять приоритеты, адекватно реагировать в различных ситуациях, владеть навыками межкультурной коммуникации. При создании реальных ситуаций, которые часто возникают при деловом общении, студентов следует обучать активному участию в беседе или обсуждении, продумывать свои слова, следить за тоном, голосом и не перебивать собеседника, уметь произвести хорошее впечатление на собеседника, придерживаться темы. Во время обучения студенты должны научиться искусству общения, и не только на бизнес-тематику. Навыки иноязычной коммуникативной компетенции дают огромные перспективы во всех сферах их будущей профессиональной деятельности. Овладение деловым английским и навыками общения позволяет более уверенно чувствовать себя в общении с иностранными коллегами, на конференциях и переговорах, а также на неофициальных встречах. Также деловой английский способствует развитию связей на международном уровне, позволяет расширить рамки общения в межкультурных коммуникациях.

Список литературы

1. Ashley A. A Handbook of Commercial Correspondence (1992) Oxford University
2. Болотова Р.Ш., Бонадыкова Е.В. Введение в деловое общение, учебное пособие. Москва, РУДН (2016)
3. Courtland L. Bovee, John V. Thill. Business Communication Today (2014), Pearson
4. Drew Rodgers. Business communications: International case studies in English. New York: St. Martin's Press, 1995
5. Farmeena Khan, Mohd. Ehmer Khan. Achieving Success through Effective Business Communication, ISSN 2224-5758 (Paper) ISSN 2224-896X (Online) Vol 2, No.2, 2012
6. Лихачева Ж.В. Формирование навыков делового общения в процессе обучения английскому языку (2014)
7. Локтюшина Е.А. «Английский язык делового общения» в структуре дополнительного профессионального образования (2019)
8. Mark Ellis, Christian Johnson. Teaching Business English. Издательство, Oxford University Press (1994)
9. Осипова О.О. Бизнес-кейсы в обучении студентов вуза языку делового общения (на примере английского языка), МГИМО, DOI:10.24411/2520-6990-2019-10127
10. Сдобников В.В., Селяев А.В., Чекунова С.И. Начальный курс коммерческого перевода (2011)

10.02.04

**Е.В. Машкова канд. филол. наук, И.В. Белкина канд. филол. наук,
Ю.В. Яценко канд. филол. наук**

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет»,
Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, Mashkova_E@bsu.edu.ru

**МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА»
ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМОЙ «TO WIN»
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В рамках статьи анализируется глагольная лексема to win, обладающая значением «достижение успеха», дается описание структурных схем, в которых данная лексема может быть представлена на языковом уровне, изучаются способы выражения облигаторных и факультативных компонентов исследуемого фрейма.

Ключевые слова: фрейм, субъект, предикат, облигаторный компонент, факультативный компонент, успех.

Всю свою жизнь человек стремится к достижению определенных целей, прикладывает усилия, встречает помощь или, наоборот, препятствия на своем пути, преодолевает их тем или иным образом и достигает успеха. Конечно, все понимают успех по-разному. Для кого-то успешным будет заработать крупную сумму денег, кто-то хочет добиться признания в обществе, а для кого-то успехом будет стать хорошим семьянином. Главное, чтобы достижение поставленной цели приносило субъекту удовлетворение и заслуживало положительной оценки окружающих. Таким образом, успех – есть универсальная, общесоциальная и временная ценность [2].

В английском языке представлен широкий круг глагольных лексем, способных репрезентировать ситуацию «достижения успеха» на языковом уровне, высвечивая облигаторные и факультативные признаки успешности. Рассмотрение группы глаголов «достижения успеха» с позиций фреймового подхода считается актуальным, поскольку исследование глаголов через связанные с ними фреймы позволяет на языковом уровне вскрыть когнитивные механизмы, определяющие семантико-синтаксические особенности глагольных лексем, репрезентирующих ситуацию достижения успеха [1].

В данной статье рассматриваются особенности репрезентации обязательных и факультативных компонентов в структуре фрейма «достижение успеха», на языковом уровне актуализируемых глаголом to win. Анализ словарных дефиниций, представленных в Macmillan English Dictionary, указывает на то, что глагол to win может на языковом уровне репрезентировать следующие структурные схемы фрейма ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА: СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ и СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – СУБЪЕКТ-КОНТРАГЕНС.

В структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ глагол to win может встречаться в контекстах различной тематики: спортивной, политической, военной, образовательной, бытовой, деловой (бизнес и предпринимательство), юридической и др., что объясняется широкой семантикой исследуемого глагола.

Облигаторный компонент СУБЪЕКТ на языковом уровне представлен прежде всего именами собственными (именами и фамилиями людей, названиями стран, компаний, команд, партий и т.д.), одушевленными существительным, называющими людей, и местоимениями.

Twenty-two-year old *Geoffrey Bone*, demi-chef de partie at the London Hilton on Park Lane, *has won the Hilton Young Chef of the Year competition* [3].

Реже в качестве субъекта выступает собирательное существительное.

Both these families had sons of about twenty, both had been in *the crowd* that won the signature from Menzies of Bolfracks [3].

СУБЪЕКТОМ может являться и животное, однако, на наш взгляд, в подобных случаях не профилируются такие признаки субъекта, как *контролируемость* и *волитивность*, ведь достижения животных являются результатом воздействия и дрессировки животного человеком, хотя признаки *одушевленности* и *активности* в этом случае остаются.

Paris House – *the horse* – recently won the Newbury Sales Sprint Trophy and prize money of £100,000 for his owner [3].

Интерес представляют предложения, в которых в качестве субъекта используются абстрактные понятия или неодушевленные существительные, обозначающие результат умственного труда человека (слова типа *документ, письмо, книга* и т.д.). В таких случаях пресуппозитивно высвечивается информация об авторе артефактов и существовании агентивного субъекта-творца. Причем дополнительно может быть представлена оценочная характеристика субъекта, выраженная прилагательным с положительной коннотацией.

Has your *clever idea* won a £50 cash prize this month? [3]

Облигаторные признаки субъекта *контролируемость* и *волитивность* вербализуются на языковом уровне за счет использования модальных глаголов, будущего времени глагола, которое выражает уверенность в успехе, а также употреблении длительных форм глагола *to win* [Машкова].

‘We are absolutely confident we *will win* if the elections are fair,’ Mr Lacayo said [3].

Кроме того, введение условного предложения профилирует дополнительные признаки *намеренности* и *контролируемости*, поскольку субъект осознает условия, необходимые для достижения успеха.

Далее рассмотрим способы выражения облигаторного компонента ОБЪЕКТ. В результате анализа фактического материала было обнаружено, что в качестве объекта стремления выступают ценности, являющиеся наградой субъекта за приложенные им усилия по достижению поставленной цели. На языковом уровне ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ выражен названием или видом спортивного состязания, политического события или военного действия, или словами типа *премия, приз, контракт*.

Jimmy Connors has won many *a tight match* in his time [3].

Но ОБЪЕКТОМ СТРЕМЛЕНИЯ могут становиться абстрактные понятия, типа *уважение, доверие, одобрение* и т.д.

Jimmy won on competitive *ability* [3].

Часто объясняется и причина получения объекта стремления, то есть дается указание на ту область, в которой субъект достиг высоких результатов.

He won the BBC best radio actor award in 1979 *for the Kreutzer Sonata* [3].

Использование пассивной конструкции с глаголом *to win* выводит на первый план значимость объекта достижения успеха.

The wooden spoon *was won* by a frequent former champion: Japan [3].

Очевидно, что для получения желаемого результат, субъекту необходимо прилагать усилия, тем самым может высвечиваться одноименный обязательный компонент в структуре фрейма «достижение успеха». Это происходит при использовании в препозиции к глаголу *to win* глаголов *to manage, to be able, to succeed*, указании временного промежутка, потребовавшегося для достижения цели, употреблении наречий типа *finally, eventfully*, прямом указании на количество предпринимаемых попыток.

The Singaporean yesterday needed *11 attempts before he won a rally*, and lost 15 points before he won one [3].

Однако не всегда субъекту приходится прилагать максимум усилий для достижения успеха, в некоторых случаях результат легко достижим и степень приложенных усилий невелика. При объективации компонента *легкость достижения успеха* используются наречия соответствующей семантики *quickly, easily, rapidly*.

England *easily* won the first Test at Sydney [3].

В некоторых ситуациях успех, тем не менее, оказывается неполным, о чем свидетельствует использование на языковом уровне наречия *only*, уступительных предложений или указание на полученные проценты (при ожидании стопроцентного результата, который считается успешным).

Two-thirds of the respondents were satisfied with local bus services, while coach services *won 85% approval* [3].

Достижение успеха и обладание объектом стремления должно положительно оцениваться как самим субъектом, так и окружающими. При экспликации компонента ОЦЕНКА на языковом уровне используются наречия со значением положительной коннотации.

Yesterday he was favorite again at 2-1 and won *impressively* [3].

В предложениях с инфинитивом в функции обстоятельства результата происходит перспективизация факультативного компонента РЕЗУЛЬТАТ, и он объективируется на языковом уровне.

He won enough *to set himself up in his own business*, so if you see a 'Terimon Cafe' on the outskirts of London you'll know how it got the name [3].

Кроме того, могут получать экспликацию такие факультативные компоненты фрейма «достижение успеха» как ПОМОЩЬ, ИНСТРУМЕНТ и СПОСОБ.

Though the republicans lost the war, they eventually won their case *with their successful introduction of the republican constitution of 1937* [3].

Наконец, зачастую важным в предложениях с глаголом *to win* является указание на ВРЕМЯ и МЕСТО действия.

It won the Royal Television Society's award for the Best Drama Serial of the year, and a Silver Nymph for the screenplay at the International Television Festival *in Monte Carlo in 1990*.

В структурной схеме СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – СУБЪЕКТ-КОНТРАГЕНС использование глагола *to win* ограничивается чаще всего контекстами спортивной тематики, хотя были обнаружены примеры военной и политической тематики, причем обязательным является использования предлога *against* перед именем или названием противоборствующей стороны.

The week before Western Province had won against Northerns in Cape Town with the last kick of the game [3].

Таким образом, выступая одним из глаголов, репрезентирующих фрейм «достижение успеха» в английском языке, глагольная лексема *to win* способна объективировать структурные схемы СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ и СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – СУБЪЕКТ-КОНТРАГЕНС, высвечивая при этом обязательные компоненты СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, СУБЪЕКТ-КОНТРАГЕНС, ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ, УСИЛИЯ, ОЦЕНКУ и факультативные компоненты ПОМОЩЬ, ИНСТРУМЕНТ, СПОСОБ, ВРЕМЯ и МЕСТО.

Список литературы

1. Машкова Е.В. Репрезентация фрейма «достижение успеха» глагольными лексемами современного английского языка: дис. канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 193 с.
2. Розенберг Н.В. Архитектоника успеха в культуре дис. канд. филос. наук. – Тамбов, 2001. – С. 12.
3. Fleming I. Casino Royale. – СПб.: Антология, 2004. – С. 77.
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bncweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения 17.10.2019).

10.02.04

О.П. Мотина канд. филол. наук, В.А. Саблукова канд. филол. наук

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, lelikka@mail.ru, mis-valya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В работе предпринята попытка описания фонологической структуры паронимических единиц, составляющих ядро соответствующего поля. Исследования фонемного состава лексем позволяют определить соотношение вокалических, консонантных и комбинированных паронимов английского языка. Выявлен наиболее продуктивный тип трансформации фонем.

Ключевые слова: паронимия, паронимизация, фонологическая структура, трансформация фонем.

Паронимы представляют собой огромный пласт лексики современного английского языка. Рамки данной категории размыты и не имеют четкого единого определения. Анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов позволяет заключить, что паронимия является результатом взаимодействия формального, семантического и функционального факторов. Близость фонетического строя слов-паронимов вызывает их семантическую контаминацию, что не может не отразиться на функционировании подобных лексем в речи.

В статье предпринимается попытка определения и описания особенностей фонологической структуры паронимических единиц английского языка. При выделении паронимических оппозиций первостепенным, несомненно, является звуковое подобие слов, что определяет актуальность исследования фонемного состава лексем и возможных комбинаций гласных и согласных фонем в начальных, срединных и конечных позициях. «Количество фонем, позиционное варьирование гласных и согласных, характер позиций и своеобразие поведения фонем в тех или иных вариациях» накладывают на каждый язык особый отпечаток, определяют его своеобразие и специфические национальные черты [4, с. 80]. Кроме того, исследования фонологической структуры слов представляют ценность в сопоставительном аспекте, позволяя провести параллели и выявить соответствия в структурах разных языков [2, с. 14]. Фонологический анализ направлен на установление вида связи, существующей в речи между артикуляторно-звуковыми и семантическими элементами слова и морфемы [5, с. 11].

В рамках данного эмпирического исследования невозможно систематизировать весь паронимический фонд английского языка. Под паронимами мы понимаем «слова одной части речи, обладающие близостью формальной структуры и характеризующиеся системной и контекстной семантической соотнесенностью, которые могут ошибочно или намеренно смешиваться в речи» [3, с. 87]. Однокорневые паронимические оппозиции, отвечающие данным критериям, являются «лучшими экземплярами, обладающими большей весомостью характеризующих их признаков» [6, с. 53]. Так, подобные адъективные, субстантивные и глагольные паронимические пары, характеризующиеся этимологическим родством, составляют ядро паронимического поля, в то время как разнокорневые созвучные единицы с вышеперечисленными признаками репрезентируют периферию соответствующего поля. Число созвучных единиц на периферии поля не ограничено, эти единицы не являются объектом данного исследования.

Корпус паронимов английского языка был выделен из словарей Dictionary of Confusable Words А. Рума [7] и Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [8] методом фронтального анализа и насчитывает 571 парооппозицию.

Паронимические лексемы могут иметь различия в гласных звуках, например, *allusive // elusive, amend // emend, eminent // imminent*. Подобные единицы назовем вокалическими. Паронимы, различающиеся согласными звуками, например, *attribute // contribute, utmost // upmost*, обозначим как консонантные. Компоненты парооппозиций, имеющие различия как в гласных, так и в согласных звуках, например, *tasty // tasteful, explicit // implicit*, охарактеризуем как комбинированные.

В процессе кодирования/декодирования паронимического высказывания в сознании говорящего и слушающего происходят звуко-смысловые ассоциации разной силы, где слабые вытесняются сильными. В результате можно наблюдать следующие трансформации исходного члена паронимического ряда: субституция, добавление/стирание, перестановка фонем [1, с. 257]. Рассматриваемые трансформации являются обратимыми на фонетическом уровне, что позволяет считать процессы добавления и стирания фонем одним видом трансформации.

Вокалические паронимы немногочисленны в английском языке. Они насчитывают 38 пар, что составляет 7 % от общего корпуса проанализированных единиц. Субституция является наиболее распространенным типом трансформации для вокалических парооппозиций (4,6 %), например, *inapt // unapt, human // humane, effect // affect*.

2 % паронимов характеризуются стиранием/добавлением гласных фонем, например, *scheme // schema, handwork // handiwork*. Среди паронимов этой группы многочисленны адъективные единицы, образованные по суффиксальной словообразовательной модели -у/-, где один из компонентов пары является бессуффиксальным (например, *scanty // scant, lanky // lank*), и глагольные и субстантивные лексемы, образованные по префиксальной модели а-/- (например, *avocation // vocation, arouse // rouse, allure // lure*).

Незначительное число вокалических паронимов (0,4 %) образованы путем объединения нескольких видов трансформаций. Так, паронимическая пара *moral // morale* характеризуется как перестановкой фонемы [ə], так и субституцией корневых гласных фонем [ɒ] - [ɑ:].

Паронимы на консонантной основе составляют 145 парооппозиций (25,3 %) проанализированного корпуса английских единиц. Большая часть единиц данной группы образована добавлением/стиранием фонем (11,4 %) (например, *delusion // illusion, spark // sparkle, egotism // egoism*) и их субституцией (9,4 %) (например, *precedence // precedent, distrust // mistrust, citron // citrus*).

В качестве примеров смешанных типов трансформаций английских консонантных паронимов можно привести субституцию+перестановку (0,5 %) (*inflation // reflation*) и субституцию+добавление/стирание фонем (3,9 %) (*accede // concede, stimulus // stimulant, admittance // admission*).

Большинство лексем (388 пар – 68 %) паронимического фонда английского языка относятся к комбинированным паронимам с точки зрения их фонемного состава. Это объясняется продуктивностью аффиксации как словообразовательного способа парооппозиций, в результате которой наблюдаются трансформации как гласных, так и согласных звуков.

Субституция+добавление/стирание фонем является наиболее продуктивным видом трансформации комбинированных лексем (44,5 %). В этой группе широкое представление получили субстантивные, глагольные и адъективные суффиксальные паронимы, например, *deficiency // deficit, deformation // deformity, circularize // circulate, credible // credulous, beneficial // beneficent*. Данная трансформация также представлена префиксальными глаголами и существительными, например, *inflict // afflict, prosecution // persecution*.

В корпусе английских паронимов можно наблюдать несколько примеров смешанных моделей трансформаций субституция+перестановка фонем (1,4 %) (например, *goodly // goodish, propel // compel*) и субституция+добавление/стирание+перестановка фонем (0,4 %)

(например, *compulsory* // *compulsive*, *celebratory* // *celebrated*).

Среди комбинированных пароппозиций имеют место созвучные лексемы, образованные путем добавления/стирания фонем (12,8 %). Данный вид трансформации характерен для пар слов, в которых один компонент является аффиксальным, а другой безаффиксальным, к примеру, *acknowledgement* // *knowledge*, *hack* // *hackney*, *absolve* // *solve*, *instant* // *instantaneous*.

9 % английских паронимов образованы по модели субституционной трансформации гласных и согласных звуков, например, *contribute* // *distribute*, *integration* // *integrity*, *bravado* // *bravery*.

Таким образом, в паронимическом фонде английского языка можно выделить двенадцать фонологических моделей образования пароппозиций. Ведущим фонологическим типом паронимических единиц является комбинированный (68 %); паронимы на вокалической основе насчитывают 7 % проанализированного корпуса единиц; паронимы на консонантной основе – 25,3 %. Наиболее продуктивной трансформацией является субституция+добавление/стирание фонем (48,2 %).

Резюмируя, необходимо сказать, что исследование фонологических типов паронимов не только приближает к пониманию сущности явления паронимии, но и открывает дальнейшие перспективы в плане сопоставительного исследования паронимических единиц в разных языках. Проведенный анализ имеет большое теоретическое и практическое значение, как при моделировании паронимического фонда английского языка, так и при решении методико-прикладных задач.

Список литературы

1. Антипина О.П. Фонологическая типология паронимов современного русского языка // Вестник Башкирского государственного университета. – Вып. 1. – Том 17. – 2012. – С. 257-259.
2. Бондаренко Л.В. Звуковой строй современного русского языка / Л.В. Бондаренко. – М.: Просвещение, 1977. – 175 с.
3. Мотина О.П. Словообразовательные модели субстантивных паронимов в русском и английском языках // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 87-92.
4. Омарова С.О., Андреева И.В. Некоторые особенности фонологического строения корнеслов английского и русского языков // Вестн. Вост. ин-та экономики, гуманитар. наук, упр. и права. – Уфа, 2007. – № 29/30. – С. 69-73.
5. Черкасов Л.А. Системный подход в фонологии. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2000. – 44 с.
6. Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 238 с.
7. Room A. Dictionary of Confusable Words / A. Room. – London: Routledge: Taylor & Francis group, 2000. – 251 p.
8. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. – International Student Edition. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.

10.02.04

¹Е.В. Плисов д-р филол. наук, ²А.М. Хамидулин

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»,
факультет гуманитарных наук,

¹кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики,²кафедра философии и теологии,

Нижегород, e_plissov@mail.ru, captain.nemo.2012@yandex.ru

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Статья посвящена исследованию процессов архаизации немецкой лексики с привлечением лексикографических данных. Проводится анализ лексикографической комбинаторики, в том числе локализации помет в структуре словарной статьи. Изучается тематическая принадлежность устаревшей и устаревающей лексики.

Ключевые слова: *устаревшая лексика, архаизм, структура словарной статьи, тематическая классификация.*

Немецкий язык, как любой национальный язык, находится в постоянном развитии и подвержен различным трансформациям. Одним из самых подвижных уровней языка является лексический – с одной стороны, он в первую очередь отзывается на изменения в языковом коллективе, заимствует и производит новые слова, с другой стороны, продолжается процесс утраты языком лексических единиц. Устаревающая и устаревшая лексика относится к пассивному лексическому составу языка с ограниченным функциональным потенциалом. В любом современном языке процесс устаревания лексических единиц занимает важное место. Процесс архаизации части словарного состава, как правило, происходит постепенно, поэтому среди устаревающих и устаревших слов есть такие, которые находятся в процессе исчезновения из языка уже продолжительное время. Различные аспекты устаревания лексики представляют для лексикологических исследований особый интерес [4; 8]. Важную роль в изучении этого вопроса в немецком языке сыграли М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева, К.А. Левковская, Е.В. Розен, Т. Шиппан и другие лингвисты. Ученые обращают внимание на экстралингвистические и внутрилингвистические причины устаревания, отмечают, что процесс устаревания может быть не только длительным, но и одномоментным [3; 5].

Для отражения устаревания лексики в современных немецких толковых словарях используются пометы «veraltend» и «veraltet». К.-Д. Людвиг признает за этими пометами диахронический статус, но также частично и диахронический. По мнению исследователя, эти пометы регулируют процессы мотивированного отбора лексем в зависимости от интенции, коммуникативной ситуации, предмета сообщения и его адресата [7: 52].

Эмпирической базой настоящей работы послужил корпус языковых единиц (ЯЕ), полученный в ходе сплошной выборки из толкового словаря немецкого языка Duden [6]. Общее количество анализируемых примеров – 469 (буквы А – В). Результаты анализа показали, что в словаре пометы «veraltend» и «veraltet» используются как в зоне семантического описания (основное значение и лексико-семантические варианты), так и в иллюстративной зоне (примеры употребления). Это распределение можно проследить с помощью следующей таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Локализация помет «veraltend» и «veraltet» в структуре словарной статьи

Зона словарной статьи		ЯЕ с пометой <i>veraltet</i>	ЯЕ с пометой <i>veraltend</i>	% к общему числу
Лексический вход		0	0	0%
Фонетическая информация		0	0	0%
Грамматическая информация		0	0	0%
Толкование / зона семантического описания	Основное значение слова	97	73	36%
	Лексико- семантический вариант	136	116	54%
Иллюстративная часть: примеры употребления		22	25	10%
Всего		469		100%

Результаты анализа, представленные в таблице 1, указывают на преимущественное сопровождение пометами лексико-семантических вариантов значения лексем (252 ЯЕ), например: Abend (3), arbitrieren (1), auslösen (4 a, b), Bedenklichkeit (1), bestehen (3 b), Biene (2). Значительно реже этими пометами маркировано основное значение слова (170 ЯЕ): admirabel, ambulieren, Armgeige, sich anbequemen, Beletage, beschiffen, Bruderherz. В следующей группе представлены примеры употребления – устойчивые сочетания, идиомы, речевые штампы, обороты речи, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения (47 ЯЕ): jmdm. nichts abgucken, in Ansehung, so bewandt sein, sein gutes Brot haben.

Примеры употребления представлены словосочетаниями различной структуры (43 ЯЕ): существительное + существительное (Arm und Reich), существительное + глагол (an einem Aufsatz feilen und bessern), местоимение + существительное (zu diesem/dem Behuf[e]), прилагательное + существительное (seligen Angedenkens, blaue Bohne) и существительные в сочетании с предлогами (im Belauf von, auf Adlersfittichen). В примерах употребления также представлены устаревающие и устаревшие словосочетания, заимствованные из латинского и французского языков: anno corrente, etw. ad acta legen, a la mode. В иллюстративной зоне представлены также предложения (4 ЯЕ): beziehen (Er bezog die Universität (veraltet; begann zu studieren)), beschwerlich (Ich möchte dir nicht beschwerlich fallen (veraltend; zur Last)), bezeichnen (Dieses Verhalten bezeichnet seine Einstellung (veraltet; ist bezeichnend für)).

Среди ЯЕ, маркированных пометами «veraltend» и «veraltet», встречаются слова и выражения, которые относятся к следующим тематическим группам (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Принадлежность ЯЕ, маркированных пометами «veraltend» и «veraltet», к тематическим группам

Тематические группы	Количество	Примеры
Характеристика людей по различным признакам, характеру	35 ЯЕ	brauseköpfig, brav, Bube, Byzantiner, Bärenhäuter
Профессиональная деятельность	29 ЯЕ	Advokat, Ausläufer, Barbier
Сфера человеческих взаимоотношений	26 ЯЕ	Abkomme, antrauen, Affäre, unter dem Besen getraut sein
Военная сфера	21 ЯЕ	armieren, Affe, Bataille
Душевное состояние человека	18 ЯЕ	beben, bekümmern, betrüben
Архитектурная сфера	12 ЯЕ	Abriss, Beletage
Предметы одежды	12 ЯЕ	Achsel, Binder
Судебная сфера	11 ЯЕ	Advokat, appellieren, Bittschrift

Таким образом, чаще всего пометами «veraltend» и «veraltet» сопровождается лексико-семантический вариант значения слова. Это связано с лексико-семантической вариативностью слова: большинству слов присуща многозначность, наличие у слова более чем одного значения. Устаревание одного из значений часто может служить основой для производства другого, переосмысленного, значения языковой единицы, часто с перемещением из одной коммуникативно-функциональной сферы в другую. Динамические процессы в архаизации немецкой лексики также находят отражение в современных исследованиях [2].

Устаревшая лексика встречается среди слов, характеризующих людей и их поведение, профессию и род деятельности человека, человеческие взаимоотношения, в том числе родственные отношения, и душевное состояние человека и его эмоции. Подобная тематическая отнесенность свидетельствует об антропоцентрической направленности наименований, маркированных пометами «veraltend» и «veraltet». Кроме того, встречаются слова, характеризующие военную, архитектурную и судебную сферы. В подобной тематической классификации проявляется принцип системности как структурно-семантическое свойство лексико-семантической группы [1]. Важно также отметить, что чаще всего интересующими нас пометами сопровождаются имена существительные. Это объясняется номинативной функцией слова и тем, что архаизмы и историзмы чаще всего называют явления и предметы действительности, чаще всего это конкретные предметы.

Список литературы

1. Оладышкина А.А., Кузнецов К.В. Этнонимы в австрийском варианте немецкого языка // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3. – С. 52-57.
2. Плисов Е.В. Архаизация лексики в немецком языке: динамический аспект. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2019. – 64 с.
3. Смирнова Е.В., Воробьев Д.В. Логические противоречия обратного хода времени и пути их решения в истории философии и науки XX-XXI веков // Вестник Мининского университета. – 2018. – Т.6. – №3. – С. 14.
4. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллект. монография / под общ. ред. Е.В. Плисова. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 210 с.
5. Bogomolov A.V., Babaeva A.V., Vorobiev D.V. The problem approach in historical and philosophical studies of the category 'non-existence' // European Journal of Science and Theology. – 2019. – № 15 (1). – P. 213-221.
6. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2001 [CD-ROM].
7. Ludwig K.-D. Probleme der Markierung im Wörterbuch // Symposium on Lexicography VI: Proceedings of the Sixth International Symposium on Lexicography May 7-9, 1992 at the University of Copenhagen. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – S. 51-71.
8. Prokopjewa N. Über die geschichtlichen Begriffe und die Begriffsgeschichte // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2010. – №10. – С. 211-216.

10.02.04

Н.В. Полторакова, С.С. Шумбасова канд. филол. наук

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, МО, natalyapoltorakova2019@mail.ru, svetshum13@gmail.com

КИНОДИСКУРС КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается особый вид дискурса – кинодискурс. Особую популярность кинодискурс как лингвистическое явление получил в связи с влиянием голливудского кино, которое распространено по всему миру и является эффективным инструментом воздействия на аудиторию. Адекватность перевода на русский язык невозможно недооценивать. В настоящей статье представлены примеры перевода при двухмерном субтитровании в языковой паре английский-русский в рамках предъявляемых к аудиовизуальному переводу требований.

Ключевые слова: кинодискурс, аудиовизуальный перевод, лексико-грамматические трансформации.

В гуманитарных науках в последнее время особое значение приобретает понятие «дискурс». Данный термин широко употребляется во многих научных областях – в социологии, философии, политологии, лингвистике, психолингвистике и литературоведении. В зависимости от области научного знания и предмета ее изучения семантический объем понятия различен. В современной лингвопрагматике понятие «дискурс» обретает терминологическое значение и статус.

Термин «дискурс» понимается различными исследователями как: 1) последовательность предложений, произнесенная (или написанная) одним (или более) человеком в определенной ситуации («the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation») [8, Р. 1]; 2) «речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида»; то есть «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, С. 136]; 3) особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации [6, С. 45]. Первый класс пониманий термина «дискурс» представлен главным образом в англоязычной научной традиции. Второй класс употреблений термина «дискурс» был развит французскими структуралистами и пост структуралистами, и прежде всего Мишелем Фуко, который определил дискурс как «совокупность высказываний в рамках одной формации» [5, С. 55]. Термин «дискурс» в таком понимании описывает способ говорения и имеет определение – какой или чей дискурс – и обязательно присущ какой-либо социально-политической группе или эпохе. Третье употребление термина напрямую связано с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, согласно которой в ходе дискурса происходит обдумывание и аргументирование субъектами их мотивов, побуждений и намерений, а также реализуется значимость того, о чем говорится [6, С. 46].

На данном этапе развития лингвистики изучение понятия дискурса – это новый вектор развития и становления гуманитарного знания. Проанализировав различные определения понятия «дискурс», мы пришли к выводу, что нашему исследованию соответствует определение, данное проф. М. Я. Блохом, и в дальнейшем мы будем понимать дискурс как «тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и заверченный, но рассматриваемый в ситуации общения, в которой он разворачивается»

[3, С. 9]. Дискурс – это сложное образование, имеющее три измерения: участники коммуникации, ситуация общения и сам текст.

Изучение кинодискурса представляется актуальным, так как этот вид дискурса обладает возможностью особым образом влиять и изменять воспринимающую его аудиторию. Он способен формировать новые модели поведения, воздействовать на восприятие мира, менять потребительские и иные установки. Ведущая исследовательница англоязычного кинодиалога Сара Козлофф подчеркивает, что одной из главных причин распространения и популярности английского языка в мире стало именно голливудское кино [7, Р. 27].

Так как кинодискурс – это особый тип текста, то его изучение средствами лингвистики возможно. Если кинодискурс является текстом, то он обладает общетекстовыми категориями, такими, как информативность, целостность, связность [2, С. 40]. Мы в нашем исследовании будем понимать кинодискурс как связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами [4, С. 8].

Аудиовизуальный перевод, выделившийся в самостоятельную область исследования, представлен в следующих видах: 1) перевод для закадрового озвучивания (voice-over); 2) перевод для двухмерного субтитрирования; 3) перевод для специальных аудиторий, в которые входят детская аудитория, слепые, глухие, аудитория 2.0, т. е. фанаты (например, перевод аниме); 4) перевод под полный дубляж (lip-synq). Главная особенность процесса аудиовизуального перевода заключается в том, что переводчик должен работать одновременно и с текстом (скриптом), и с видео. Основной трудностью для переводчика является проанализировать и обработать оригинальный и переводной текст так, чтобы не перенести в переводной текст синтаксические структуры исходного языка, то есть не допустить вторжения системы исходного языка в систему языка перевода.

При осуществлении перевода методом субтитрирования необходимо соблюдать требования, определяющие количество строк, количество символов в строке, длительность субтитра и т. д. Это обусловлено физиологическими характеристиками человека, а именно скоростью чтения, которая ниже темпа речи, следовательно, необходимо максимально сжимать текст и уменьшать время, которое текст субтитров находится на экране.

Проанализировав сделанный нами перевод с английского на русский язык американского документального фильма *The Cove* («Бухта») 2009 года режиссера Луи Психойоса, мы заметили, что в связи с вышеупомянутыми особенностями субтитрирования чаще всего использовались следующие переводческие трансформации:

- Нулевой перевод

1. Оригинал: *Swimmer, you're within a government – authorized test area. You are holding up a government project. Do you understand?*

Субтитры: *Вы находитесь на охраняемой государством территории./ Вы нарушаете закон.*

2. Оригинал: *I think I can actually hear the banging, but I hear it all the time. I hear it in my sleep.*

Субтитры: *Я постоянно слышу этот стук, даже во сне.*

- Грамматические замены

1. Оригинал: *A dolphin in the right spot can make a million dollars a year.*

Субтитры: *Дельфины приносят миллионы долларов в год.*

2. Оригинал: *I could have my own dolphin facility somewhere in the Caribbean and be making 2 or 3 million dollars a year.*

Субтитры: *Собственный дельфинарий на Карибах, например,/ мог бы приносить 2-3 миллиона долларов в год.*

- Модуляция

1. Оригинал: *... now if there's a dolphin in trouble anywhere in the world, my phone will ring.*

Субтитры: *Теперь, если дельфин в опасности,/ где-бы то ни было, я иду на помощь.*

2. Оригинал: *I thought of all the possibilities of what could happen, and it kept me up at night.*

Субтитры: *Мне не давали покоя мысли о том, / что с нами может случиться.*

Редко можно говорить о применении какого-то определенного приема в чистом виде, так как анализ показал, что для достижения адекватного, правильного перевода с точки зрения перевода методом субтитрования в большинстве случаев одновременно используется несколько трансформаций.

Благодаря использованию переводческих приемов мы трансформируем одно сложное гетерогенное образование, состоящее из двух семиотических систем – лингвистической и нелингвистической – в другое, один кинодискурс в другой. Использование правильно выбранных трансформаций позволяет преобразовать кинодискурс оригинала в кинодискурс языка-реципиента таким образом, чтобы один не подменял понятий другого, смог стать элементом культуры языка-реципиента и не был ему чужд и правильно интерпретировал смысл, заложенный в фильме. Кинодискурс представляет особый интерес для современной лингвистики и требует дальнейшего более детального изучения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Арутюнян С.М. Семиотические границы в искусстве: культурологический анализ. – М. : МГУКИ, 2008. – С. 40.
3. Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. – М. : Московский гуманитарный институт им. Е.Р.Дашковой. 2013. – № 1. – С. 5-11.
4. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск : ЧГУ, 2010. – С. 22.
5. Фуко М. Археология знания. – Киев : «Ника-Центр», 1996. – С. 55.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия [Текст]: / Ю. Хабермас // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1993 – № 4. – С. 45.
7. Kozloff S. Overhearing film dialogue. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 2000. – P. 27
8. Harris Z.S. Discourse analysis // Lg., 1952. Vol. 28. № 1. – P. 1-3.

10.02.04

М.В. Файзулаева, Л.М. Штейнгарт канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, marinafayzulaeva@gmail.com, kraslis@rambler.ru

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ИНИЦИИ КОНТАКТА В РАМКАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА *SMALL TALK*

*В работе рассмотрены и проанализированы дискурсивные техники, формирующие дискурсивную практику инициации контакта в рамках современного речевого жанра *small talk* и способы их экспликации в английском языке. В ходе проводимой работы были определены такие понятия, как «фатическая коммуникация», «*small talk*», «дискурсивная практика» и «дискурсивная техника», «дискурсивный маркер». *Small talk* был рассмотрен как речевой жанр фатической коммуникации, а не как дискурсивная практика. Была разработана типология дискурсивных практик: дискурсивная практика инициации контакта, восстановления и завершения коммуникации. В рамках дискурсивной практики инициации контакта был выделен ряд дискурсивных техник, среди которых: обращение к общей пресуппозиции, использование контактоустанавливающих вопросов, использование прецедентных имён и высказываний, комплимент, игра слов. Приведены и изучены дискурсивные маркеры, необходимые для реализации дискурсивной техники использования контактоустанавливающих вопросов.*

Ключевые слова: *фатическая коммуникация, речевой жанр *small talk*, дискурсивная практика, дискурсивная практика инициации контакта, дискурсивные техники, дискурсивные маркеры*

В связи с появлением тенденции к глобализации в современном мире возникает необходимость осваивать нетипичные для своей культуры речевые жанры с целью успешного взаимодействия в рамках межкультурной коммуникации.

Проблемы, возникающие в ходе взаимодействия, могут быть вызваны не только собственно языковыми несоответствиями (незнанием языка или отдельных элементов), но и неспособностью одного из коммуникантов участвовать в разговоре (незнание паттернов, свойственных определённому жанру).

В нашем исследовании мы обращаемся к фатической коммуникации и *small talk* как одному из жанров данного вида коммуникации в английской лингвокультуре и изучаем дискурсивные практики, позволяющие не носителю языка овладеть *small talk*.

Актуальность проводимого исследования определяется рассмотрением сравнительно новых терминов «дискурсивная практика» и «дискурсивная техника», а также применением их в новой области – фатической коммуникации, что, в свою очередь, позволяет рассматривать *small talk* не как одну из дискурсивных практик, а как самостоятельный речевой жанр.

Цель данной работы заключается в выявлении и описании дискурсивной практики инициации контакта и дискурсивных техник, формирующих данную практику.

Материалом для проведения анализа послужил псевдодокументальный британский сериал «The Office» (2001 – 2003), т.к. ситуации (в т.ч. *small talk*) представлены в нём максимально приближенными к реальной жизни, что позволяет минимизировать неточности, характерные для обработки художественного материала.

Прежде чем перейти к рассмотрению дискурсивных практик нам представляется необходимым определить фатическую коммуникацию и речевой жанр *small talk*. Фатика является коммуникацией в «наиболее чистом виде» [1]. Следовательно, фатическая коммуникация ориентирована на процесс взаимодействия, а не на обмен существенной

информацией (противопоставляется информатике). Почти во всех определениях фатической коммуникации, предлагаемых учёными, одной из основных функций фатического речевого общения называется функция установления контакта (B. Landon, T. Bickmore, G. Senft). Существует также восприятие фатического общения как ритуала, функцией которого является регулирование межличностного взаимодействия [11]. Выделяется цель фатического взаимодействия, заключающаяся в сообщении о наличии говорящего [8]. Следовательно, фатическая коммуникация представляет собой действие, совершаемое говорящим с целью сообщить о своей интенции вступить в коммуникацию, и выступает в качестве вспомогательного элемента для установления связи между коммуникантами.

В классификации фатических речевых жанров, предлагаемой В.В. Дементьевым, *small talk* относится к группе праздноречевых жанров, особенность которых заключается в том, что в таких жанрах межличностные отношения сохраняются без значительных ухудшений или улучшений, хотя вероятность положительного развития отношений выше, чем негативного [1].

Соответственно, основываясь на классификации, можно уже сделать вывод, что *small talk*, как и сама фатическая коммуникация, направлен на установление и поддержание отношений. Данная характеристика является одной из ключевых, но не единственной. Т. Бикмор в своём определении концентрируется на функциональных чертах данного речевого жанра [7]. В связи с тем, что *small talk* является одним из видов фатического речевого жанра, можно отметить, что он также, в первую очередь, является действием (функциональная составляющая), а его содержание не влияет значительным образом на развитие коммуникации.

В различных исследованиях, как лингвистических, так и нелингвистических, представлены дополнительные психофизические и коммуникативные характеристики (например, необходимость наличия вопросов, краткость реплик, желание взаимодействовать и др.), позволяющие составить более подробное представление о речевом жанре *small talk* (K. Schneider, N. Mattar, I. Wachsmuth).

Таким образом, *small talk* – это один из видов фатического речевого жанра, функциональный компонент которого играет ключевую роль, которая, в свою очередь, заключается в установлении и поддержании дружественного общения, определении статуса собеседника, в конкретной ситуации и в целом; содержательный аспект отходит на второй план, но при этом не становится примитивным, фокусируясь на ограниченном круге тем.

Несмотря на то, что лингвисты, изучающие жанр *small talk*, в своих исследованиях отмечают, что данный жанр необходим для установления контакта или поддержания коммуникации, существует также третья функция, проявляющаяся на финальных этапах разговора и направленная на успешное завершение беседы.

В рамках любого речевого жанра существуют дискурсивные практики (далее – ДП) для его реализации. В современных лингвистических исследованиях приводится большое количество определений дискурсивной практики, не все из которых являются релевантными в рамках нашей работы, т.к. не каждая дефиниция учитывает возможность появления дискурсивных практик в персональном дискурсе, к которому относится *small talk*. Кроме того, стоит отметить, что термин «дискурсивная практика» появился относительно недавно, и, следовательно, не отличается терминологической чёткостью.

Проанализировав ряд лингвистических исследований (Иссерс О.С., Куликова Л.В., Сарна А.Я., Шилихина К.М., Richard F.Y.), мы выявили несколько тенденций в определении дискурсивной практики. ДП основывается на социальной практике, «копируя» её характер деятельности и повторяемости. Тем не менее, дискурсивная практика шире, т.к. она рассматривается не только в рамках институционального дискурса, но и в межличностном. Соответственно, ДП – любые рекуррентные (повторяющиеся) действия, направленные на решение коммуникативных задач, характерные для определённого лингвокультурного сообщества и обусловленные жанровыми особенностями коммуникации, коммуникативной ситуацией и интенцией говорящего.

Рассмотрев ключевые характеристики фатической коммуникации и *small talk* как одного из её жанров, а также дискурсивной практики, обратимся к практическому материалу для выявления дискурсивных маркеров в рамках *small talk* на этапе инициации контакта.

Под дискурсивными маркерами мы понимаем лингвистические и экстралингвистические инструменты организации дискурса на различных уровнях языка (фонетическом, лексическом и грамматическом). Дискурсивные маркеры не имеют семантической значимости, но обладают важной функцией формирования дискурса, передавая интенцию говорящего [5].

Стоит отметить, что такие параметры, как социальный статус собеседника, его возраст, пол, финансовое положение и т.д. влияют на ход коммуникации либо катализируют её, либо, напротив, замедляют.

Дискурсивные практики *small talk* определяются интенцией говорящего, следовательно, функциями данного речевого жанра: привлечение внимания говорящего, инициация контакта, определение статуса собеседника и др. Основываясь на трёх основных функциях *small talk* (инициация контакта, восстановление коммуникации и завершение коммуникации), мы выделяем три типа дискурсивных практик: ДП инициации контакта, ДП восстановления коммуникации, ДП завершения коммуникации.

Дискурсивные практики, в свою очередь, состоят из более мелких элементов (второго порядка), дискурсивных техник, выступающих средством реализации самих практик. На данном этапе нашего исследования были выделены следующие дискурсивные техники: обращение к общей пресуппозиции, использование контактоустанавливающих вопросов, использование прецедентных имён и высказываний, комплимент, игра слов (все техники представлены согласно их частотности проявления в анализируемом материале). Далее мы рассмотрим более подробно одну из выделенных нами техник (использование контактоустанавливающих вопросов) в рамках дискурсивной практики инициации контакта и проанализируем дискурсивные маркеры.

Использование контактоустанавливающих вопросов является одной из наиболее распространённых дискурсивных техник при инициации контакта. Цель инициатора заключается не в получении ответа на вопрос, а в привлечении внимания:

Пример 1.

“Dawn Tinsley. Receptionist. Been with us for ages, haven’t you?” (*The Office*, Season 1, “Downsize”),

Пример 2.

“Hey, wassup?!” (*The Office*, Season 1, “Downsize”),

Пример 3.

“Can we have a chat?” (*The Office*, Season 1, “Work Experience”)

Данная техника позволяет вовлечь второго коммуниканта в разговор, сообщая ему о своём присутствии. Использование личного местоимения второго лица единственного числа «you» позволяет собеседнику понять, что обращаются именно к нему.

Имена собственные, а именно антропонимы (*Dawn Tinsley*), также являются одним из маркеров дискурсивной техники использования контактоустанавливающих вопросов. К другим дискурсивным маркерам данной практики относятся существительные с семантикой профессии, должности (*receptionist*), т.к. они выступают в некоторой степени в качестве контекстуального синонима имени собеседника.

На синтаксическом уровне характерно использование инвертированного порядка слов (сказуемое предшествует подлежащему), типичного для общих вопросов в английском языке (**Can** we have a chat?), либо неполных синтаксических конструкций (эллипсис) с опусканием личных местоимений и вспомогательных глаголов в вопросах (*Busy?* (*The Office*, Season 1, “Work Experience”), *You see?* (*The Office*, Season 1, “Downsize”)).

На фонетическом уровне одним из дискурсивных маркеров анализируемой техники является редукция (*Wassup?* – *what is up?*). Отдельно следует рассмотреть данный пример, с точки зрения использования интертекстуальности:

В 2000 году вышел фильм «Очень страшное кино», в котором есть сцена разговора двух собеседников по телефону. Они используют фразу «wassup», появляющуюся в речи героев анализируемого сериала «The Office», действия которого происходят в 2001 году. Кроме того, с 1999 года началась реклама пива марки «Bud», в которой также присутствовала данная фраза. Следовательно, в сериале появляется отсылка к фильму и рекламе, т.е. происходит обращение к общей пресуппозиции (области знания, общей для участников коммуникации).

Использование контактоустанавливающих вопросов – не единственный способ реализации дискурсивной практики инициации контакта. Выявление и рассмотрение дискурсивных маркеров в других выделенных нами дискурсивных техниках и практиках является перспективой дальнейшего развития настоящего исследования.

Основываясь на проведенном анализе, можно говорить о наличии различных дискурсивных практик в рамках речевого жанра *small talk*, которые, в свою очередь, реализуются на уровне дискурсивных техник (обращение к общей пресуппозиции, использование контактоустанавливающих вопросов, прецедентных имён и высказываний, комплимент, игра слов) и обладают определёнными дискурсивными маркерами, позволяющими отделить одну технику от другой. В связи с тем, что смысловая составляющая в фатической коммуникации не является приоритетной, дискурсивные маркеры проявляются на синтаксическом (вопросительные предложения, простые предложения, эллипсис), морфологическом (личные местоимения второго лица единственного числа), лексическом (существительные и прилагательные с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, имена собственные) и иногда на фонетическом (редукция) языковых уровнях. Единицы лексического уровня необходимы для создания атмосферы коммуникации, а не для передачи важной фактической информации.

Список литературы

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Иссерс О.С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012. 272 с.
3. Куликова Л.В. и др. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.
4. Сарна А.Я. Дискурсивные практики // Социология: Энциклопедия. [Электронный ресурс]. 2003. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/672/diskursivnye-praktiki.html> (дата обращения: 10.04.2019).
5. Словарь социолингвистических терминов. Дискурсивный (дискурсивный) маркер. [Электронный ресурс]. 2006. URL: https://sociolinguistics.academic.ru/165/Дискурсивный_%28дискурсивный%29_маркер (дата обращения: 10.04.2019).
6. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2014. 50 с.
7. Bickmore T., Cassell J. Small talk and conversational storytelling in embodied conversational interface agents // Proceedings of AAAI Fall Symposium on Narrative Intelligence. Menlo Park: AAAI Press. 1999. P. 87 – 92.
8. Landon B. Building Great Sentences: How to Write the Kinds of Sentences You Love to Read. Plume. 2013. 288 p.
9. Mattar N., Wachsmuth I. Small Talk is More than Chit-Chat // Springer. KI 2012: Advances in Artificial Intelligence. 2012. 7526. P. 119 – 130.
10. Richard F.Y. Discursive Practice in Language Learning and Teaching. Wiley-Blackwell, 2009. 280 p.
11. Senft G. Phatic communion // Culture and Language Use. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2009. P. 226 – 233.
12. Schneider K.P. Sociopragmatic Variation and Culture-Dependent Schemata of Linguistic Behaviour // LAUD – Paper. 2010. P. 3 – 7.

10.02.04

¹Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук, ²З.Р. Ахметзадина¹Уральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyah@bk.ru²Сибайский институт (Башкирский государственный университет),
Сибай, zulfiya-1979@mail.ru

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В АКТУАЛИЗАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА “HATRED” / “НЕНАВИСТЬ”
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу одного из базовых отрицательных эмоциональных концептов - “hatred” / “ненависть” в английском и русском языках. В статье рассматриваются основные понятия лингвокультурологии как науки, прежде всего, лингвокультурный концепт. Изучение языковых явлений с позиции лингвокультурологии дает возможность раскрыть сущность национальной культуры, национального менталитета.

Лингвокультурологический анализ эмоционального концепта “hatred” / “ненависть” в английском и, русском языках способствует раскрытию духовной, культурной и социальной сущности данных этносов. А сопоставительный анализ на материале 2-х языков поможет установить универсальные и национально-специфические черты рассматриваемых языковых общностей.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный концепт, язык и культура, эмоциональная картина мира, национальный менталитет, национальный характер.

Лингвокультурология, которая появилась на стыке лингвистики, культурологии, этнографии и этнологии в конце прошлого столетия, даже по истечении многих лет с момента возникновения, не теряет своей актуальности и занимает существенное место в лингвистических исследованиях последних лет. Причиной тому можно считать тот факт, что в настоящее время в науке о языке доминирующим является **антропоцентрический подход**, рассматривающий язык в тесной связи с культурой, обществом и человеком, т.е. носителем языка.

Концепт не принадлежит миру объективных предметов; он имеет место быть в ментальном мире носителя языка в виде представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово [12].

Что касается структуры эмоционального концепта, вслед за В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным, мы выделяем в его составе ядро и периферию. Ядро концепта представлено ассоциациями, которые являются результатом наивного восприятия мира [11].

Целью данной статьи мы ставим сравнительный анализ актуализации одного из базовых эмоциональных концептов - “hatred” / “ненависть” / в английском, русском языках (на материале художественных текстов). Именно в этом концепте в большей степени всегда сконцентрированы морально-негативные воззрения народа [1].

Поскольку методы анализа концептов в лингвокультурологии еще находятся на стадии формирования и усовершенствования, опорой для нас послужат такие современные методы лингвистических исследований, как когнитивный (концептуальный) анализ, семантический анализ слова, метод контекстуального анализа [3]. Условно можно назвать их методами лингвокультурного анализа.

На первом этапе исследовательской части рассмотрим вербальное представление концепта “hatred” / “ненависть” / в этимологических словарях и проанализировать семантику лексических единиц концепта, используя толковые словари. В “Online Etymology Dictionary” мы прослеживаем путь эволюции лексемы “hatred” в английском языке:

Hatred (n) – early XIII century from “hate” (v) + rare suffix –red (indicating condition or state), from Old English “ræden” – “state, condition” related to the verb “ræden”; Old English “hete” – “hatred, spite, envy, malice, hostility”; from Proto-Germanic “hatis” (source also of Old Norse “hatr”, Old Frisian “hat”, Dutch “haot”, Old High German “has”, German “hass”. Altered in Middle English to conform with the verb “hate” [24].

По данным “Этимологического словаря русского языка” М. Фасмера, лексема “ненависть” имеет следующий путь развития:

Ненависть (сущ.) - от церковно - славянского “ненавидѣти”, старославянского “ненависть” (греч. μῖσος). Образовано с отрицанием от “навидѣти” – “охотно смотреть, навещать”; связано с “видеть”, от православного, от которого в числе прочего произошли: древнерусское, старославянское “видѣти, виждж (óřǎv, βλέπειν)”, словенское “vídeti”, чешское “vidět, vidím”, словацкое “vide” [15].

Обобщив данные, полученные из таких английских словарей, как “Longman Dictionary of Contemporary English” [21], “Macmillan English Dictionary for Advanced Learners” [23], “The Free Dictionary” [27], мы можем прийти к выводу, что “hatred” это: 1) an angry feeling of extreme dislike for someone or something; 2) intense dislike, hate.

“Новый словарь русского языка” Т.Ф. Ефремовой [10] и “Толковый словарь русского языка” Д.Н. Ушакова [13] предлагают следующее определение лексемы “ненависть”: 1) чувство сильнейшей вражды, неприязни; 2) острое чувство неприязни по отношению к кому-либо или чему-либо.

Что касается языковой реализации концепта “ненависть”, то он в большинстве случаев представлен: существительным “hatred” и глаголом “to hate” в английском языке: 1) *Men murder their wives from hatred or rage or despair, or to keep them from talking since not even bribery not even simple absence can bridle a woman’s tongue* [20], 2) *“Oh,” said I, “I hate to tell you, but the curiosity that ends nothing has fled”* [21]; существительным “ненависть” и глаголом “ненавидеть” в русском языке: 1) — ...*И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: “В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань”, - а вот у нас они впряжены и здорово тянут!* [18], 2) *Мария же Федоровна ненавидела Палена за то, что по его вине она получила титул вдовствующей императрицы* [2].

Анализируя ядро и периферию концепта “hatred” / “ненависть”, мы обнаружили несколько универсальных концептуальных линий:

1) Чувство крайней неприязни по отношению к лицу или объекту: причины, по которым возникает у человека неприязнь по отношению к другому человеку, предмету или явлению, могут быть разные, но у носителей даже разносистемных языков данное чувство выражается на эмоциональном уровне одинаково в виде антипации, неприятия, нерасположения, в силу универсальности данного концепта:

англ. *Her dislike was evident in the coldness with which she spoke, but Charlie only smiled; he had larger plans. Her very aggressiveness gave him an advantage, and he knew enough to wait* [19].

русс. *Однако, Елизавета Алексеевна за долгие годы совместного сосуществования привыкла к тому, что свекровь ее терпеть не может, всячески норовит уязвить и ранить* [2].

2) Враждебность, которая зародилась в душе человека в результате ненависти: ненависть не всегда является результатом моментальной реакции человека к тому или иному объекту в определенной ситуации; иногда неприязнь зарождается в душе постепенно и конечное проявление этого чувства – враждебность:

англ. *The game over (and he played it so as to be pretty sure to win it), not the least animosity against the other party remained in the breast of this consummate tactician* [26].

русс. *Эта неприязнь зародилась давным-давно, еще когда жива была великая императрица Екатерина Алексеевна, которая с материнской лаской и нежностью*

относилась к молоденькой жене своего любимого внука Александра [2].

3) Ненависть как мгновенно возникшее чувство ярости, крайней степени неприятия, неприязни:

англ. *“On the inside,” the sheriff said-and shouted against the door’s blank surface that he would break the door in if Mr. Pritchel didn’t answer and open it, and how this time the harsh furious old voice answered, shouting: “Get out of my house!”* [30].

русс. *Признаюсь, я почти с ненавистью посмотрел на моего собеседника. - Так помилуйте, - начал я, - надобно прибегнуть к каким-нибудь мерам, консилиум созвать, что ли... Ведь нельзя же так... Помилуйте!* [14].

Ключевой концепт “hatred” / “ненависть” / и синонимы, представляющие близкую и дальнюю периферию, приобретают некоторые концептуальные значения, ассоциативные связи с помощью фразеологических единиц, например:

в английском языке: *ill will* – злоба, ненависть; *bad blood* – враждебные отношения между людьми; *to hate each other’s guts* – чувствовать очень сильную антипатию друг к другу; *to be at each other’s throats* – относиться друг к другу с ненавистью; *to hate (to be sick of) the sight of smb.* - иметь сильное чувство отвращения при встрече с кем-то [27]: *We both hated each other’s guts by that time. You could see there wasn’t any sense trying to have an intelligent conversation* [25];

в русском языке: *вбить клин* – делать отношения враждебными; *желчный человек* - проявляющий ко всем неприязнь, язвительный; *иметь зуб на кого-то* - тайно ненавидеть, испытывать недовольство; *точить зуб на кого-либо* - сильно ненавидеть; *сквозь зубы* — сердито, гневно, со злостью, с ненавистью [16]; *Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы: - Я могу перерезать этот волосок* [5];

Представляется перспективным дальнейшее изучение концепта “ненависть” на материале текстов народных сказок, поскольку национальный менталитет наилучшим образом находит свое отражение именно в народных сказках.

Список литературы

1. Абдулхакова, В.Р. Концепт “ненависть” в английском и русском языках / В.Р. Абдулхакова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2011. - № 11. – <http://jurnal.org/articles/2011/fill3.html>
2. Арсеньева, Е. Любимая муза Карла Брюллова / Е. Арсеньева. - М., 2014. – <https://mybook.ru/author/elena-arseneva/lyubimaya-muza-karla-bryullova/read/>
3. Ахметзадина, З.Р. Лингвокультурологический аспект реализации концепта «романтика» в английских и русских художественных текстах (на материале литературы XIX-XXI веков): дисс... канд. филол. наук / З.Р. Ахметзадина. – Казань, 2009. - С. 86-87.
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: Прогресс, 1974. - С. 45.
5. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 544 с. – С. 153.
6. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 64-72.
7. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. - М.: РУДН, 1997. - 331 с. – С. 35.
8. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. - <https://www.efremova.info/>
9. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. – С. 75-80.
10. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: Школа: Языки русской культуры, 1997. - 824 с. – С. 453.

11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – <https://ushakovdictionary.ru/>
12. Тургенев, И.С. Яков Пасынков / И.С. Тургенев. – М.: Гослитиздат, 1961. – http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0090.shtml
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е. - М.: Прогресс, 1986. – <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8369.htm>
14. Фразеологический словарь выражения чувств и эмоций. –<https://psylist.net/slovar/aaa.htm>
15. Чжэньчжэнь, Е. Лингвокультурология в современной науке: концепт и языковая личность / Е. Чжэньчжэнь // Филология. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. - № 11. – С. 121.
16. Шолохов, М.А. Наука ненависти / М.А. Шолохов // Собрание сочинений: В 8 т. - М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960.
17. Fitzgerald, S. Babylon Revisited / S. Fitzgerald // The Short Stories. A New Collection. – N.-Y.: SCRIBNER, 1989. - 777 p. – P. 619.
18. Faulkner, W. An Error in Chemistry / W. Faulkner. – N.-Y.: Vintage International, 2011. – <http://faulkner.drupal.shanti.virginia.edu/content/error-chemistry>
19. Henry, O. Cupid a la Carte / O. Henry. - Longman Dictionary of Contemporary English. - Oxford: Pearson, 2003. - 741 p. - <https://www.ldoceonline.com/>
20. Macmillan English Dictionary. - Macmillan ELT, 2007. - <https://www.macmillandictionary.com/>
21. Online Etymology Dictionary. –<https://www.etymonline.com/search?q=hatred>
22. Salinger, J.D. The Catcher in the Rye: Chapter 17 (II) / J.D. Salinger. – <https://www.lingq.com/es/lesson/jd-salinger-the-catcher-in-the-rye-ch-1280199/>
23. Thackeray, W. The History of Henry Esmond, Esq., a Colonel in the Service of Her Majesty Quenn Ann Written by Himself / W. Thackeray. - Boston, Estes and Lauriat, Publishers, 2006. - 652 p. – P. 459.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹Е.В. Белова канд. филол. наук, ²Т.С. Василенко канд. филол. наук, ¹И.В. Журавлева¹Калужский филиал Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана,Факультет «Информатика и управление»,
кафедра «Иностранные и русский языки»,²Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Факультет иностранных языков,
кафедра Английского языка,
Калуга, belova.ev74@gmail.com**СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье сообщается об основных тактиках для осуществления манипулятивного воздействия в бытовом конфликтном дискурсе. Рассмотрено понятие бытового общения и бытового конфликта; приведены приемы манипуляции в бытовом конфликте. Проведен анализ средств и приемов манипуляции

Ключевые слова: *бытовое общение, конфликт, манипуляция.*

Бытовое общение протекает между хорошо знакомыми людьми, сводится к поддержанию контакта, беседы, передачи определенной информации и решению насущных проблем. [7, с. 9]. Поэтому бытовой дискурс отличается тем, что коммуниканты должны понимать друг друга с полуслова, а активная роль адресата предоставляет отправителю речи большие возможности для быстрой смены темы разговора, для легкого перевода информации в подтекст, а также для манипуляций [4].

Нередко такие межличностные контакты осуществляются в условиях конфликта, который является неотъемлемой частью человеческого общения.

Под бытовым конфликтом понимается «особый вид коммуникативной ситуации, в которой происходит столкновение двух сторон из-за разногласия интересов, целей, взглядов. В результате одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой, а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первой стороны» [1, с. 12]. Предметом межличностного конфликта обычно становится объективно существующая или воображаемая проблема.

Одной из стратегий в конфликтном дискурсе является стратегия манипуляции [2; 6]. Цель данного исследования – на основе анализа примеров конфликтных диалогов выявить основные приемы манипуляции в бытовом конфликте.

Вслед за И.К. Мельником, под манипуляцией мы понимаем «процесс использования различных средств для изменения поведения человека или его целей, намерений и установок в интересах субъекта воздействия» [5, с. 82]. Е.Л. Доценко выделяет ряд признаков манипуляции, среди которых, на наш взгляд, наибольший интерес представляют следующие: манипуляция представляет собой форму психологического воздействия, основанную на внушении; манипуляция носит скрытый характер; манипулятор играет на психологических слабостях оппонента. [3, с. 52–58]

Манипулятивное воздействие – это один из видов давления на оппонента. В отличие от прямого давления, манипулятивное воздействие выступает в скрытой форме, на основе использования различных приемов, которые делятся на простые и сложные. В процессе анализа примеров бытового конфликтного общения были выделены следующие простые манипулятивные приемы (все примеры взяты из романа С. Ахерн «Время моей жизни»:

1) выдергивание отдельных фраз из контекста с целью искажения содержания реплики оппонента: *«Слушай, у меня был план. Все было продумано. А от тебя требовалось сидеть и помалкивать, как ты и обещал».* — *«Никогда такого не обещал».* Ответная реплика демонстрирует, что оппонент обнаружил попытку манипуляции и ставит в известность противника, что данный прием не сработал.

2) представление своей позиции или точки зрения на проблему как общеизвестной: *«Солгала, — повторил он. — Ты лгала».* — *«Слушайте, да кто ж не привирает в своем резюме? — не выдержав, фыркнула я. — Все так делают. Спросите любого, и он признается, что когда-нибудь да приукрасил правду».*

3) умышленный уход от темы разговора: *«Люси, в мой кабинет, сейчас же! Мы должны составить план действий».* Я не могла ни на кого смотреть... *«Думаю, ты должен позволить Люси закончить ужин, а обсудить все можно и позднее»*, — твердо сказал Райли. В данной конфликтной ситуации оппонентами являются Люси и ее отец, который возмущен тем, что девушка хочет оставить работу. Однако манипулятивный прием использует брат Люси Райли, принявший сторону сестры. Цель его реплики — отсрочить конфликтный разговор или, возможно, избежать его совсем.

4) личные нападки на оппонента: *«Держу пари, вы тоже не всегда честны. — Я поглядела на Эдну. — Вы говорите, что работали в «Глобал Максимум» четыре года, но всем известно, что только два, причем половину срока — помощником управляющего, а вовсе не топ-менеджером».* Будучи обвиненной во лжи, Люси использует данный манипулятивный прием с целью оправдания своих действий.

5) намек: *«...Многие сначала делают карьеру»*, — мама проявляла настойчивость. *«Это ей не грозит. Вот я, по-вашему, что у себя в лаборатории делала? Булочки пекла?»* Предмет расхождения во мнениях — причина, по которой у Люси еще нет детей. В диалоге бабушки и мамы Люси также присутствует манипуляция, понятная из контекста. Реплика *«булочки пекла?»* относится к маме Люси, домохозяйке, которая среди прочих домашних дел, увлекается выпечкой.

6) лесть: *«Я очень рада за тебя, Блейк. Я рада, что ты доволен своей жизнью, и я горжусь твоими успехами, всем тем, чего ты сумел достичь».* Данный способ манипуляции обычно предшествует конфликтному диалогу. Лесть позволяет манипулирующему заставить оппонента принять его точку зрения в последующем разговоре. Реплика, приведенная в качестве примера, предшествует расставанию героев по инициативе Люси.

7) высмеивание, издевка: *«В двадцать лет я уже была замужем, — заявила бабушка так, точно это был необычайный подвиг. Затем она перестала намазывать хлеб маслом и вонзила в меня острый взгляд. — В двадцать четыре закончила университет, а в двадцать семь родила третьего ребенка».* Все это я уже неоднократно слышала. *«Надеюсь, тебе выдадут медаль».* Цель данной тактики — сбить оппонента с толку, не дать ему возможности продолжить диалог и защиту своей позиции.

Сложные приемы манипулятивного воздействия основаны на нарушениях логических законов и правил речевого взаимодействия, к таким приемам относятся:

1) предсказание ужасных последствий: *«Людей, которые садятся за руль выпив, следует отправлять в тюрьму»*, — отрезал отец. *«Тебя же не смутило, что он выпил бокал красного на прошлой неделе».* — *«Если бы на прошлой неделе один невменяемый водитель не сел за руль пьяным, его маленький сын не вылетел бы сквозь лобовое стекло».* Цель манипуляции — убедить сына и остальных членов семьи в опасности даже малых доз алкоголя за рулем. В качестве примера приводятся ужасные последствия езды в нетрезвом виде.

2) имитация решения проблемы: *«Я хочу, чтобы ты была достойным человеком».* — *«А я и есть».* — *«Человеком, который может что-то предложить обществу»*, — продолжал он, точно и не слышал меня, и пустился в нудные рассуждения об ответственности и долге, где каждое предложение начиналось словами *«человеком, который...»* — *«... так что, если тебе нечего к этому добавить, нам следует немедленно закончить этот разговор».* — *«Мне*

нечего к этому добавить», — усмехнулась я. Конфликт не решен, так как ни одна из сторон не склонила оппонента к своей точке зрения, но последняя реплика не подразумевает ответной реплики, а значит, конфликтный диалог закончен.

3) многократно повторяющиеся вопросы, которые заставляют оппонента дать ответ, которого от него ждет манипулятор (в данном примере в роли манипулятора выступает группа друзей): «Зачем ты сказал, что это она от тебя ушла?» — спросила Блейка Мелани. Блейк нервно поежился. «А чья это была идея, интересно?» — спросил Джейми. «Да сейчас и не упомнишь... Не важно...» — «Нет, вспомни. Кто первый это предложил?» — требовательно спросила Мэри. «Не суть. Теперь дело в другом»... — «И ты не помнишь, чья была идея?» — спросил Джейми у Блейка. «Слушайте», — Блейк с хрустом сжал пальцы, — «возможно, это была моя идея, но меня не за что винить»... — «Значит, идея была твоя?» — подытожил Райли. «Думаю, да», — вздохнул Блейк. Многочисленные вопросы оказывают давление на оппонента и заставляют Блейка дать ответ, который от него ждут.

4) альтернативные формулировки вопросов, требующих ответа «да» и «нет»: «А как вы оцениваете свои усилия? Вам удастся роль заботливого отца?» Ответ «да» заставит оппонента признать, что он всего лишь играет роль отца, а ответ «нет» будет свидетельствовать о том, что отец признает, что не справляется со своими обязанностями.

5) оттягивание решения вопроса или проблемы: «Все, я пошла курить», — сказала я и, высоко задрав подбородок, вышла из комнаты под пристальными взглядами остальных. Данная реплика произнесена на пике конфликтного взаимодействия. Манипуляция состоит в вынуждении оппонента отсрочить конфликтный диалог.

Список литературы

1. Волкова О.С. Прагматический анализ особенностей межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» (на материале английского языка) Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.С. Волкова. — Волгоград, 2009 — 23 с.
2. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — Орел, 2004. — 151 с.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции [текст]. — М.: ЧеРо, 1997. — 344 с.
4. Лахтаренко А.А. Манипулятивные стратегии в бытовом дискурсе (на материале современного немецкого языка) [Электронный ресурс] // Международная Интернет-конференция «Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения», 2010 — Точка доступа: http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=79:2010-04-30-07-02-32&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55
5. Мельник Г.С. Mass-media: психологические процессы и эффекты — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та, 1996. — 160 с.
6. Певнева И.В. Национальные особенности проявления коммуникативных стратегий в бытовых ситуациях конфликта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2008. №1, ч. 1 — С. 135–139
7. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь — М.: Просвещение, 1983. — 79 с.

10.02.19

И.В. Варуха канд. филол. наук

Башкирский государственный университет,
Факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
irinavarukha@yandex.ru

МОДИФИКАТОР В МОДЕЛЯХ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭМОТИВОВ СТРАХА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)

Статья рассматривает внутреннюю форму процессуальных лексических единиц, обозначающих страх в английском, русском и французском языках. Исследованию подвергается модификатор, то есть мотивирующий признак, который модифицирует содержание интегральной семы. В дальнейшем производится сопоставление моделей внутренней формы в языках сравнения.

Ключевые слова: *эмотив, модификатор, внутренняя форма, сема.*

Наименование обладает той или иной степенью ясности внутренней формы так как мотивирующие признаки номинации могут отражать общее и/или индивидуальное в объекте именования. Степень ясности внутренней формы зависит от комбинаторики признаков, обозначающих родовое и видовое в объекте номинации.

В настоящем исследовании имя интегральной семы обозначается как *идентификатор*, а имя мотивирующего признака, который модифицирует содержание идентификатора, обозначается как *модификатор*. «Внутренняя форма мотивированной номинации в идеале представляет собой структуру, выражаемую обоими типами мотивирующих признаков» [Уразметова 2017: 121]. Идентификатор относит наименование к данному и только данному семантическому полю, например, полю эмотивов страха. Модификатор соотносит наименование с полем другого именования, и его именем является наименование любого другого (кроме данного) предмета, действия, признака и т.д. Например, в структурах эмотивов страха модификатор может указывать на дифференциальные (включая категориальные) семы, например в структуре рус. *страшить, страшиться, стращать* содержится указание на сему «процессуальность» [Варуха, Салимьянова 2019: 43].

Анализу подвергаются процессуальные номинации страха в английском, русском и французском языках. Внутренняя форма данных номинаций включает только модификатор. Ниже приводится эталонный список моделей внутренней формы, то есть конкретных вариантов модификатора, которые по-разному вербализуются в языках сравнения; при этом ни в одном языке не вербализуется максимально возможное число моделей. Список модификаторов включает 2 семантических субполя: 1) «состояние страха», 2) «приведение в состояние страха» [Варуха, Шамсутдинова 2019: 93].

Следует отметить, что страх вызывает фактическое или кажущееся изменение в человеческом теле, которые касаются разных материальных и духовных частей тела: 1) волосы; 2) кожа; 3) сердце; 4) душа; 5) желудок; 6) органы выделения; 7) зубы; 8) кровь и т.д., основой модификатора служит наименование части тела и орган, с которым происходит изменение.

[ВОЛОСЫ] 1) [волосы + виться] англ. *make smb's hair curl*; 2) [волосы + подниматься] рус. *волосы встают дыбом*; 3) [заставлять + волосы + подниматься] англ. *make smb's hair stand on end*; 4) [волосы + <какой> быть мокрым] франц. *ne plus avoir un poil de sec*,

[ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ (СЕРДЦЕ, ДУША, ЖЕЛУДОК, ПЕЧЕНЬ, ЖЕЛЕЗЫ)]

1) [сердце (душа) + смещаться] англ. *smb's heart is in smb's mouth*; рус. *душа (сердце) уходит*

в пятки (душа (сердце) в пятках); 2) [**сердце** + шататься] англ. *smb's heart/stomach lurches*; 3) [**сердце** + замирать] англ. *smb's heart misses a beat*; рус. *сердце екает*; 4) [**желудок** + трясти] англ. *smb's stomach churns*; 5) [ощущать + <что> **печень**] франц. *avoir les foies*; 6) [ощущать + <что> **железы**] франц. *avoir les glandes*;

[КОЖА] 1) [мурашки + бегать + <где> **кожа**, спина, тело] рус. *мурашки бегают (ползают) по спине (по телу, по коже)*; англ. *make smb's flesh creep/crawl*; 2) [**кожа** + колоть] англ. *smb's skin prickles*; 3) [иметь + **кожа** + <как> курица] франц. *avoir la chair de poule*; 4) [делать + **кожа** + <как> курица] франц. *donner la chair de poule*; 5) [**кожа** + быть + <какая> белая + <как> простыня] англ. *be as white as a sheet*;

[ТЕМПЕРАТУРА ТЕЛА] 1) [покрыться + <чем> **холодный пот**] рус. *покрыться холодным потом*; англ. *get into a (cold) sweat about smth*; франц. *avoir des sueurs froides*; 2) [становиться + <какой> **горячий** + **холодный**] англ. *go hot and cold*; 3) [вызвать + **холод** + <где> позвоночник] англ. *send a chill down smb's spine*; 4) [вызвать + **холод** + <где> кожа] рус. *мороз по коже (по спине) подирает (дерет, пробегаем)*; 5) [вызвать + **холод** + <где> кость/сердцевина/спинной мозг] англ. *chill smb to the bone/core/marrow*;

[КРОВЬ] 1) [**кровь** + холодеть] англ. *make smb's blood run cold*, рус. *кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах*; 2) [**кровь** + сворачиваться] англ. *make smb's blood curdle*;

[ОРГАНЫ ВЫДЕЛЕНИЯ] 1) [неконтролируемая **дефекация**] англ. *shit oneself*; франц. *avoir la chiasse, avoir la colique, chier dans son froc, fair dans sa culotte (son froc)*; 2) [неконтролируемая **уринация**] франц. *avoir eu chaud aux fesses, serrer les fesses, mouiller sa culotte (son froc)*;

[ДРОЖЬ] 1) [**дрожать**] рус. *вздрагивать, дрожать, поджилки трясутся*; англ. *tremble*; франц. *donner le frisson, flageoler*; 2) [**дрожать** + <где> ботинки] англ. *quake in one's boots*; 3) [**дрожать** + <где> штаны] франц. *trembler dans sa culotte*; 4) [**дрожать** + <где> позвоночник] англ. *send shivers (up and) down smb's spine*; 5) [**дрожать** + <как> лист] англ. *shake like a leaf*; франц. *trembler comme une feuille*; 6) [**дрожать** + <как> желе] англ. *feel like (turn to) jelly*; 7) [**дрожать** + <как> бубенцы] франц. *avoir les grelots*;

[НЕПОДВИЖНОСТЬ] 1) [**приклеенный** + <куда> место] англ. *be glued to the spot*; 2) [**приколоченный** + <куда> место] англ. *be riveted to the spot, be transfixed*; франц. *rester cloué sur la place*; 3) [**пустить корень** + <куда> место] англ. *be rooted to the spot*; 4) [**замереть** + <где> следы] англ. *stop dead in one's tracks*; 5) [быть + <какой> (скорее) **мертвый** (чем) живой] франц. *être plus mort que vif*;

[ЗУБЫ] 1) [**зубы** + шелкать] франц. *avoir les chocottes*; 2) [**зубы** + стучать] рус. *зуб на зуб не попадает*; франц. *claquer des dents*;

[ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ] 1) [быть + <какой> **потрясенный**] англ. *be shaken up; freak out (1)*; рус. *оторопеть, робеть, трепетать*; франц. *avoir les jetons*; 2) [давать + <что> **потрясение**] англ. *freak out (2), give smb a turn*; франц. *fouetter, foutre les jetons*;

[ПОВЕДЕНИЕ] 1) [**прятаться** + <куда> кусты] рус. *прятаться (уходить) в кусты*; 2) [**пробежать** + <сколько> миль] англ. *run a mile*;

[ВЕТЕР] 1) [поднимать + <что> **ветер**] англ. *put the wind up*; 2) [получать + <что> **ветер**] англ. *get the wind up*;

[ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ] [**иметь измеритель страха** + <где> ноль] франц. *avoir le trouillomètre à zéro, les avoir à zero*.

Таким образом, в эталоне, построенном индуктивно в соответствии с вербализацией каждой модели хотя бы в одном из языков выделяется 45 моделей внутренней формы. В английском языке реализуется 30 моделей, представленных в эталоне, в русском языке – 11 моделей и 19 моделей во французском языке. Определенная модель может совпадать во всех трех языках; в этом случае имеет место *универсальная модель (универсалия)*; модель может совпадать только в двух языках; в этом случае имеет место *фреквентальная модель (фреквенталия)*. Кроме того, может быть *уникальная модель (уникалия)*, представленная только в одном языке.

К универсалиям относятся 3 структуры внутренней формы: 1) [покрыться + <чем> **холодный пот**] рус. *покрыться холодным потом*; англ. *get into a (cold) sweat about smth*; франц. *avoir des sueurs froides*; 2) [**дрожать**] рус. *вздрагивать, дрожать, поджилки трясутся*; англ. *tremble*; франц. *donner le frisson, flageoler*; 3) [быть + <какой> + **потрясенный**] англ. *be shaken up; freak out (1)*; рус. *оторопеть, робеть, трепетать*; франц. *avoir les jetons*.

К фреквенталиям относятся 9 структур внутренней формы: 4 модели в английском и русском языках, 4 модели в английском и французском языках и 1 модель в русском и французском языках, например, .: [**сердце (душа)** + смещаться] англ. *smb's heart is in smb's mouth*; рус. *душа (сердце) уходит в пятки (душа (сердце) в пятках)*; [**дрожать** + <как> лист] англ. *shake like a leaf*; франц. *trembler comme une feuille*; 7) [**приколоченный** + <куда> место] англ. *be riveted to the spot, be transfixed*; франц. *rester cloué sur la place*. Внутренние формы универсалий и – в меньшей степени – фреквенталий, в целом, вызывают более привычные представления, чем внутренние формы уникалий.

Количественное превалирование уникалий заставляет признать, что в структурах внутренних форм межъязыковое различие преобладает над сходством: реализуется 33 уникальные модели из 45 потенциально возможных эталонных форм. Это подтверждает утверждение о том, что языки различаются между собой главным образом внутренней формой лексем. Уникалии обуславливаются либо образом уникального характера, либо уникальным для определенного языка семантическим компонентом. Например, семантический компонент «заставлять кровь сворачиваться», варьирующий сему «изменение в крови», представляет только английский язык: *make smb's blood curdle* [кровь + сворачиваться]. При этом уникальный компонент может представлять частность; например, изменение внутренних органов в языках сравнения может выражаться через признак «сердце», по-разному варьируемый в языках: [сердце (душа) + смещаться] англ. *smb's heart is in smb's mouth*; [сердце + замирать] рус. *сердце екает*.

Список литературы

1. Варуха И.В., Салимьянова Г.В. Типизация эквивалентного семантического поля «страх» // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XI Международной научно-методической конференции/под редакцией Т.М.Рогожниковой; Уфимск. гос. авиац. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2019. – С.40-45
2. Варуха И.В., Шамсутдинова Ю.Х. Семантический анализ эмотивов страха во французском языке // Казанская наука. №7 2019г. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2019. – С.92-94
3. Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация: монография. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 188 с.

10.02.19

Д.Р. Гайнанова канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, dilyara2701@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА АКЧА (ДЕНЬГИ) В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Паремиологический фонд языка очень важен, так как именно через пословицы и поговорки удастся установить специфические черты менталитета. С целью выявления особенностей репрезентации концепта акча (деньги) в татарской лингвокультуре, были отобраны и проанализированы пословицы и поговорки с ключевым словом акча (деньги). Паремии с лексемой акча (деньги) дают представление о ценностях и в то же время антиценностях татарского народа.

Ключевые слова: *концепт, акча (деньги), паремии, пословицы, лингвокультурология, татарский язык.*

Изучение единиц паремиологического фонда имеет важное значение, так как паремии, будучи «феноменом культуры», являются вербально выраженными «стереотипом народного сознания» [1: 43]. Посредством пословиц, поговорок и т.д. можно проследить отношение того или иного этноса к бытию, окружающему миру, социуму. В паремиях отражаются стереотипы поведения, мировоззрение и национальный характер народа.

В татарском языке вопросу изучения пословиц и поговорок посвятили свои труды многие ученые, среди которых: К. Насыри, Г. Сагди, Х. Бадиги, Х. Гали, А. Ахмет, Х. Ярми, Н. Исанбет и др. На сегодняшний день данный вопрос нашел отражение в трудах следующих ученых: Ф.И. Урманчеев, Х.Ш. Махмутов, М.Х. Бакиров, М.И. Ахметзянов, Л.К. Байрамова и др.

Отношение человека к деньгам, признание их значимости, порой граничащее с обожествлением, является чертой человеческого сознания и закреплено в афоризмах разных народов: «Деньги – вещь очень важная. Особенно когда их нет» (Ремарк, Германия); «Деньги делают и хана рабом и раба ханом» (аварск. посл.) и др. [3: 128-129].

Многообразие паремий, характеризующих отношение человека к деньгам, свидетельствует о том, что ценность *акча* (деньги) для татар находится не на последнем месте. С целью выявления особенностей репрезентации концепта *акча* (деньги) в татарской лингвокультуре, были отобраны пословицы и поговорки из пословичных словарей и сборников с ключевым словом *акча* (деньги).

Рассмотрим семантику паремий с ключевым словом *акча* (деньги).

В понимании татарского народа *акча* (деньги) имеют власть и некую силу, с помощью которой человек может осуществить желаемое. «*Акча авызны каплай*» (букв. Деньги закрывают рот); «*Акчалы Аллаһны да, мулланы да сатып ала*» (букв. Человек с деньгами подкупает и Бога, и муллу).

Если у человека есть деньги, то он может получить все и сделать даже невозможное: «*Акча булса — бар да була*» (букв. Если будут деньги, все будет); «*Акчага арслан сәте дә табып була*» (букв. За деньги можно раздобыть и молоко львицы); «*Акча аюны биетә*» (букв. Деньги могут заставить танцевать медведя).

Таким образом, в татарских паремиях прослеживается мысль о том, что деньгам все подвластно: «*Акча кылычы үткен, бар нәрсәне кисә*» (букв. Меч денег острый, все режет); «*Акча таш кистерә*» (букв. Деньги могут заставить разрезать камень) и власть принадлежит тем людям, у которых есть деньги: «*Акча кемнеке — дөнья шуныкы*» (букв. В чьих руках

деньги, в тех руках и власть). Человек с деньгами представляет собой огромную силу, которого боятся горы: «Акчалы әдәмнән таулар курка» (букв. Горы боятся человека с деньгами) и даже беда и несчастье: «Акчалы кешедән бәла куркыр» (букв. Беда испугается человека с деньгами).

Напротив, если у человека нет денег, то его не ценят и не уважают: «Акчаң барда сөяrlәр, акчаң беткәч сүгәrlәр» (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда нет денег – будут бранить); «Акчаң бетте, кадерең бетте» (букв. Нет денег – нет и почета).

Не все пословицы и поговорки с ключевым словом *акча* (деньги) положительно маркированы. Деньги могут возвысить человека, но также могут ввести в заблуждение и сбить с правильного пути: «Акча аздыра» (букв. Деньги сбивают с пути). Зачастую деньги приносят людям не только счастье и радость, а являются источником многих проблем, несчастья и могут свести человека с ума: «Акча баишы ашый» (букв. Деньги губят (сжидают со свету)); «Акча җан талавы» (букв. Деньги сводят с ума).

Бытует мнение, что много денег приводят к большим заботам: «Күп акчаның мәшәкәте күп» (букв. У больших денег – большие заботы).

В татарском паремиологическом фонде имеются пословицы, смысл которых заключается в том, что в мире существуют вещи, которые выше и дороже денег, а именно, ум, спокойствие, душа, совесть, знания. Одной из главных тем в татарском языковом сознании являются духовные ценности человека, которые должны быть приоритетнее для человека: «Акчаң булмаса да, вәҗданың булсын» (букв. Если даже нет денег, пусть будет совесть); «Акча тапканчы тәүфикь сора» (букв. Вместо того чтобы добывать деньги, проси (моли) о нравственности).

Несмотря на огромное количество денег, нельзя купить спокойствие: «Акчаң булса бер букча, җан тынычлыгы юк ла» (букв. Если есть мешок денег, нет спокойствия). Ум считается превыше денег: «Акча тапканчы, акыл тап» (букв. Вместо того чтобы добывать деньги, приобрети ум); «Акча ярлысыннан акыл ярлысы яман» (букв. Бедность ума хуже отсутствия денег). У человека может быть много денег, а ума нет: «Акчасы күп, акылы юк» (букв. Денег много, ума нет). В то же время, человек, у которого нет денег, ассоциируется с человеком, у которого мало ума: «Акчасы юк — акылы аз» (букв. Нет денег – ума мало); «Бүе озын, акылы кыска, акча өчен үтен коса» (букв. Рост длинный, ум короткий, из-за денег злоба душит). Человек без денег (букв. тат. акчасыз кеше) ничего из себя не представляет: «Акчасыз кеше — таяксыз ноль» (букв. Человек без денег – ноль без палочки).

Данные примеры говорят о противоречивости смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей к оценке денег.

В татарском паремиологическом фонде существуют пословицы, в которых говорится о том, что деньги любят счет: «Акча санаганны ярата» (букв. Деньги любят счет); «Акча санаудан туймас» (букв. Деньги не устанут от счета). Существует даже мнение, что деньги притягивают к себе деньги: «Акча акчаны табар» (букв. Деньги найдут деньги, деньги идут к деньгам); «Акча акчаны ярата» (букв. Деньги любят деньги) и др. Однако от постоянного подсчета количество денег не увеличится: «Акча санаган белән артмас» (букв. Сколько не считай, денег больше не станет).

Зарабатывать деньги тяжело, однако еще сложнее их удержать. Человеку необходимо научиться тратить деньги: «Акчаны табарга өйрәнгәнче, тотарга өйрән» (букв. Прежде чем зарабатывать деньги, научись их тратить), «Акчаны табасы җиңел, тотасы читен» (букв. Легко заработать деньги, трудно удержать).

В татарских пословицах и поговорках отрицательно оценивается одалживание денег: «Акча бирү — җан бирү» (букв. Давать в долг – это то же, что отдавать душу), «Акча сорасаң миннән, боз кебек суынырмын синнән» (букв. Если спросишь у меня деньги займы, охладеею к тебе как лед) и др.

Пословицы с лексемой *акча* (деньги) включены в образную номинацию в татарском языке и сравниваются, например:

с птицей: «*Акча аккош: муенын суза да оча*» (букв. Деньги – лебедь, вытягивают шею и улетают). Прослеживается негативное отношение к тому, что деньги долго не задерживаются в руках: «*Акча кысып тотсаң үлә, йомшак тотсаң, очып китә*» (букв. Если крепко держать, деньги обесцениваются, если слабо держать – улетают);

с собакой: «*Акча эт түгел – хуҗаны танымый*» (букв. Деньги – не собака, хозяина не узнают);

с зайцем: «*Акчасыз олан — акылсыз куян*» (букв. Юноша без денег, как глупый заяц) и др.

В татарских пословицах и поговорках также можно увидеть феномен очеловечивания денег. Например, *у денег есть лицо*: «*Акчаның йөзе якты*» (букв. Лицо денег светлое); *у денег есть уши*: «*Акчаның колагын киртмәгән*» (букв. Имеется в виду, что если упустишь деньги, не сможешь уже их найти); *у денег есть глаза и волосы*: «*Акчаның күзенә ак төшкән*» (букв. Глаза денег покрылись бельмом); «*Акчаның күзенә ак төшсә дә, чәченә ак төшми*» (букв. В вышеприведенных пословицах заключено следующее значение: «*Акчаның күзенә ак төшү*» – деньги не узнают хозяина и могут уйти, *чәченә ак төшми* – деньги не стареют).

Таким образом, в пословицах и поговорках с лексемой *акча* (деньги) можно проследить три результирующие: позитивная – «*Акча булса, мал табыла*» (букв. Если будут деньги, будет и имущество), негативная – «*Акча аздыра*» (букв. Деньги портят, развращают человека) и двусторонняя – «*Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр*» (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда нет денег – будут бранить) и т.д.

Из вышеизложенного видно, что пословицы и поговорки с ключевым словом *акча* (деньги) дают представление о ценностях и в тоже время антиценностях татарского народа. Анализ языкового материала показывает, что в татарских пословицах и поговорках о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей к их оценке, отразившего опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями [2].

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. *Сагдеева Ф.К.* Понятие деньги (акча) в татарских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 175.
3. *Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р.* Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
4. Татар халык мәкальләре / Жыючысы һәм төзүчесе Н.Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т.3. – 1967. – 1013 б.

10.02.19

А.З. Гандалоева канд. филол. наук, Т. ХаниеваИнгушский государственный университет,
кафедра ингушского языка**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНГУШСКОМУ ЯЗЫКУ**

В данной работе сделана попытка по определению и усовершенствованию содержания и методов обучения ингушскому языку. Рассматриваются основные цели и задачи по совершенствованию содержания обучения, проанализированы основные принципы усвоения закономерностей и норм ингушского языка. Установлена основная функция языка, как форма определенного содержания в процессе преподавания.

Ключевые слова: комплексное обучение, коммуникативная направленность, интерферирующее влияние, автоматизированный навык, аналогия, графема, фонема, лингвистические средства, сегмент потока речи.

Проблема содержания обучения ингушскому языку, являясь одним из наиболее сложных и трудных вопросов, не получила до настоящего времени ясного решения ни в теоретическом, ни в практическом отношении. Нет изданного учебника методики преподавания ингушского языка, есть отдельные методические работы в помощь преподавателю языка.

Нерешенными остаются следующие вопросы:

1. Что означает понятие «содержание обучения»?
2. Какова специфика содержания обучения ингушскому языку?
3. Из каких элементов должно состоять содержание обучения ингушскому языку?
4. Какова зависимость содержания обучения от целей и задач обучения ингушскому языку в условиях того или иного типа школы?
5. Каковы принципы, определяющие содержание обучения ингушскому языку?

В целях дальнейшего совершенствования содержания обучения ингушскому языку проводилось экспериментальное исследование, при проведении которого ставились следующие цели:

1. Проверить доступность предлагаемого объема языкового материала и последовательность его усвоения, чтобы установить, сколько языковых явлений способен усвоить ученик в 5-7 классах за определенный промежуток времени, и на этой основе определить круг языковых явлений, необходимых и доступных для овладения языком.
2. Проверить предлагаемую организацию материала с точки зрения комплексного обучения на разных языковых уровнях и сочетания фонетического, лексического и грамматического материала с целью его введения в практику речевого общения.
3. Проверить эффективность предлагаемых методов и приемов поэтапного формирования, закрепления и автоматизации навыков связной устной речи.

Основными и существенными принципами, положенными в основу эксперимента при исследовании, являются следующие:

1. Коммуникативная направленность обучения с целью быстрее овладения ингушским языком как средством общения.
2. Учет психологических особенностей овладения языком в разных классах (5-7) для определения содержания и методов обучения ингушскому языку.
3. Учет закономерностей ингушского языка с точки зрения их функциональной значимости и функционально-системный подход к языковым явлениям: определение фонетических, лексических и грамматических минимумов на основе употребительности, продуктивности, необходимости и доступности речевых явлений.

4. Учет особенностей детской речи при отборе речевых единиц, словосочетаний, типов предложений.

5. Преодоление противоречия между пониманием явлений реальной действительности и возможностью их выражения на родном языке.

6. Учет интерферирующего влияния родного языка в процессе овладения русской речью.

7. Ведущая роль устной речи на начальном этапе обучения, учет особенностей устной и письменной речи учащихся на разных этапах обучения ингушскому языку.

8. Единство речевой практики и грамматической теории как организующей основы для развития автоматизированных речевых навыков свободного пользования языковыми средствами в коммуникативных целях.

9. Приспособление формулировок речевых правил к особенностям усвоения закономерностей и норм ингушского языка.

10. Поэтапное формирование, развитие и автоматизация речевых навыков и умений, осуществляемых в следующих взаимосвязанных формах:

а) запоминание и воспроизведение слов, словосочетаний, речевых образцов;

б) формирование и развитие автоматизированных коммуникативных речевых навыков.

Результаты такой работы дают возможность высказать некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию содержания и методов обучения ингушскому языку.

При построении курса ингушского языка следует исходить, прежде всего, из строгого отбора языкового материала, учета трудностей, возникающих под влиянием особенностей языка учащихся.

При определении содержания обучения ингушскому языку необходимо исходить из главной задачи обучения – развитие речи учащихся. Под развитием речи следует понимать целенаправленный и планомерно осуществляемый в ходе обучения процесс становления, расширения и обогащения речевых возможностей, т.е. возможностей использования языка в качестве средства общения.

Практическое овладение устной речью состоит в усвоении двух основных механизмов: слушания (восприятия речи на слух); говорения (производство речи в соответствии с целями, содержанием и ситуацией общения) [Махмутов 1972, с.18].

Выработка автоматизированных умений и навыков невозможна без огромного количества разнообразных упражнений, в основе которых должна быть строгая система, а именно:

1) Коммуникативная направленность;

2) Комплексность (охват всех аспектов речи);

3) поэтапность формирования умений и навыков.

При определении системы разнообразных упражнений важно учесть то, что процессу овладения языком свойственны:

а) тенденция к аналогии;

б) тенденция к обобщению;

в) тенденция к экономии языковых средств;

г) тенденция подгонять неизвестное (новое, непривычное) под известное (старое, привычное).

Все виды упражнений, применяемых для развития речи, должны готовить учащихся к самостоятельному изложению своих наблюдений, мыслей и чувств, т.е. вести к продуктивно-творческой деятельности, так как в условиях активной речевой деятельности, обмена сообщениями в процессе коммуникации формируется и совершенствуется речевой механизм.

Исходя из сказанного процесс обучения чтению и письму должен быть построен на основе учета того, что:

а) в ингушском языке нет строгого соответствия между графемами и фонемами;

б) в ингушском и русском языках алфавиты в основном сходны. Ингушский алфавит создан на основе русского алфавита, кроме двенадцати сложных букв: *ав, яв, гI, кх, къ, кI, nI, mI, хь, хI, цI, чI*, что вызывает у учащихся естественное стремление прочитать

ингушскую букву по графическим законом русского языка;

в) единицей обучения чтению является не отдельная изолированная буква, а целый слог – минимальный сегмент потока речи;

г) обучению чтению и письму проводится звукобуквенным аналитико-синтетическим методом с учетом их навыков, при этом без преувеличения роли навыков чтения и письма на русском языке.

В данной работе сделана попытка по дальнейшему усовершенствованию содержания и методов обучения ингушскому языку, учитывая особенности структуры языка и трудностей, возникающих в процессе преподавания.

Список литературы

1. *Архипова Е.В.* Основы методики развития речи учащихся. М., 2004.
2. *Ахриева Р.И.* Современный ингушский язык. Грозный, 1972.
3. *Баркинхоева З.М., Хайрова Х.Р.* Проблемы синтаксиса ингушского языка. Нальчик, 2007.
4. *Беляев Б.В.* Основные вопросы развития речи учащихся. М., 2000.
5. *Воителева Т.М.* Теория и методика обучения русскому языку. М., 2006.
6. *Головин Б.Н.* основы культуры речи. М., 1988.
7. *Гац И.Ю.* Методический блокнот учителя русского языка. М., 2003.
8. *Гандакоева А.З.* Актуальные вопросы синтаксиса простого предложения в ингушском языке. Магас, 2012.
9. *Гандакоева А.З.* Глалглай мотт (ингушский язык). Магас, 2009.
10. *Гандакоева А.З.* Сборник упражнений по синтаксису ингушского языка. Магас, 2008.
11. *Дешериева Т.И.* Ингушский язык. Кавказские языки. М., 1999.
12. *Дешериев Д.Ю.* Нахские языки. М., 1979.
13. *Никитина Е.И.* Русская речь / Учебное пособие по развитию связной речи. 5-7 классы. М., 1994.
14. Методика преподавания русского языка. М., 1980.
15. *Текучев А.В.* Методика преподавания русского языка. М., 1980.
16. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик, 2012.
17. *Рождественский Н.С.* К проблемам развития речи. М.: Просвещение, 1970.
18. *Махмудов М.И.* Общие вопросы методики обучения грамматике. М., 1972.
19. Хрестоматия по методике русского языка: методы обучения русскому языку в общеобразовательных учреждениях. Автор-составитель: Львов М.Р. М., 1996.
20. *Халидов А.И.* Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008.

10.02.19

**М.В. Грушина канд. филол. наук, О.Г. Остапенко канд. филол. наук,
О.Н. Поддубская канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, oxygri@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ТИТУЛА РУССКОГО ЦАРЯ В АНГЛИЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

В работе рассматриваются лингвистические особенности перевода титула русского царя на английский язык в XVI-XVII веках в письменных памятниках ранних англо-русских контактов. В статье описывается сложный путь становления нормы адекватного перевода титула русского государя.

Ключевые слова: *царский титул, особенности перевода, письменные памятники.*

Период ранних англо-русских отношений представляет особый интерес для лингвистов тем, что содержит информацию о языковых процессах, которые в дальнейшем привели к становлению норм адекватного перевода.

Рассматривая российские «государевы титулы» можно вкратце проследить историю самого государства, его отношение к своим подданным, судить об изменении его территории, и что особенно важно, проследить, как соседние государства реагировали на саму власть. В этом случае известную роль играл адекватно выполненный перевод царского титула. Вопрос об истории и развитии царского титула на Руси в своё время подробно рассмотрел А.Б. Лакиер в работе «История титулов русских государей»[1].

Исследуя содержание титула российского правителя, можно заметить, что он состоит из нескольких частей, которые постепенно прибавлялись к нему на протяжении двух, трёх столетий. Какое значение имеют слова *Великий князь, Царь, Государь*, и отчего они слились в одно общее наименование? По мере расширения территории Российского государства появлялась необходимость включать в название титула русских правителей всё большее количество присоединённых земель. Помимо этого, титул государя имел определенные различия, в зависимости от того, кто обращался к нему: был ли то равный ему по статусу государь другой страны, или же почти равный ему удельный князь, или, это были обычные его подданные. Всё это налагало особые сложности, которые появлялись у иностранных послов и у правителей других стран при общении с русским государем. Отсутствие устойчивой формы обращения к царю способствовало тому, что возникало много несоответствий в переводах, особенно в XVI-XVII веках.

Изначально русские правители носили титул «*Князь*». Этимология этого слова довольно сложна. Есть мнение, что оно произошло от прагерманского слова *kuningar* или от готского *kuniggs*, древ.-в.-нем. *Kuning*, производного от *kuni* – род.[5, Т.2, с. 266]. По замечанию А.Б. Лакиера, в то же время у славян существовало слово *конь, конъ*, которое означало *край, начало*, и, возможно, могло обозначать титул верховного правителя. Первое упоминание этого титула относится к князю Рюрику ещё в 862 году [1, с 88].

Для перевода титула *Князь* на английский язык периода ранних англо-русских контактов использовалось английское слово *duke* – *герцог, князь*.

...итти в службу великого князя ...to go to the service of the said duke [4, с.76, 80].

С течением времени в торжественных случаях, важных по последствиям для всей России, князя всё чаще называют *великим*. Так же его именует в дипломатических и других сношениях с иностранными державами. Эта практика не могла не сказаться на переводе титула на английский язык: к слову *duke*, стало постоянно прибавляться прилагательное *great* – *великий*.

...великий князь всея Руси – ...great duke of all Russia [4, с.91].

Вместе с тем, использование лексемы *duke* говорит о том, что на английский язык титул царя переводился дословно. Однако в действительности титул русского государя больше соответствовал понятию *king* – *король, князь*.

Начиная с XV века, в России многие удельные князья стали признавать политическое, экономическое, военное и нравственное преимущество Великого князя московского и обращались к нему *Господин*. Эта лексема в русском языке ведёт своё происхождение от *господарь* – князь (господин, повелитель) [7, с.446]. В дальнейшем к нему добавилось производное от *господарь* – *государь*. В английских письменных памятниках мы обнаруживаем следующий перевод царского титула «*великий господинъ и царь, могущественный государь*» – «*great Lord and Emperour, mighty prince*» [4, с.91,94].

При более детальном рассмотрении словосочетания *great Lord*, мы обнаружим, что в английском языке оно имеет довольно расплывчатую семантику. В английском понимании *Lord* – это и хозяин, и повелитель, и даже Бог. Кроме того, в английском варианте лексемы *Emperour and Lord* имеют схожую семантику.

Из вышеприведённого примера видно, что в состав титула российских государей в XVI веке входит ещё одно слово – *царь*. Первым его обладателем на Руси стал Иван IV Грозный в 1547 г. Этимология этого слова восходит к латинскому *caesarius* от гот. *kaisar* и ран.лат. *caesar*, употреблявшегося как прозвище патрицианского рода Юлиев, из которого происходил Ю. Цезарь [7]. На Руси слово *царь* было известно в форме *цьсарь* или *цьсарь* в качестве обозначения византийских императоров уже с IX века [6, Т.4 с.290].

Теперь русский государь, сохраняя прежнее название (*государь и великий князь*) именуется также *царём*. Это слово обозначало самодержавных государей. Само понятие царской власти существовало на Руси задолго до включения наименования *царь* в официальный титул правителя русского государства. Царями именовали татарских ханов, есть предположение, что ещё Владимир Мономах получил от греческого императора титул русского царя.[1, с.88]. Однако только Иван IV, став единовластным правителем России, покорив земли тех государей, которых называли царями, не мог сам не сделаться царём.

Русские цари всегда дорожили своим титулом и отстаивали каждое слово, входящие в его состав, тем самым отстаивая принадлежность им той и другой страны, тех или иных прав. Особенно внимательное отношение к титулу зафиксировано при написании грамот государю другой страны. Он, как правило, занимал половину первой страницы грамоты и включал в себя наименование всех земель, входивших в состав России, а слова *Великий Государь, Царь и Великий князь, Самодержец* были написаны золотом.

Во время зарубежного посольства русские дипломатические представители особенно тщательно следили за точностью написания царского титула. Показательным примером отношения к царскому титулу за рубежом российских послов может служить случай, произошедший с гонцом Герасимом Дохтуровым. Вот, что пишет в своём отчете гонец, побывавший в Лондоне в 1645-1646 гг.

«И Герасим ...говорил, что парламент пишут: «и великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу» к его царскому величеству неосторожно, надобно то слово наперёд: «божю милостию великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея России», а потом его государево имянование и титло сполна» [2, с.35].

В ответ на это замечание русский гонец получает объяснение, связанное с расхождением в структуре русского и английского языков, и как следствие – различиями в переводе.

«И ...гонцу Герасиму Дохтурову говорил ...то де слово по их английскому языку так не придет; да и наперёд де сево из Английской земли и при королеве к прежним государем писали все также, потому что де в переводе то слово будет справчиво» [2, с. 36].

Кроме обращения *царь*, значение которого иностранцы не до конца понимали в составе титула Ивана IV, а впоследствии и его приемников, появилось слово *Emperour*, делающее его равным по статусу с титулом Императора. К примеру, так королева английская Елизавета обращается в одной из грамот к царю Михаилу Фёдоровичу.

«To the most high, mighty and right noble Prince the *great Lord Emperour* and great Duke Michael Feodorowich of all Russia soale Commander of Volodemer, Mosco, Novgorod, king of Astrecan, king of Seberia, Lord of Vobsco and great Duke of Smolensky, Twersky and others...»

«Высочайшему, могущественному и благородному принцу, *великому государю царю* и князю Михаилу Фёдоровичу всея России самодержцу, владимирскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, государю псковскому и великому князю смоленскому, тверскому и иных...» [3].

С. Герберштейн, австрийский дипломат, долго живший в России в работе «Записки о Московии» [8] вопросу титулатуры главы русского государства посвятил целый раздел, где можно встретить такое заимствование из русского, как *tsar*. Однако в официальных иностранных документах оно пока ещё не используется.

В итоге можно сделать вывод о том, что переводы XVI-XVII вв. титула русского царя весьма отличаются от более поздних традиционных наименований своей неустойчивостью, связанной, видимо, с попыткой вложить в титул определённый политический смысл.

Список литературы

1. Лакиер А.Б. История титула государей России //Журнал Министерства Народного Просвещения. 1847. Ч.56. №10,11.
2. Рогинский З.И. Поездка гонца Г.С. Дохтурова в Англию в 1645–1642 гг. Ярославль: Изд-во Ярославского пед. инс-та, 1959, с.35.
3. РГАДА. Сношения России с Англией. Ф.35. Оп.2., гр.34.
4. Толстой Ю.В. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией 1553–1593 гг. М.: Книга по требованию, 2013., сс.76,80
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 4-е стереотипное. М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004., Т.2, с.266.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 4-е стереотипное. М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004., Т.4 с.290.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Изд. 3-е стереотип. М.: Русский язык, 1999., Т.2.
8. Herberstein S. Notes upon Russia: being a translation of the earliest account of that country, entitled Rerum Moscovitarum Commentarii. London: Printed for the Hakluyt Society, 1963.

10.02.19

Э.В. Гусева канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
кафедра финно-угорской и сравнительной филологии,
Йошкар-Ола, guseva_elina@mail.ru

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Заговорно-заклинательные тексты, существующие устно, исчезают, испытывают изменения в композиционной структуре и лексическом содержании, это приводит к необходимости изучения и записи существующих текстов. В статье рассматриваются духовные ценности в марийских заговорно-заклинательных текстах.

Ключевые слова: марийский язык; заговорно-заклинательный текст; духовные ценности.

Духовные ценности в жизни человека служат его ориентиром. К духовным ценностям относят нематериальные блага. Соотнося себя с определённым набором духовных ценностей, человек определяет своё место в обществе. Ценностные ориентации выступают важным фактором мотивации действий и деятельности.

Многие марийцы остаются приверженцами языческой веры, совершая моления в святых рощах – кўсото, некоторые выезжают в Кировскую область почтить святое место марийцев – Чумбулат гору [2].

Практически в каждой деревне имеются знахарки, которые пользуются заговорно-заклинательными текстами для избавления от множества различных болезней. Болезнь в проанализированных заговорно-заклинательных текстах является отдельным, независимым существом, вызванным под воздействием демонических существ, преимущественно женского пола.

Полевые наблюдения позволяют предположить, что знахарей в деревнях гораздо больше, чем колдунов.

Объектом данного лингвистического исследования стали марийские заговорно-заклинательные тексты, предметом исследования – духовные ценности. Цель работы – выявить и описать духовные ценности в марийских заговорно-заклинательных текстах. Достоверность результатов исследования обеспечивается случайной выборкой 255 текстов, бытующих в современном языковом пространстве.

Ценность – это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту [1, с. 315].

В проанализированных марийских заговорно-заклинательных текстах особое место отводится *любви*. Любовь должна быть чистой, приворотная любовь не приносит счастья для семьи, так как подавляется воля одного из влюбленных, происходит искусственное создание чувств. Искусственно созданные чувства и мощные привязки снимаются при помощи отворотных заговоров:

<i>Кунам, тенгызым кумыктен, тупешыже пёртым ыштен, шымле шым тўрлō калыкым ик минутышто пукшен-йўктен кертеш, тунам иже нуно ушнышит. Тьфу [3, с.69]!</i>	Когда сможет перевернуть море, построить на нем дом, накормить 77 различных народов за одну минуту, только тогда они смогут пожениться. Тьфу!
<i>Каза ден шорык кузе ваи тўкедыл-тўкедыл толашат, туге (тудо) ден (тудо) толашен илышит. Пий ден пырыс кузе ваи-ваи огыт келше, туге (тудо) ден (тудо) келшен ынышит иле [3,с.77].</i>	Как бодаются коза и овца друг с другом, так же он и она пусть плохо живут. Как не дружат кошка с собакой друг с другом, так же он и она пусть не ладят.

Привороженный человек не влюбляется, он испытывает сильные эмоции, сознание привороженного человека становится болезненным, больше напоминает зависимость. В данном случае мир и спокойствие в семье помогают сохранить специальные заговоры:

<i>Шола кидше дене, пурла кидше дене кунам Карпат курыкым перен шалатен кертеш, осал шинчаж дене, осал йылмыж дене кунам Карпат курыкым шалатен кертеш, тунам иже мыйым перен кертше, пелештен кертше [4, с. 139]!</i>	Когда левой рукой, правой рукой сможет ударить и разбить горы Карпаты, своими злыми глазами, злым языком сможет разбить горы Карпаты, только тогда пусть сможет ударить меня и ругаться со мной!
<i>Шола йолжшо дене, ик минут-секундышто кечыш кўзен, кечым чумен кунам кертеш, тунам иже йолжым нөлталын, чумен кертше!</i> <i>Шола йолжшо дене, ик минут-секуныдышто тылзыш кўзен, тылзым чумен кунам кертеш, тунам иже йолжым нөлталын, чумен кертше!</i> <i>Шола йолжшо дене, ик минут-секуныдышто Чолгаишудырыш кўзен, Чолгаишудыры чумен кунам кертеш, тунам иже йолжым нөлталын, чумен кертше [3, с. 81]!</i>	Когда левой ногой сможет за одну минуту-секунду забраться на солнце и пинать солнце, пусть только тогда сможет поднять ногу и пинаться! Когда левой ногой сможет за одну минуту-секунду забраться на месяц и пинать месяц, пусть только тогда сможет поднять ногу и пинаться! Когда левой ногой сможет за одну минуту-секунду подняться на Венеру и пинать Венеру, пусть только тогда сможет поднять ногу и пинаться!

Чтобы остановить ругань в семье, ссоры, используется следующий заговорно-заклинательный текст:

<i>Кечыш кўзен, кечым нулен кунам кертеш, тунам иже мыйын ўмбакем ойлен кертше!</i> <i>Тылзыш кўзен, тылзым кунам нулен кертеш, тунам иже мыйын ўмбакем ойлен кертше!</i> <i>Чолгаишудырыш кўзен, Чолгаишудырым кунам нулен кертеш, тунам иже мыйын ўмбакем ойлен кертше [4, с. 82]!</i>	Когда сможет подняться к солнцу, лизнуть солнце, только тогда сможет наговаривать на меня! Когда сможет подняться к луне, лизнуть луну, только тогда сможет наговаривать на меня! Когда сможет подняться к Венере, лизнуть Венеру, только тогда сможет наговаривать на меня!
---	---

Обретая легкость во всем теле, мы можем обрести гармонию внутреннюю:

<i>Кече кузе куштылгын ончал колта, тугак могырем куштылем кайыже! Кўдырчō кузе куштылгын кўдырта, тугак могырем куштылем кайыже!</i>	Как солнце легко смотрит, пусть так же моё тело станет легким! Как гром легко гремит, пусть так же моё тело станет легким!
--	---

Любовь и счастье – очень близкие понятия: без любви нет счастья; это эмоции высшего порядка, составляющие духовные ценности, например:

<i>Кō мыйым локтен, тудын декак кай. Тьфу! Кō мыйым локтен, тудын денак иле. Тьфу! Кўзō гоч мыйым локтышо деке кай, мыланем пилемым кондо, пўрымашем пōртылтō. Тьфу! Тьфу! Тьфу!</i>	Кто навел на меня порчу, туда и уйди. Тьфу! Кто навел на меня порчу, с тем и живи. Тьфу! Через нож к обидчику моему иди, мне счастье верни и судьбу верни! Тьфу! Тьфу! Тьфу!
---	---

Любая преграда к счастью должна быть преодолена, а противники счастья должны быть уничтожены, например:

<i>Эр кече кузе аваж помышыш пурен чакна, тугак (тиде ен) мый дечем чакныже!</i> <i>Кечывал кече кузе аваж помышыш пурен чакна, тугак (тиде ен) мый дечем чакныже!</i> <i>Водо кече кузе аваж помышыш пурен чакна, тугак (тиде ен) мый дечем чакныже!</i> <i>Чолгаиҥдыр кузе аваж помышыш пурен чакна, тугак (тиде ен) мый дечем чакныже [3, с. 57]!</i>	Как утреннее солнце пятится в пазуху матери, пусть так же (этот человек) пятится от меня! Как дневное солнце пятится в пазуху матери, пусть так же (этот человек) пятится от меня! Как вечернее солнце пятится в пазуху матери, пусть так же (этот человек) пятится от меня! Как Венера пятится в пазуху матери, пусть так же (этот человек) пятится от меня!
--	---

Нельзя не согласиться с утверждением Роя Оливера Диснея о том, что «совсем не трудно принять решения, когда вы знаете, каковы ваши ценности». Ценности духовные могут сформировать или стереть жизнь человека. Это ценности, которые играют важную роль в руководстве человеком к принятию правильных решений, тем самым придавая ему чувства уверенности и удовлетворения. Духовные ценности помогают сделать мир вокруг лучше. Самыми важными духовными ценностями в жизни, как показал анализ марийских заговорно-заклинательных текстов, по которым жил и живет народ, являются: любовь, уважение, честность, дисциплина, понимание.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 18-412-120005.

Список литературы

1. Гусева Э.В. Ценности в марийских заговорно-заклинательных текстах как ведущие компоненты национальной // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беяева; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. с. 315-317
2. История сел и деревень Сернурского района Республики Марий Эл // www.12rus.ru/List/32/2695
3. *Күртньӧ печым печен...Осал вий деч аралтыш.* Финно-угор калык-влакын лумеш историй да сылнымут тоштер. Йошкар-Ола.128 с.
4. *Петров В.И.* Марий Ю: Түрлө локтымо, чер, мужо ваштареш шӱведымаш. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993, 160 с.

10.02.19

К.Д. Данилова, В.В. Лебедева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, kiradanilova1997@gmail.com; levik93@inbox.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «НОС» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена определению и описанию семантической характеристики корейских фразеологических единиц с компонентом «нос». В результате проведенного анализа корейских фразеологизмов с компонентом «нос» было выявлено 6 семантических групп, из которых самыми многочисленными являются фразеологизмы, описывающие психологическое состояние человека, а также характера или поведения человека. Материал исследования показал, что «нос» во фразеологизмах корейского языка в основном используется для выражения отрицательного значения.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, соматизм, соматический фразеологизм, корейский язык, семантическая группа.*

Фразеология является отражением богатого исторического опыта всей нации. Она вбирает в себя представления о различных сферах жизнедеятельности людей. Е.Ф. Арсентьева утверждает, что фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, при этом экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа и культуры [1, с. 50]. Однако «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [2, с. 7]. Именно поэтому фразеологизмы с соматическим компонентом в последнее время находятся под пристальным вниманием научных исследований. Части тела и их названия, кроме буквального смысла слова, имеют и символический характер. Используя названия частей тела в переносном смысле, люди стараются более точно передать свои ощущения и мысли.

Данное исследование посвящено анализу фразеологических единиц с компонентом «нос» в корейском языке. В корейском языке слово «нос» выражается словом «코» [кхо]. В толковом словаре корейского языка слово «코» [кхо] имеет следующие значения: 1) Наружная часть органа обоняния на лице человека или морды животного; 2) Носовая слизь, сопли; 3) Нос какого-либо предмета.

Материалом нашего исследования послужили фразеологические единицы из корейского словаря фразеологизмов Пак Ен Уона и Ян Чэ Чхана. Нами были отобраны и проанализированы фразеологизмы с компонентом 코 (нос), а также его однокоренными вариантами: 콧대 (линия носа), 코끝 (кончик носа), 콧구멍 (ноздря), 콧털 (волосы в ноздрях). В результате проведенного анализа были выделены 6 ярко выраженных семантических групп ФЕ с компонентом «нос»:

1. ФЕ, характеризующие внешние качества человека. В корейском обществе внешность имеет очень большое значение. Красивым людям проще добиваться чего-либо в жизни. В том числе и удачно выйти замуж. В следующей пословице говорится о том, что во внешности девушки ценится красивый нос: 여자는 코가 잘 생겨야 남편 복이 있다 (букв. Если у женщины красивый нос, то ей повезет с мужем.). У девушки с красивым носом больше шансов на удачный брак.

2. ФЕ, характеризующие внутренние качества человека (характер). В данную семантическую группу были отнесены те фразеологизмы, в которых выражено чувство собственного достоинства человека. Все они употребляются в отрицательном значении и характеризуют такие отрицательные качества человека как: высокомерие, надменность, или напротив самоуничижение.

Таблица 1 – ФЕ (внутренние качества человека)

ФЕ	буквальный перевод	значение
코가 납작해지다	нос стал приплюснутым	авторитет упал
코가 낮다	низкий нос	ставить себя ниже других
코에 걸다	повесить нос	кичиться (о человеке, который ставит свои интересы и заслуги выше других)
코를 꺾다	сломать нос	унижать чье-то достоинство
코가 높다 / 콧대가 높다	высокий нос	«задирать нос», гордый, надменный, заносчивый
코가 우뚝하다	высоко держать нос	зазнаваться, быть высокомерным
콧등이 세다	сильный нос	быть упрямым, не слушаться других

Также в эту группу можно отнести пословицу, в которой говорится о таком качестве человека как лень: 콧등에 파리가 앉아도 헛바닥으로 쫓는다 – букв. «Даже если на нос сядет муха, будет отгонять языком» – эту пословицу используют по отношению к человеку, которому лень делать даже самые маленькие телодвижения.

3. ФЕ, характеризующие эмоционально-психологическое состояние человека. В ходе исследования было выявлено больше всего фразеологических единиц, описывающих эмоциональное или психологическое состояние человека. Все фразеологические единицы данной группы, кроме одного имеют отрицательное значение.

Таблица 2 – ФЕ (эмоционально-психологическое состояние человека)

ФЕ	буквальный перевод	значение
코 막고 답답한 일	нос заложило так, что задохнуться можно	состояние горя, отчаяния
코가 꿰이다	проколотый нос	быть стесненным кем-либо из-за того, что этот человек знает какое-либо ваше слабое место
코가 납작해지다	сплюснутый нос	испытывать сильное чувство смущения и уязвленной гордости
코가 빠지다	нос провалился	быть сильно обеспокоенным
콧등 부었다	нос вздулся	злиться из-за того, что что-то получилось не так как хотелось.
코 떼어 주머니에 넣어라	отрежь нос и положи в карман	испытывать чувство стыда
코가 빠지다	нос провалился	«пасть духом»

В эту же группу входят ФЕ, связанные с настроением человека.

Таблица 3 – ФЕ (настроение человека)

ФЕ	буквальный перевод	значение
콧노래를 부르다	напевать себе под нос	быть в хорошем настроении
코털이 센다	в носу волосинки поседели	переживание

Так же, сюда можно отнести ФЕ, описывающие психофизиологическое состояние человека.

Таблица 4 – ФЕ (психофизиологическое состояние человека)

ФЕ	букв. перевод	значение
코가 삐뚤어지다	нос искривился	вид человека в состоянии алкогольного опьянения
코에서 단내 난다	нос жаром пышет	до смерти устать, утомиться из-за большого физического труда
코를 훌쩍거리다	хлюпать носом	плакать, рыдать

4. ФЕ, характеризующие поведение человека. В эту группу мы включили фразеологизмы, которыми выражаются различные поступки, действия, поведение человека (все в отрицательном значении).

Таблица 5 – ФЕ (поведение человека)

ФЕ	буквальный перевод	значение
코웃음 치다	хихикать под носом	насмехаться над чем-то или над чем-то про себя
코가 땅에 닿도록 머리를 숙이다	так наклонить голову, что качаться носом земли	молить о прощении
코대를 꺾다	обрезать нос	ставить кого-то на место
코 묻은 떡이라도 빼앗아 먹겠다	вырвать и съесть даже «тток», прилипший к носу	совершить очень отвратительный, мерзкий поступок
코방귀를 뀌다	пускать газы носом	относиться с пренебрежением к кому-либо, с чем-либо
코대를 낮추다	опускать нос ниже	отказываться от своей гордости и самодовольства

5. ФЕ, характеризующие параметры / показатели больше или меньше нормы. Во всех примерах ФЕ данной группы компонент «нос» выступает в качестве показателя чего-то маленького, мизерного, незрелого.

Таблица 6 – ФЕ (параметры, размер чего-либо)

ФЕ	буквальный перевод	значение
코 묻은 돈	прилипшие к носу деньги	карманные деньги ребёнка, ничтожная сумма денег
코밑도 마르잖 놈	еще под носом не подсохло	молодой и неопытный человек
코 아니 흘리고 유복하다	быть богатым не проронив ни единой сопки	добиться материальных благ, не испытывая трудностей
코구멍 같은 집에 밀구멍 같은 나그네 온다	приход гостя в дом с размером в ноздрю	приход неприятного гостя в бедный, тесный дом

Кроме этого «нос» может служить также мерой большого количества, преувеличения значимости.

Таблица 7 – ФЕ (преувеличение значимости)

ФЕ	буквальный перевод	значение
내 코가 석자다	у самого нос длиной в три ча	своих дел много, поэтому некогда помогать другим
얼굴보다 코가 더 크다	нос больше, чем лицо	преувеличение того, что на самом деле не является столь важным и значимым

6. ФЕ, характеризующие выражение пространственно-временной близости. Данная группа включает фразеологизмы, которые обозначают близкое месторасположение объекта от субъекта, а также события, которые произойдут в ближайшем будущем.

Таблица 8 – ФЕ (пространственно-временная близость)

ФЕ	буквальный перевод	значение
코를 맞대다	быть носом к носу	очень близко стоящие люди
코 아래 입	рот под носом	очень близкое расстояние
코 앞에 닥치다	быть на носу	приближающееся событие

В отличие от фразеологизмов предыдущих семантических групп, фразеологизмы этой группы не имеют резко отрицательного или положительного значения.

По результатам проведенного исследования в дополнение к семантической классификации, можно сделать следующие выводы:

- в корейском языке больше всего ФЕ с компонентом «нос», выражающих эмоционально-психологическое состояние человека;
- «нос» является важной частью тела, которая может выступать показателем многих качеств человека;
- корейские фразеологизмы с компонентом «нос» в основном имеют отрицательную коннотацию. Из 36 рассмотренных нами в данной статье ФЕ с компонентом «нос», всего 2 имеют положительное значение («состояние хорошего настроения» и «без труда добиться материального блага»).

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ ФЕ, стилистически ориентированных на человека, в русском и английских языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. д-ра филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 329 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264с.
3. Словарь корейских фразеологизмов / Отв. ред. Пак Ен Вон, Ян Чэ Чхан. Сеул: Изд-во ун-та Международного Образования, 2009. 312 с.
4. 동아 새 국어 사전. 두산동아. 최태경. 2003년.2740.

10.02.19

К.Г. Егорова, Н.Е. Красильникова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, kiounnei1@yandex.ru, krasilnikova.n24@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ,
ВЫСТУПАЮЩИХ В ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМА
В КОРЕЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ)**

В данной статье рассматривается роль заимствованных слов при эвфемизации и их манипулятивный характер в корейском рекламном дискурсе в области пластической хирургии. Зашифрованные эвфемизмы имеют роль улучшить характер отрицательного денотата слова, не вызывая смущение или коммуникативный дискомфорт у слушающего. Заимствованные слова используются для смягчения негативного впечатления, являются подходящими единицами в рекламе, поскольку обладают высокой экспрессивностью и высокой степенью абстракции, характеризующейся семантической неопределенностью.

Ключевые слова: *эвфемизмы, реклама, дискурс, эвфемизация, заимствованные слова.*

В современном обществе реклама – это целостная глобальная индустрия, в которой трудятся тысячи людей. В истории рекламы произошло развитие от массовой рекламы к разделению на так называемые целевые группы. Сегодня рекламой мы называем мощную отрасль индустрии, а продукт ее деятельности – направлением на обеспечение потенциального адресата рекламного сообщения информацией о товарах или услугах в целях их популяризации.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что употребление эвфемизмов в рекламном дискурсе в настоящее время развивается с особой интенсивностью. Установлено, что употребление эвфемизмов в рекламном тексте лучше запоминается потенциальным покупателем. Исходя из этого, изучение процесса эвфемизации становится все более актуальным, возникает потребность подробного изучения функций и особенностей эвфемизмов в корейском рекламном дискурсе.

Научная новизна исследования состоит в изучении роли заимствованных слов при выполнении эвфемистических функций в корейском рекламном дискурсе в области пластической хирургии.

Цель исследования – выявить особенности заимствований, выступающих в роли эвфемизмов и их манипулятивный характер в корейском рекламном дискурсе в области пластической хирургии.

Материалом для исследования является креативная, привлекающая внимание клиентов корейская реклама пластической хирургии в интернете. Пластическая хирургия в Южной Корее настолько развита, что ради операции женщины съезжают со всей Юго-Восточной Азии. Соответственно для привлечения такого количества потока клиентов, стремящихся улучшить свой облик, рекламодатели неустанно работают над стратегией повышения уровня воздействия рекламы на сознание людей. Одним из таких приемов является эвфемизация.

Для смягчения выражения неприятного впечатления нежелательных понятий в рекламном дискурсе часто употребляются иноязычные слова. Слова-заимствования считаются наиболее подходящими единицами для употребления в эвфемистических целях, так как воспринимаются более абстрактно, вызывают семантическую неопределенность, служат завуалированной формой истинного смысла высказывания.

Непонятные, необоснованные в сознании носителей языка заимствованные слова воспринимаются не так пронизательно и резко. Они скрывают грубую нежелательную коннотацию слова, хорошо вуалируют смысл высказывания. Как отметил польский лингвист С. Видлак, «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [1, с. 275]. Таким образом, рекламодатели с помощью иноязычных слов побуждают обратиться в рекламируемую хирургическую клинику.

탄력 있는 애플힙 «упругие, словно **яблоко, бедра**». В данном выражении 애플힙 [эпыль] от англ. *apple* «яблоко», [хип] от англ. *hip* «бедро, тазобедренный сустав, таз» используется вместо корейского эквивалента 넓적다리 «бедро, бедра», который звучал бы более грубо и тускло по отношению к клиентам, желающим иметь подтянутую фигуру. Слово 넓적다리 «бедро, бедра» вызывает отрицательные эмоции, ассоциируемые с большими, полными бедрами. С другой стороны, роль иноязычных слов в рекламе заключается в манипулировании подсознанием, рекламодатель использует прием эвфемизации, чтобы избежать отрицательных эмоций у потребителя, которые могут появиться из-за таких явлений, как «широкие бедра», «полные бедра».

마블러스 가슴성형. 매력 넘치는 볼륨과 자연스러운 실루엣. «**Потрясающая** операция на грудь. Привлекательный **объем** и естественный **силуэт**». Слова 마블러스 [мабыллысы] от англ. *marvelous* «чудесный, изумительный, превосходный, потрясающий», 볼륨 [боллюм] от англ. *volume* «объем, величина, количество, размер», 실루엣 [шиллуэт] от англ. *silhouette* «силуэт» вместо представленных заимствованных слов можно было употребить корейский эквивалент 어마하다 «потрясающий, огромный, внушающий трепет», который не совсем подходит для привлечения большого потока клиентов, и поскольку реклама должна отражать воздействующую функцию, иноязычные слова *marvelous*, *volume* и *silhouette* воспринимаются более престижными и красиво звучащими. Данные рекламные выражения направлены на женскую аудиторию, которая желает выглядеть идеально красивой, с помощью манипулятивного эффекта иноязычных слов рекламодатели побуждают обратиться потенциальных клиентов в рекламируемую хирургическую клинику.

촌스러운 통명남에서 트렌디한 대세남으로! «Из грубого деревенского парня в **модного** и прогрессивного юношу!» В данном примере употребление иноязычного слова 트렌디하다 [тхырендихада] от англ. *trendy* «модный, стильный», придает фразе живость и новизну. В данном примере использован прием контраста, противопоставления сравниваемых признаков, реализуемых на уровне фраз [4, с. 28], вместе с негативной нежелательной оценкой 촌스럽다 «деревенский» использовано иноязычное слово 트렌디하다 [тхырендихада], подталкивающее обратиться в клинику для достижения наилучшего результата.

В результате анализа 50 реклам пластической хирургии мы установили, что наименования различных частей тела, возраста, недостатков внешности и наименования пластических процедур подвергаются эвфемизации чаще всего. В ходе исследования мы установили, что в рекламе пластической хирургии среди заимствованных слов чаще всего встречается предметно-понятийная сфера эвфемизации на основе морально-этических норм [2]. Примеры эвфемизмов, воздействующих на реципиента при наименовании выделений человеческого тела: 애플힙 «яблочные бедра» вместо «большие бедра», 착한 몸매 «отличная фигура» вместо «сексуальная фигура», 자신 있는 볼륨 «уверенный объем» вместо «большая грудь», 숨은 S 라인을 찾아드립니다 «вернем вам спрятанную S линию» вместо «операция по устранению жира в области талии», 하트라인 «бедра в форме сердца» вместо «операция на бедра».

Таким образом, употребление иноязычных слов в корейской рекламе является одним из самых распространенных способов эвфемизации, так как они скрывают негативную оценку называемых понятий и создают выигрышное положение в мире рекламы.

Эвфемизмы в современном корейском рекламном дискурсе выполняют не только маскирующую, но и воздействующую функцию. Рекламисты часто используют заимствованные слова с целью завуалировать негативный характер сообщения, эвфемизированное выражение не вызывает отторжения в сознании людей. Воздействие на сознание людей осуществляется путем использования рекламистом эвфемизмов для целенаправленного изменения оценки некоторых явлений, событий.

Список литературы

1. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля// Этимология. 1965: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. 275 с.
2. Кацев А.М. Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект. Актуальные проблемы семасиологии / А.М. Кацев. – Ленинград, 1991. – 398 с.
3. Русский язык. Энциклопедия / [науч. ред. Ю. Н. Караулова]. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997 – С. 28.
4. *AP Plastic Surgery*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/appealpsclinic> (дата обращения 16.02.19).
5. *Beauty line Plastic surgery*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beauline.co.kr/main/main.php> (дата обращения 29.01.19).
6. *Dream Face 성형*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dream-face.co.kr/> (дата обращения 19.03.19).

10.02.19

Н.В. Егоршина д-р филол. наук

Военный Университет Министерства обороны,
кафедра языкознания и литературы,
egorshina.n@mail.ru

ДИСКУРСИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

В статье анализируются типы дискурсивных стратегий в текстах, посвященных вопросам международной политики. Выявлены два типа адресантов данных текстов: «эксперт» и «журналист», рассмотрены их ключевые дискурсивные стратегии. При этом каждый тип стратегии снабжается индивидуальными дискурсивными тактиками: для стратегии эксперта характерно использование сложных многочастных предложений, обилие характеристик, выраженных относительными прилагательными. Для дискурсивной стратегии журналиста более характерно обращение к апперцепционной базе прецедентных феноменов.

Ключевые слова: *дискурс, военная журналистика, текст, дискурсивные стратегии, политические тексты.*

Военная журналистика представляет собой интереснейший для исследования тип дискурса: с одной стороны, целевой аудиторией текстов таких СМИ, как газета «Красная звезда», сайты «Армия России», «Оружейная комната» и еженедельник «Звезда», являются не только военные, но и все, кто интересуется политической ситуацией, вооруженными силами, состоянием армии и пр. С другой стороны, само позиционирование военных СМИ подразумевает определенный «входной ценз» для аудитории: содержание материалов по умолчанию подразумевает отсутствие определенной тематики (например, новостей из жизни звезд или «жареных» фактов) и обращение к некоей аксиологической базе целевой аудитории.

Для определения важнейших дискурсивов текстов, посвященных политическим вопросам, за основу при настоящем исследовании были взяты тексты, размещенные на сайте еженедельника «Звезда», и принадлежащие двум политическим обозревателям этого еженедельника: Дмитрию Евстафьеву (кандидату политических наук, профессору НИУ ВШЭ) и Ростиславу Ищенко (журналисту, специализирующемуся на политической тематике).

Интересен сам факт позиционирования первого автора как человека с ученой степенью, преподающего в высшем учебном заведении: по умолчанию это подразумевает его статус «эксперта», отлично разбирающегося в заявленной тематике. Тексты этого автора отличаются большим количеством предложений, в которых несколько придаточных частей и представлены усложняющие восприятие причастные и деепричастные обороты: «При этом современный мир становится всё больше миром информационных манипуляций в политических и экономических целях, миром информационных войн и площадкой для апробации механизмов формирования «виртуальных политических и экономических реальностей», на базе которых глобалистские элиты и группы экономических интересов в постиндустриальных странах «коллективного Запада» пытаются оседлать процессы трансформаций мировой экономики и политики и в очередной раз направить переконфигурирования системы в свою пользу» [1].

Отметим, что в приведенном выше примере восприятие текста осложняется не только величиной предложения как такового, но и обилием эпитетов: практически каждое существительное снабжено прилагательным: мир — современный, манипуляции —

информационные, цели – политические и экономические, реальности – виртуальные, политические и экономические, элиты – глобалистские, интересы – экономические, страны – постиндустриальные, Запад – коллективный, экономика и политика – мировые и пр. Примечателен тот факт, что все использованные прилагательные – относительные, а подавляющее большинство существительных – неизосемические, что существенно осложняет восприятие текста как целостного единства, а также принуждает читателя, по факту, «разбирать» текст, так как данную фразу нельзя отнести к легко читаемым и воспринимаемым.

Дискурсивная стратегия «автора-эксперта» во многом учитывает подготовленность аудитории: указанные выше особенности фактически делают текст «научнообразным» и приближают его к стилистике диссертационного исследования: «Именно сочетание, причём локализованное по времени и пространству, возможности формирования стратегических смысловых векторов и потенциал генерирования локальных информационных пиков, адаптированных к конкретному социально-экономическому пространству, делают современные виды социо-информационных манипуляций особенно эффективными и деструктивными» [1].

Из 33 слов, входящих в процитированный выше фрагмент, 11 являются прилагательными либо словами адъективного склонения – такая концентрация характеристик говорит о стремлении автора постоянно уточнять статус субъектов, образующих информационное поле текста. Иными словами, в пространстве текста о политике нет объектов, которые являются «никакими», – они при любых обстоятельствах являются «какими-то». Преобладание среди этих характеристик прилагательных, причём относительных, является узнаваемой приметой стиля автора. Так, в другой его статье, посвященной Соединенным Штатам Америки, при этом оформленной как интервью с экспертом, в ответах наблюдается та же высокая концентрация слов, характеризующих те или иные объекты: «Никаких признаков нового социального конструирования в Соединённых Штатах пока не видно. Трамп – чистый рыночник, может быть, последний рыночник в мире, потому что считает: достаточно запустить процессы экономического роста, причём в очищенном от политических обременений виде, и социальное структурирование начнёт восстанавливаться само собой» [5].

Другая дискурсивная стратегия, осуществляемая в рамках той же редакционной политики, представлена постоянной апелляцией к разного рода прецедентным феноменам. Так, упомянутый выше Ростислав Ищенко, чей статус (по крайней мере, обозначаемый в тексте статьи) не позволяет ему выстраивать тексты, имитирующие научный стиль, постоянно использует аллюзии к разного рода прецедентным феноменам: так, президент Турции Эрдоган назван «лимонадным» (что апеллирует к началу карьеры президента, в молодости торговавшего лимонадом, и одновременно к образу «лимонадного Джо»), а о Трампе сказано, что он родился «с серебряной ложечкой во рту» [2]. Другая статья того же автора отсылает к пословице в заглавии: «Украина с возу, Западу легче» («баба с возу, кобыле легче») [3]. Далее в тексте материала присутствуют те же фольклорные отсылки: «Олигархи: «Украина повернись к Порошенко задом, а к Зеленскому передом» [3]. Текст в целом обращается к фольклорной системе образов и завершается красочной развернутой метафорой: «Если бы украинские власти изначально не выстраивали систему управления страной, базирующейся на полной зависимости от Запада, они, не без трудностей, но смогли бы пережить тяжёлые годы (даже десятилетия). Однако Украина фактически делегировала Западу право принятия стратегических решений во всех сферах государственной жизни. В результате, когда Запад перестал её опекать, она оказалась курицей без головы. Ноги ещё бегут, крылья машут, но командный центр отсутствует и дорога несчастной птице одна – в суп» [3].

Любопытно, что в финальной фразе текста присутствует военная специфика: имеется в виду образ птицы, которой отрубили голову, однако вместо слова «голова» использовано словосочетание «командный центр». Как и у предыдущего проанализированного автора,

текст изобилует прилагательными, однако их доля существенно меньше, при этом часть прилагательных носит оценочный характер: «тяжелые годы», «несчастливая птица» и пр.

Дискурсивные стратегии политических текстов военной направленности, таким образом, могут тяготеть либо к обращению к общей апперцепционной базе – использованию прецедентных высказываний и феноменов, зачастую из области массовой культуры или фольклора, либо к стратегии придания тексту наукообразной формы при помощи снабжения каждого объекта развернутой характеристикой, зачастую представляющей собой относительное прилагательное или производное от него.

Представляется, что данное краткое исследование выявляет две наиболее типичные стратегии: «эксперта» и «журналиста» – по факту, в политическом дискурсе высказываются два типа спикеров. Речь эксперта больше тяготеет к научному стилю, что вполне объяснимо с точки зрения его статуса, при этом инструменты этого научного стиля, вероятно, могут быть весьма разнообразными и не ограничиваться тотальной характеристикой. Речь «журналиста» близка к публицистическому стилю с его метафоризацией и оценочностью, однако при этом специфической стратегией воздействия на адресата является апелляция к прецедентным феноменам, особенно связанным с фольклором.

Список литературы

1. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.В. «Феномен Греты Тунберг» и информационные войны эпохи постглобализации // Электронный ресурс URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191015151-TN7Lv.html>. Дата обращения 24.11.2019.
2. Ищенко Р.В. Ближний Восток: Эрдоган начинает и... не проигрывает // Электронный ресурс URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/201911221012-l9zis.html>. Дата обращения 24.11.2019.
3. Ищенко Р.В. Украина с возу, Западу легче // Электронный ресурс URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191161141-olF3M.html>. Дата обращения 24.11.2019.
4. Ларина Н.А., Цицинов А.Ю. Специфика подачи материала в цифровой военной журналистике (на примере еженедельника «Звезда») // Казанская наука, № 9, 2019. – С. 36 – 39.
5. Одноколенко О.Г. Дмитрий Евстафьев: «Стремление догнать и перегнать Америку по объемам потребления не может быть русской идеей» // Электронный ресурс URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/201910221223-ANJN9.html>. Дата обращения 24.11.2019.

10.02.19

А.М. Иванова д-р филол. наук

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
кафедра чувашской филологии и культуры,
Чебоксары, amivano@rambler.ru

ОБЩИЙ ФОНД ЧУВАШСКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА

Статья посвящена исследованию личных имен, являющихся общими для языков Урало-Поволжья – чувашского, марийского, татарского и удмуртского. Автором устанавливается опытный корпус антропонимов и описываются параметры, обуславливающие общие черты антропонимикона целого региона. По большей части в Урало-Поволжье в дохристианский период доминировали имена татарского происхождения, а также арабизмы и иранизмы. Новой общей стратой в регионе, за исключением Татарстана, выступает антропонимикон православного происхождения.

Ключевые слова: *личные имена, антропонимы, языковые контакты, ономастика.*

Урало-Поволжье в этническом плане является уникальным регионом, в котором сошлись языки разных семей – алтайского и уральского, и в результате устойчивых контактов сложился языковой союз, названный Волго-Камским [2].

В лексике народов указанного региона значителен общий словарь, например, в неродственных чувашском и марийском языках общий фонд приближается к двум тысячам единицам [5], чувашском и удмуртском – около 400 [6]. Но даже на фоне значительных совпадений в апеллятивной лексике ярко выделяется общая страта дохристианских антропонимов, достигающая невероятных объемов в несколько тысяч имен.

Целостный антропонимический словарь языков Урало-Поволжья прежде всего представляет результат татарско-исламского влияния. Главным образом это касается татарских имен, создающих общий фонд урало-поволжского антропонимикона, преломляясь через фонетику конкретного языка.

Материал данного исследования – личные имена народов Волго-Камского языкового союза (чувашского, татарского, марийского и удмуртского), составляющие взаимообусловленные параллели. В исследовательских целях автором составлен корпус объемом в восемьдесят словарных статей. Имена приводятся в орфографии, принятой в использованных лексикографических источниках [1; 3; 6] и не всегда совпадают с современными написаниями.

Преобладание татаризмов с арабизмами и иранизмами вызвано доминированием татарско-исламской культуры в регионе на протяжении многих столетий, начиная со времен Волжской Булгарии.

Наблюдения показывают, что имена татарского и арабо-иранского происхождения являются поздними заимствованиями, поскольку не успели претерпеть значительных изменений. Однако с другой стороны не исключается подстройка языковых систем под многочисленные татаризмы. Во многом легкому освоению татарских личных имен способствуют родственные связи контактирующих языков, в нашем случае чувашского и татарского.

В количественном плане выборка имен раскладывается в следующем порядке (см. таблицу).

Статистические параметры общего фонда имен Волго-Камского союза

Параллели	Всего	Доля, в %
Чувашиско-татарско-марийско-удмуртские	53	66,2
Чувашиско-татарско-удмуртские	11	13,7
Чувашиско-татарско-марийские	5	6,3
Татарско-марийско-удмуртские	4	5,0
Чувашиско-татарские	2	2,5
Чувашиско-марийские	2	2,5
Чувашиско-удмуртские	2	2,5
Удмуртско-татарские	1	1,2
Итого	80	100,0

В общем фонде антропонимического словаря Волго-Камья собственно татаризмы составляют более 25 процентов, ср.: чув. *Илпахта*, мар. *Илбахта*, удм. *Илбакта* < тат. *Илбакты*, где *ил* ‘страна; народ’, *бакты* ‘родился’; чув. *Карапаш*, мар., удм. *Карабаш* < тат. *Карабаш*, где *кара* ‘черный’, *баш* ‘голова’; чув., удм. *Кунак*, мар. *Кунакай* < тат. *Кунак* ‘гость’; чув. *Тимёр*, мар. *Темыр*, *Тимер*, *Тимир*, удм. *Темир*, *Темер*, *Демер* < тат. *Тимер* ‘железо’; чув. *Улмес*, мар. *Улмас*, *Улмес*, *Ульмес*, удм. *Ульмяс*, *Ульмас*, *Улмяс* < тат. *Ульмас*, где *улу* ‘умереть’, *-мес* афф. отрицания, т. е. бессмертный; чув., мар., удм. *Яман* < тат. *Яман* ‘дрянной, недобрый’.

Смешанные татаро-арабо-иранские образования достигают 36 процентов: чув. *Айнулат*, *Айпалат*, мар. *Айбулат*, *Айблат*, *Айвылат*, *Айплат*, удм. *Айбулат* < тат. *Айбулат*, *ай* ‘луна, месяц’, *булат* ‘сталь’; чув. *Акмырса*, мар. *Акмурза*, *Акмырза*, удм. *Акмурза* < тат. *Акморза*, где *ак* ‘белый’, *мурза* иран. *امير زاده* (амир заде) ‘мурза, правитель, господин’; чув., мар., удм. *Ишмамат* < тат. *Ишмәхмәт*, где тат. *иш* ‘друг, приятель, сподвижник’, *Мухаммад* араб. *مُحَمَّد* ‘хвалимый, прославляемый’; чув., *Касанпай*, мар., удм. *Казанбай* < тат. *Казанбай*, где араб. *حسن* (Хасан) ‘красивый, мужественный, хороший’, тат. *бай* ‘богач’.

Доля арабизмов и иранизмов приближается к 39 процентам: чув. *Аптула*, мар. *Аптул*, удм. *Абдул(ла)* < араб. *عبد الله* (Абдулла) ‘раб аллаха’; *Калиме* < араб. м. *حليم* (Халим) ‘добрый, терпеливый’ через тат. *Хәлимә*; чув. *Максут*, мар., удм. *Максуд* < араб. *مقصود* (Максуд) ‘искомый, желанный, преднамеренный; цель, значение, смысл’; чув. *Рәсиван*, мар. *Резван*, удм. *Ризван* < араб. *رضوان* (Ризван) ‘довольство, удовлетворение, удовольствие’; чув. *Сеит*, мар., удм. *Саит*, *Сеит* < араб. *سعيد* (Саид) ‘счастливый’; чув., мар., удм. *Юмаш* < араб. *جمال* (Джамаль) ‘красота, совершенство’, *دين* (дин) ‘религия, вера’ через тат. *Юмаш* (Жамалетдин).

Татаризмы, арабизмы и иранизмы не поддаются анализу средствами принимающих языков – чувашского, марийского и удмуртского, и они изначально удобны для имяназвания. Именно такого рода имена стали основой общего волго-камского именослова.

Как исключение, чувашско-марийские пары общего волго-камского антропонимикона создаются чувашизмами, ср.: чув. *Варпике* из *варлă* ‘приветливый, добрый, сердечный’, *пике* ‘госпожа’ > мар. *Варбика*; чув. *Хитрени* из *хитре* ‘красивый’ + *ни(ке)* ‘госпожа’ > мар. *Хитриви*.

В остальных парах доминируют татарские имена: тат. *Сауморза* из *сау* ‘здоровый’, *морза* ‘мурза’ > чув. *Савмърса*; тат. *Тиңчура* из *тиң* ‘равный’, *чура* ‘друженик; раб’ > чув. *Тинчура*; тат. **Имангилде* > чув. *Именкилтей*, удм. *Имангельда*; тат. *Чурагол* (= *Колчура*) из *чура*, *кол* ‘раб’ > удм. *Чурагул*.

Чувашиско-марийско-удмуртские параллели складываются главным образом из христианских имен, привнесенных русскими в Урало-Поволжье вместе с православием, ср.: евр. *יוחנן* (Йоханан) ‘Яхве пожалел’ через греч. *Ιωάννης*, рус. *Ванька* (*Иван*) > чув. *Ванькка*, мар. и удм. *Ванька*; др.-греч. *Ἀρτέμιος* ‘посвященный Артемиде’ через рус. *Артемий* чув. *Ортеме(ей)*, мар. *Ортемей*, удм. *Ортем*; др.-греч. *Πέτρος* ‘скала, камень’ через рус. *Петр* > чув. и мар. *Петрук*, удм. *Петрок*.

Значительно участие татарского именослова, по неизвестной причине не реализованного или не зафиксированного в татарском языке, ср.: тат. **Туйдәүләт* > чув. *Тутилет* из туй 'праздник', *ти(в)лет* 'счастье, благополучие, благосостояние; благо, добро', удм. *Тудилет*; чув. *Хёрнике* = *Кәспике*, где чув. *хёр* 'девочка, девушка' ~ тат. *кыз* тж. + *нике* 'госпожа' > мар. *Хирбика*, удм. *Кызбике*; чув. *Шәмат* 'суббота' > мар. и удм. *Шумат*.

Чувашиско-марийско-татарские и чувашско-татарско-удмуртские параллели более ожидаемы, чем параллели без татарского компонента. В их составе преобладают арабизмы, например: тат. *Атлас*, чув., мар. *Атлас*, *Атлаш* < араб. *أطلس* (Атлас) 'шелковая, прочная ткань'; тат. *Вәлимә*, чув. *Велиме*, удм. *Валима* < араб. *وليمة* (Валима) 'пир, банкет; празднество; свадьба'; тат. *Мәрхәбә*, чув. *Мерхеп(н)е*, удм. *Маркаба* < араб. *مرحبا* (Мархаба) 'добро пожаловать; привет'; тат. *Якут*, чув. *Якут*, мар. *Якут* < араб. *ياقوت* (Якут) 'рубин, яхонт'.

Собственно тюркский слой включает незначительное число апеллятивной лексики: чув., тат. *Аван* 'хороший', удм. *Аван*; чув. *Уна* 'медведь', тат. *Аба*, мар. *Обай*, *Убай*; чув. *Чурапай* < тат. *Чурабай*, где *чура* 'дружинник', *пай* 'богач'.

Таким образом, общие личные имена в языках Урало-Поволжья чаще татарского происхождения, в них также значительна доля арабизмов и иранизмов, обусловленных татарским участием. Для православных народов Волго-Камья присущи христианские антропонимы, не встречающиеся в татарской среде. Необходимым представляется общеантропонимический словарь языков Волго-Камья. К настоящему времени сложились условия для его составления: в рамках частных лингвистик имеются добротные ономастические разработки. Данный словарь должен стать весомым вкладом в языкознание поволжских народов, инициировать результативное сравнительно-сопоставительное изучение личных имен региона в целом.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 18-412-210002 p_a.)

Сокращения

Араб. – арабский язык, греч. – греческий язык, др.-греч. – древнегреческий язык, евр. – еврейский язык (иврит), иран. – иранский язык, мар. – марийский язык, рус. – русский язык, тат. – татарский язык, удм. – удмуртский язык, чув. – чувашский язык.

Список литературы

1. Атаманов М.Г. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 393 с.
2. Серебренников Б.А. О некоторых отличительных признаках Волго-камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии. – Уфа, 1972. – Вып. 50. – С. 7–12.
3. Татарча-русча кеше исемнәре һәм фамилияләре. – Казан, 2006. – 371 с.
4. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. – 213 с.
5. Федотов М.Р. Чувашиско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990. – 335 с.
6. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. – Йошкар-Ола, 1995. – 623 с.

10.02.19

**Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова канд. филол. наук,
Д.Е. Меренкова канд. филол. наук, М.В. Шурупова канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА

В статье рассматривается процесс заимствования русским языком новых английских слов. Авторы предлагают обобщенную классификацию наиболее распространенных аффиксов, используемых в процессе ассимиляции заимствованных неологизмов к правилам принимающего языка. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о глобальной роли английского языка как источника появления новых слов в словарном составе русского языка.

Ключевые слова: *неологизм, аффиксация, заимствование, английский язык, русский язык.*

В последнее десятилетие в связи с укреплением и расширением политических, экономических и культурных отношений между государствами вопросу установления языковых контактов уделяется особое внимание. Развитие словарного состава языка происходит прежде всего за счет внутренних ресурсов языка как системы, однако нередко источником пополнения лексики становятся заимствования из других языков. Заимствование английских неологизмов в русский язык наиболее частотны и тем самым вызывают интерес исследователей в том числе и с лингвистической точки зрения. Неологизмы являются специфическим зеркалом языкового развития и становления. Они отражают адаптацию языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям его функционирования. На формирование неологизмов, несомненно, оказывают воздействие культурно-исторические и социально-политические условия жизни.

Причины появления неологизмов в зависимости от характера исконно можно разделить на две группы: внешние и внутренние. Внешние по отношению к языку причины связаны с потребностью говорящего обозначить новое общественное явление. С течением времени отдельные языковые формы закрепляются и повторяются большинством участников общения, что приводит к появлению невербализованных моделей, по которым идет дальнейшее историческое развитие языка. Внутренний характер возникновения неологизмов чаще всего связан с переосмыслением значения того или иного слова, уже существующего в языке (нередко основным способом образования неологизмов в данном случае является метафорический перенос значения).

По результатам многочисленных исследований неологизмов можно выделить следующие основные причины их появления в современном языке:

1. появление новых технических средств неизбежно приводит к их языковой номинации. Например: *gadget* (гаджет), *browser* (браузер), *interface* (интерфейс);

2. стремление к экономии языковых средств и усилий, чем особенно отличается современная онлайн-коммуникация: 2 – *to*, 4 – *for*, *b4* – *before*, *qt* – *quit*, *cu* – *see you*, *iykwim* – *if you know what I mean*; *y* – *why*;

3. различные социальные явления, отражающие отношение к возрасту, образу жизни, семейным ценностям и т.д.: *babydult* ((*baby* + *adult*) – люди, решительно отказывающиеся относить себя к среднему возрасту, предпочитая как можно дольше оставаться молодыми), *graysontrays* (категория людей, приближающихся к пенсионному возрасту или уже достигшие его, но продолжающие заниматься активными видами спорта, такими как хоккей, бейсбол, бег, автогонки и сноубординг) [7, с. 5–16];

4. популярность социальных сетей обуславливает появление новых слов для обозначения такого понятия, как «удаление из друзей» (*defollow* и *unfriend*), последнее из которых стало словом 2009 г. по версии составителей «Оксфордского словаря английского языка».

Отметим, что неологизмы могут проникать в русский язык как в виде готовой кальки, которая передается посредством транскрибирования, так и фрагментарно, например, в виде различных словообразовательных морфем, таких как:

- префиксы супер-, псевдо-, де-, экс-, мега-, топ-, нон-, анти- и др.: *псевдосфера, демотиватор, экс-предчувствие, нонфакт, нонфигуральный, антигламурный, антидемпинговый*;

- приставка супер-, которая используется для подчеркивания превосходства в чем-либо: *супермен, суперарбитр, суперлайнер, суперпозиция*;

- приставка псевдо-, имеющая значение «ложный», «мнимый», «кажущийся»: *псевдоказанова, псевдо-деньги, псевдореальности-шоу, псевдоличность, псевдотолерантность*;

- приставка де-, используемая в глаголах и отглагольных существительных, обозначающая отмену, отрицание чего-либо: *демультипликатор, деблокировать, депромоушн*;

Рассмотрим также примеры неологизмов, образованных суффиксальным способом от основы русского слова, или заимствованных посредством калькирования в виде готовой лексической единицы:

- суффикс -инг: *реформинг, трейдинг, паркинг, ребрендинг, джипинг, вендинг, клининг, тренинг, фитинг, киднеппинг, франчайзинг*. В последнее время английский аффикс -инг получил большую самостоятельность в русском языке. Производящей основой являются существительные, получающие семантику процессуальности, тождества, подобию в связи с присоединением суффикса ing;

- суффикс -изм: *веицизм, эскапизм*;

- суффикс -ация/-изация: *визуализация, компетенция, долларизация, фетишизация, европеизация*.

Также неологизмы могут появляться в языке путем использования комбинированных словообразовательных моделей – словосложения или смешанного словообразования:

- неологизмы, образованные посредством сложения производящих основ: *гомотолерантность, бьюти-блэк, бьюти-топ, промоакция, sms-мусор, фейс-контроль, маркет-мейкер, арт-кафе, флэшмоб, мастхэв, пати-мейкер*;

- неологизмы, образованные путем сложения начальной части слова (основы) с целым словом, т.е. образование сложносокращенных слов: *автохлам, инфопауза, автосауна, демлидер, автоджакузи, микроблейдинг*.

Следует отметить, что в русский язык из английского проникают неологизмы, образованные путем аббревиации. Частотность использования данной словообразовательной модели обусловлена потребностью говорящих в обобщенном восприятии содержательной стороны новых языковых единиц. Например: *PR* (public relations), *IP* (internet protocol), *ЛОЛ* – LOL (громко смеяться – laugh out loud) и т.д.

Примечательным является тот факт, что неологизмы, заимствованные из английского языка, переосмысливаются носителями русского языка, что приводит к сужению семантики заимствованного слова под влиянием социокультурных факторов принимающей культуры. В качестве примеров приведем следующие: *опция, месседж, тендер, сингл, драйв*.

Обратим внимание, что заимствованные неологизмы постепенно ассимилируются в русском языке и иногда настолько часто используются в повседневной речи носителями, что со временем уже не воспринимаются как инородные элементы. Особенно это актуально для молодежной среды, которая находится в постоянном развитии и стремится всегда следовать моде.

На сегодняшний день в русском языке насчитывается достаточно большое количество неологизмов, заимствованных из английского языка, что отражает потребность общества в языковой номинации новых понятий, постоянно возникающих в результате развития науки, техники, культуры, общественных отношений, а также популярности английского языка в мире.

Список литературы

1. Clayton D. Attitudes to language change and variation // *Knowing about language: Linguistics and the secondary language classroom*. – London and New York: Routledge, 2016. – 291 p.
2. Metcalf A. Predicting New Words: The Secrets of Their Success. – Boston, MA: Houghton Mifflin Company, 2014. – 257 p.
3. Rets I. Teaching Neologisms in English as a Foreign Language Classroom // *International Conference on Teaching and Learning English as an Additional Language, GlobELT*. – Antalya: Procedia: Social and Behavioral Sciences, 2016. – No. 232. – P. 813–820.
4. Амосова М.А. Новые словообразовательные элементы в английском языке. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 2006. – 253 с.
5. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Наука, 2009. – 384 с.
6. Волков С.С. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития. – М.: Наука, 2015. – 248 с.
7. Князева Г.Ю. Некоторые новые штрихи к социально-демографическому портрету США в неологическом освещении // *Вестник МГЛУ*. – 2007. – №537. – С. 5–16.
8. Черепанова И.С. Особенности возникновения и функционирования современной молодежной лексики (на примере немецкого, английского и русского языков). – Исследовательская работа на конференцию «От родного порога – к мировым ценностям». – Сургут, 2012. – С. 8–12.

10.02.19

Е.А. Казанцева канд. филол. наук

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Факультет общенаучных дисциплин,
кафедра иностранных языков,
Уфа, consul200@yandex.ru

РЕЧЕВЫЕ ТРИГГЕРЫ ДИСГАРМОНИЗАЦИИ УСТНЫХ ФОРМ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В работе представлены данные исследования речевых практик в академическом дискурсе с точки зрения их эмоциогенности. Выявлены стереотипные речевые ходы, служащие триггерами эмоциогенно-отрицательных доминантных сценариев и речевые акты, несущие в себе потенциальный риск дисгармонизации академического общения.

Ключевые слова: *дискурсивные практики в учебном процессе, экология общения, эмоциогенное воздействие речи.*

Академический дискурс, понимаемый в этой работе как комплекс дискурсивных практик, возникающих в процессе приобретения и обмена знаниями, относится к группе наиболее социально-значимых видов институционального дискурса. В отличие от изолированного изучения научного и педагогического дискурсов, такой широкий интегрированный подход признается на сегодняшний день оправданным для проведения масштабных и межкультурных исследований [3].

Сравнительно недавно получило обоснование исследование институционального дискурса с позиций эколлингвистики [5], целью которого является гармонизация соответствующих дискурсивных практик.

Для современной России, находящейся уже третье десятилетие в процессе реформирования и модернизации системы образования, подобные исследования актуальны, поскольку любые изменения в системе обучения вызывают проблемы, которые порождают соответствующие эмоциональные реакции, способные ухудшить экологию общения [6].

Нарушение экологии коммуникации в академическом дискурсе наносит ущерб самому процессу приобретения и обмена знаниями, поскольку феномен коммуникации зависит не от того, что передается, но от того, что происходит в получателе [7]. На сегодняшний день доказано, что, сталкиваясь с негативно окрашенной информацией, наш мозг инстинктивно перекрывает ее доступ к памяти [8], препятствуя усвоению полученной информации. Это объясняет и тот факт, что на смену логическим путям убеждения приходят эмоционально-психологические способы, требующие подстройки под конкретную аудиторию [4]. Таким образом, эмоциогенные факторы играют важнейшую роль в образовательном процессе [1].

Необходимо отметить, что на экологию общения в академическом дискурсе накладывают отпечаток и особенности национального коммуникативного стиля, отражающего доминантные признаки культуры и менталитета носителей языка. В настоящее время Россия переживает период европеизации, включающей в себя резкую смену ценностей и самого культурного типа, что приводит к диаметрально противоположным установкам молодежи, уже усвоившей индивидуалистский тип культуры, и значительно более старшей категории педагогов, являющихся представителями уходящей коллективистской культуры. Этот факт представляется важным, поскольку коммуникативные интенции, лежащие в основе стратегий академического дискурса, имеют свои лингвокультурные различия. Так, в коллективистских культурах педагоги чаще используют объясняющую и организующую стратегии, а в индивидуалистских – поддерживающую и контролирующую. Исходя из этого можно предположить, что использование педагогами стратегий, характерных для

коллективистского типа культуры, в определенных случаях может препятствовать достижению педагогических целей, производя отрицательный эмоциогенный эффект на аудиторию [2].

Для проверки этой гипотезы была проведена серия интервью и опросов педагогов, школьников и студентов вузов, целью которых было выявление и классификация потенциальных триггеров, осуществляющих запуск эмоциогенно-отрицательных доминантных сценариев в академических условиях общения, для последующего поиска гармонизирующих речевых стратегий и тактик. В роли инициатора эмоциогенно-рисканных ситуаций академического общения рассматривались как педагоги, так и обучающиеся. В результате полевых исследований был получен достаточный объем речевого материала (581 высказывание педагогов и 824 высказывания учеников), из которого были отобраны наиболее частотные фразы, которые можно отнести к классу стереотипных высказываний.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что дисгармонизация общения преимущественно происходит в двух случаях:

1) говорящий имеет исходную интенцию инициировать определенную отрицательную эмоцию у собеседника, и при этом достигает своей цели;

2) попытка говорящего инициировать определенную эмоцию своей цели не достигает, инициируя другую, вплоть до противоположной, эмоцию у собеседника.

В первом случае наиболее распространённым доминантным сценарием является СТРАХ. В этом случае выбор педагогом авторитарного стиля и переход к прямым запретам и угрозам свидетельствует о его неспособности эффективно управлять общением со вверенным ему академическим коллективом: *Замолчали все! / Выгоню обоих!*

Помимо авторитарного стиля, педагоги нередко в качестве оружия используют иронию и сарказм, инициируя таким образом доминантный сценарий ФРУСТРАЦИЯ/ГНЕВ (траектория сценария зависит от психологического типа клиента): *Ты чем-то недоволен? Может быть сам объяснишь новую тему? / Ты у нас, конечно, самый умный!*

Для обучающихся же интенции запуска отрицательных эмоций у педагога (в большинстве случаев это эмоция страха) совершенно естественны, принимая во внимание психологические особенности развития личности в подростковом возрасте. Подобные интенции могут основываться на проверке авторитетности педагога: *А сами-то Вы знаете свой предмет? / И что Вы мне сделаете?*

В иных случаях в основе речевых ходов учащихся лежит желание самоутверждения, повышения собственного авторитета в группе: *Докажите, что я это сказал/сделал! / Вы не имеете права! / Делайте сами! / Я на Вас в суд подам! / Вы ко мне придираетесь!*

Но чаще всего подобные интенции появляются вследствие педагогических ошибок и сигнализируют о сниженной мотивации к принятию новой информации, отказу от сотрудничества с педагогом: *Зачем нам это нужно? / Мне это не надо! / Зачем вообще учиться? / Мне лень.*

Во втором случае наиболее распространенными доминантными сценариями являются ГНЕВ, ФРУСТРАЦИЯ или СКУКА. Так, например, вместо инициируемой педагогом эмоции СТЫД может произойти запуск доминантного сценария ФРУСТРАЦИЯ/ГНЕВ: *Как тебе не стыдно ходить в школу в таком виде! / Тебя родители здороваться не учили?*

Вместо инициируемой эмоции ИНТЕРЕС/УДИВЛЕНИЕ в речевых актах привлечения внимания или в процессе объяснения нового материала часто запускается сценарий СКУКА, вплоть до отказа от совместной познавательной деятельности: *А сейчас предлагаю всем погрузиться в волшебный мир поэзии. / Посмотрите на эту прекрасную картину!*

Со стороны учащихся частотны случаи, когда делается попытка инициировать у педагога доминантную эмоцию ЭМПАТИЯ, но вместо этого происходит запуск доминантного сценария РАЗДРАЖЕНИЕ/ГНЕВ: *Я вчера болел, можно я завтра задание принесу? / У меня голова болит.*

Полученные данные были далее сгруппированы по типам речевых актов.

Наиболее рискованными с точки зрения эмоциогенности речевыми актами, инициируемые педагогами, являются регулятивные речевые акты (прямые запреты, указания, угрозы и т.п.) и речевой акт публичной оценки. Публичная оценка, как показывают данные опросов, почти всегда воспринимается негативно (92%). Даже в случае публичной похвалы отдельного ученика/студента вектор эмоциогенности отрицателен для всех остальных, находящихся в аудитории, поскольку это может вызвать ощущение предвзятого отношения педагога к отдельным ученикам: *Полина, как всегда отличная работа! Умничка! / Ты мой пусик, пятерка!*

Отрицательная же публичная оценка воспринимается как прямое нарушение правил вежливости и этики общения: *Ахметов, совсем ты съехал! / У тебя в каждом слове по ошибке! / Воронова, опять два!*

Исключением является оценка деятельности всего академического коллектива. В этом случае даже негативная оценка, выраженная имперсонализированно с использованием лингвистических инструментов конструктивной критики, воспринимается положительно: *Ну что, тест написали неважно. Давайте разберемся, где у нас основные проблемы.*

К группе эмоциогенно-рискованных речевых актов, инициируемых обучающимися, чаще всего относятся акты отказа, самооправдания, угрозы, проверки авторитета, самообвинения.

Список литературы

1. *Казанцева, Е.А.* Эмоциональный фон педагогического дискурса: авторитет власти или власть авторитета? / Е.А. Казанцева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2017. – №1(19). – С. 119-126.
2. *Казанцева, Е.А.* Особенности стратегий и тактик речевого воздействия в современном образовательном дискурсе / Е.А. Казанцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 2 (80) Ч.2. – Тамбов: Грамота, 2018. – С. 317-319.
3. *Куликова, Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. / Л.В. Куликова. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2006. – 392 с.
4. *Стернин, И.А.* Практическая риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996. – С. 10.
5. *Шаховский, В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 414 с.
6. *Kofman, F. and Senge, P.M.* Communities of Commitment: the heart of learning organizations / F. Kofman, P.M. Senge. – Organizational Dynamics. – 1993. – 22 (2). – P. 5-23.
7. *Maturana, H., Varela, F.* *Der Baum der Erkenntnis* / H. Maturana and F. Varela. – Die biologische Wurzeln des menschlichen Erkenntnis. (El árbol del conocimiento. – Bern, etc.: Scherz Vg. – 1987. – P. 212.
8. *Yan, Jing Wu and Guillaume, Thierry.* How Reading in a Second Language Protects Your Heart / J.W. Yan and T. Guillaume // Journal of Neuroscience. – 9 May 2012. – 32 (19). – P. 6485-6489.

10.02.19

**И.В. Котельникова канд. филол. наук, Е.С. Руденко канд. филол. наук,
Р.П. Аведова канд. филол. наук**

Донской государственный технический университет,
кафедра «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация»,
Ростов-на-Дону, inna1310@inbox.ru

**ФУНКЦИИ КОННЕКТОРОВ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТОРНТОНА УАЙЛДЕРА
«МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)**

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей функционирования коннекторов в тексте художественного произведения. Для достижения поставленной цели решались задачи по установлению особенностей функционирования коннекторов в дискурсе автора, дискурсе персонажей и несобственно-прямом дискурсе с последующим установлением взаимосвязи между употреблением коннекторов и соответствующим дискурсом. Авторы приходят к выводу, что коннекторы несут значительную функциональную нагрузку в тексте: маркируют перемену точки зрения и тем самым способствуют идентификации дискурса; выполняют организующую функцию; выступают эффективным средством развертывания текста в рамках диалога.

Ключевые слова: автор, персонаж, художественный дискурс, союз, коннекторы.

Анализ специфики употребления коннекторов как инструмента создания единого текстового пространства, в котором неразрывно взаимодействуют дискурсы повествователя и героев, является актуальной областью исследований в современной лингвистике и требует дальнейшего изучения с целью совершенствования принципов интерпретации текстов.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ особенностей функционирования коннекторов в тексте художественного произведения.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих задач:

1. установить особенности функционирования коннекторов в дискурсе автора, в дискурсе персонажей и в несобственно-прямом дискурсе;
2. установить взаимосвязь между употреблением коннекторов и соответствующим дискурсом.

Поставленные задачи решались описательным методом на основе сплошной выборки языкового материала и методом контекстуального анализа, позволяющим получить комплексное представление множественности точек зрения (рассказчика и отдельных персонажей), между которыми обнаруживается контекстуальная соотнесенность, создаваемая коннекторами.

Материалом исследования послужили ситуативные контексты из романа Торнтон Уайлдера «Мост короля Людовика Святого», отобранные методом сплошной выборки и репрезентирующие особенности употребления коннекторов в тексте.

Исследование опирается на следующие положения:

1. Художественный текст подчеркнуто нелинеен и полифоничен, что является следствием его диалектической природы [1];
2. «Другой» является необходимым условием для конструктивного протекания процесса семиотизации личности и регулятором, влияющим на ее опыт и поведение [2];
3. Когезия оказывает непосредственное смыслообразующее влияние на прагматические свойства текста [3].

В проводимом исследовании в качестве основополагающей идеи выдвигается теория С. Эрлих, в рамках которой коннекторы рассматриваются как средства, моделирующие когерентность дискурса и «поддерживающие» на уровне предложения интерпретацию точки зрения [4].

Рассмотрим несколько примеров, в которых проявляется данная функция коннекторов:

(1) *I shall spare you Brother Juniper's generalizations. <...> **He thought** he saw in the same accident, the wicked visited by destruction and the good called early to Heaven. **He thought** he saw pride and wealth confounded as an object lesson to the world <...>. **But** Brother Juniper was not satisfied with his reasons* [5, с. 63].

Присутствие «персонального» повествователя грамматически обозначено посредством местоимения 1-го лица, далее повествование ведется в 3-м лице единственного числа. Союзный коннектор *but* подчеркивает незримое присутствие заинтересованного наблюдателя, который в тексте произведения скрывается за формой 3-го лица единственного числа.

(2) “<...> **he thought** there was no one in the world who believed him. **But** the next morning in all that crowd and sunlight there were many who believed, for he was much loved” [5, с. 63].

В примере (2) уточняющие вводные слова *he thought* сдвигают повествование в план персонажа. Однако коннектор *but* в предложении *But the next morning in all that crowd and sunlight there were many who believed for he was much loved* выступает средством переключения перспективы персонажа в перспективу автора. Оценочный характер предложения, реализуемый путем использования пассивной конструкции *he was much loved*, усиливает авторский голос.

Рассмотрим следующий пример:

(3) a) *Here the Perichole **would** fling her face and arms upon the table amid the pomades, caught up into a tremendous fit of weeping.* b) *Only perfection **would** do, only perfection.* c) ***And** that had never come* [5, с. 46].

Маркером авторского видения ситуации межличностного взаимодействия в предложении a) является модальный глагол *would*, отражающий отношение повествователя к объективному содержанию высказывания и придающий ему оценочный характер с помощью значения обычности, повторяемости факта. В предложении b) так называемое «будущее в прошедшем» *would do* служит знаком перехода к несобственно-прямой речи, в границах которой происходит контаминация голосов автора и персонажа. Предложение c) присоединяется ко всему предшествующему контексту посредством коннектора *and*. Поэтому представляется логичным рассматривать предложение, содержащее коннектор, как маркер несобственно-прямой речи.

Как иллюстрируют примеры (2) и (3), коннекторы могут выступать в роли дискурсивных маркеров, сигнализирующих смену плана персонажа планом автора или их слияние.

Основным семантическим значением коннекторов является значение добавления информации (коннектор присоединения – 4) и конструирования контраста (коннектор противопоставления – 5), это можно иллюстрировать следующими примерами:

(4) *Either we live by accident and die by accident, or we live by plan and die by plan. **And** on that instant Brother Juniper made the resolve to inquire into the secret lives of those five persons <...>* [5, с. 3].

(5) *It deals with one after another of the victims of the accident, cataloguing thousands of little facts and anecdotes and testimonies <...>. **Yet** for all his diligence Brother Juniper never knew the central passion of Dona Maria's life; nor of Uncle Pio's, not even of Esteban's* [5, с. 5].

Выявление характерных особенностей значений коннекторов применительно к диалогу упрощает процесс декодирования коммуникативных намерений говорящего в ходе обмена репликами. Обратимся к следующему примеру:

(6) *After a long pause Uncle Pio would admit judiciously: "You were good in the scene on the ship."*

*"**But** I've been better, Uncle Pio. You remember the night you came back from Cuzco —?"*

"You were pretty good at the close."

"Was I?"

*"**But** my flower, my pearl, what was the matter in the speech to the prisoner?"* [5, с. 46].

Союз *but* в диалогической речи часто используется в начальной позиции реплики говорящего. В приведенном выше примере говорящие, употребляя в своих репликах союз *but*, демонстрируют готовность привести убедительные доводы, провести логическое обоснование в пользу своего высказывания и сигнализируют о намерении продолжить логическое развертывание диалога.

Ряд лингвистов отмечают в своих наблюдениях, что реляционная функция дискурсивных маркеров заключается во взаимном соотнесении в составе диалога противоположных позиций.

Проанализировав приведенные в статье контекстные ситуации, можно заключить, что коннекторы реализуют в художественном тексте ряд важных функций. Во-первых, выступая в качестве дискурсивных маркеров, коннекторы обозначают границу между выражаемыми в тексте точками зрения персонажа и автора. Во-вторых, коннекторы присоединения и противопоставления выполняют организующую функцию по отношению к тексту, способствуют его когерентности. В-третьих, в рамках ситуации диалогического взаимодействия коннекторы выступают как средство развертывания текста, обеспечивающее его динамику.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 148-183.
3. Трошина Н.Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. С.50-61.
4. Ehrlich S. Point of view: a linguistic analysis of literary style. L.: Routledge, 1990. 146 p.
5. Wilder T. The Bridge of San Luis Rey // Stories to Remember. Rutgers University Press, 1978. Volume 2. pp. 1 – 67.

10.02.19

Н.М. Краснова канд. филол. наук

Марийский государственный университет,
Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
кафедра межкультурной коммуникации,
Йошкар-Ола, krasnovanadezhda5@yandex.ru

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 1930-ЫХ ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ)

В работе представлены результаты изучения калек и полукалек, образованных в горномарийском языке в 1930-ых гг. под влиянием русского языка в условиях межкультурного взаимодействия. В качестве предмета исследования выступают особенности образования и функционирования калек.

Ключевые слова: *калька, лексический состав, заимствования, термины.*

Лексический состав в наибольшей степени отражает следы культурного влияния русского языка на горномарийский язык в 1920-1930-х гг., которые носят характер заимствований. Ситуация, когда в горномарийском языке отсутствовали соответствующие лексические единицы, являлась основной проблемой для переводчиков школьных учебников в 1920-1930-ых гг. Объектом нашего исследования являются опосредованные заимствования или кальки, т.е. слова образованные путем буквального перевода соответствующей языковой единицы из русского языка. В данной работе мы будем придерживаться традиционной классификации калек в зависимости от того, что подвергается заимствованию или калькированию: словообразовательные кальки (когда из одного языка в другой переносится морфологическое строение); семантические кальки (значение слова заимствуется при семантическом калькировании) и фразеологические кальки. При калькировании терминов переводчики учебников прибегали к различным способам перевода, т.к. большинство терминов не имели эквивалентов в горномарийском языке. Переводчики заимствовали термины из русского языка и адаптировали их к орфографическим нормам горномарийского языка того периода, например: тлуйва 'трудовые дни' [3, с.92], сола хозяйства 'сельское хозяйство' [1, с.119], у свойства 'новое свойство' [2, с.7], пингиды вэшэства 'твердое вещество' [2, с.92], кушмаш точки 'точка роста' [3, с.71], тьяготьэньбй закон 'закон тяготения' [2, с.54], астырган сэлотка 'Астраханская сельдь' [4, с.48].

Для представления адекватного, соответствующего термина в марийском языке при переводе авторы совмещали в одном слове несколько значений – специальные и разговорные, в результате которого в горномарийском языке появлялись семантические кальки. В качестве основных критериев разграничения семантических калек будем считать наличие одинаковой связи значений в соответствующих словах. Новые значения приобретали слова, которые относились к наиболее употребительной лексике. У большинства слов, новые значения, появившееся в результате калькирования, легко привились в слове, т.к. семантическое калькирование происходит при условии совпадения основного, номинативного значения русского слова с основным, номинативным значением горномарийского слова, например: тыл тырхышы шун 'жароустойчивая глина' [1, с.63], нбжыл нълмбй кыйыр 'опилка' [2, с.41], цилä халык йук пумыдон айырат 'всеобщее голосование' [1, с.45], йшкэ салыманмаш 'самовозгорание' [2, с.92], таньж корныдон кашмаш 'мореходство' [1, с.119], пашадэ кашмаш 'безработица' [1, с.121].

Очень часто авторы-составители учебников прибегали к дословному переводу рассмотрим примеры, где представлено буквальное соответствие термина и его компонентов: йортымй извозка 'гашеная известь' [2, с.11], каным тома 'дом отдыха' [2, с.24], когоэмдышй охоньйца 'лупа' [3, с.71], пэлэдыш кавшта 'цветная кауста' [4, с.21], шылдыран калыа 'летучая мышь' [6, с.165], курым ыжаргэн шалгышы пушанывлă 'вечнозеленые деревья' [1, с.11], шуды качшы йлышывлă 'травоядные животные' [4, с.72], уан чий 'масляная краска' [2, с.95], чыдыш шылышы вэштывавлă 'малорастворимые вещества' [2, с.18], икпоратка санзалывлă 'средние соли' [2, с.113], охыра гань важан 'луковичные' [1, с.43].

Следует отметить тот факт, что переводчики прибегали к калькированию, когда переводимый термин относится к безэквивалентной лексике: шималгы мижан йрвыж 'черно-бурая лисица' [5, с.75], ош йрвыж 'песец' [4, с.29], шалдыра буржуази 'крупная буржуазия' [1, с.132], ош выр пырцы 'белое кровавое тельце', йакшар выр пырцы 'красные кровавые тельца' [1, с.36].

При передаче значений устойчивых словосочетаний калькирование осуществлялась при помощи замены одной из лексических единиц термина, например: кач-кач эртым точка 'точка пересечения' [7, с.32], шолмашын точка 'точка кипения' [7, с.119], шыраналтмышын точка 'точка плавления' [7, с.119], тымкылатымй точка 'точка опоры' [7, с.58], аналтмы точка 'точка соприкосновения' [7, с.31], мардэж сила 'сила ветра' [4, с.55], имныи сила 'лошадиная сила' [7, с.49], пыштым сила 'потраченная сила' [7, с.79], иктор висалтман сила 'уравновешивающая сила' [7, с.166], цэнтргыц шылымаш сила 'сила отталкивания (центробежная сила)' [7, с.39], шыраналтмыш сила 'сила сопротивления' [7, с.42], пинды тыла 'твердое тело' [7, с.96], хими вашталтмашывлă 'химические изменения' [3, с.28]. В некоторых случаях использование приема калькирования сопровождается изменением порядка следования калькируемых элементов: пэлшарывлаан карты 'карта с полушариями' [1, с.164]; кушмаш точки 'точка роста' [7, с.71].

Калькирование это не механическая операция, поскольку, используя данный способ передачи реалий и значений терминов, авторам-переводчикам учебников очень часто приходилось использовать переводческую трансформацию, при этом менялся морфологический и синтаксический статус слова. Фактический материал показывает, что не калькировались производные слова в их прямых значениях: клыэ 'клей' [1, с.39], кофэ 'кофе' [4, с.136], подпольэ 'подполье' [1, с.132], ушэлыэ 'sola' [4, с.96], шимпанзэ 'шимпанзе' [5, с.176], ртуть 'ртуть' [7, с.101], лосось 'лосось' [6, с.187], гавань 'гавань' [1, с.81]. Анализ различных случаев калькирования свидетельствует о том, что данный процесс не является механическим процессом, а подчиняется определенным закономерностям языка. Так, русскому префиксальному образованию 'неметаллы' соответствует в марийском языке калыа 'мэтал агыывлă', образованная путем свойственного марийскому языку последовательного наращения суффикса множественного числа -влă к концу основы слова агыл: мэтал агыывлă 'неметаллы' [2, с.29]. Встречается очень много примеров, где отрицательной частице из русского языка соответствует частица, отрицательный глагол *агыл*: ахалыок проста агыл 'не очень просто' [3, с.128], ик жэпан тор агыл 'неравномерное' [7, с.166], ик йиш агыл 'неоднородность' [2, с.29], икготшы агыл 'многолетний' [6, с.57]. Анализ особенностей образования вышуканных словообразовательных калек при помощи частицы (отрицательного глагола) *агыл* свидетельствует о том, что при калькировании не происходит механическое копирование структуры слова, но происходит «перенос» понятия в горномарийский язык.

Заимствование значения русского слова происходило в процессе точного воспроизведения в горномарийском языке с использованием собственных ресурсов горномарийского языка: ошмаан рок 'подзол' [1, с.36], важ сэскă кыцкы 'корнеплод' [2, с.62], анзыл шум 'предсердие' [5, с.47].

Калькирование стало возможным при сильном влиянии русского языка; естественно, что марийский язык обогащался за счет русского языка. Заимствование всех значений одного и того же слова из русского языка не происходило, чаще всего заимствовалось одно значение

иноязычного слова. Некоторые слова, несмотря на длительное существование в современном горномарийском языке, не приобретают других значений, т.е. они остаются однозначными, в связи, с чем калька таких слов приобретает не одно из его значений, а просто значение оригинала.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующее заключение: калькирование как процесс заимствования сопровождалось точным воспроизведением отношения слова к другим словам и очень редко заимствованием приемов словообразования или сочетания слов, которое согласовывалось с семантической и грамматической структурой горномарийского языка. Лексические кальки в горномарийском языке представлены словообразовательными и семантическими кальками. Следует указать на значительное превосходство семантических (98%) калек над словообразовательными (2%). Считаем, что данное количественное преобладание объясняется тем, что при образовании семантических калек авторами-переводчиками учебников учитывался схожесть значения и слова-прототипа.

Переводчики-носители горномарийского языка обладали достаточными познаниями в той или иной научной области, о чем свидетельствует очень высокое качество перевода текстов с русского на марийский язык.

Список литературы

1. *Варжанский С., Синицкий Л.*, Географи. Капиталист сәндәлйквлә гишән. Кӱдәләш школышты тымәнмӱ кнӱгә. 6-шы ин тымәншӱвләлән, Москва: Учпәдгиз, 1933. – 187 с.
2. *Вэрховский В.Н.*, Хими. Кӱдәләш школышты тымәнмӱ кнӱгә. Пӱтәриш чәстә. Москва: Учпәдгиз, 1934. – 119 с.
3. *Всәсвәтский Б.В.*, Ботаньикӱ. Кӱдәләш школылан. 5-6-шы групывләштӱ тымәншӱвләм тымдым кнӱгә. Москва: Учпәдгиз, 1933. – 159 с.
4. *Тьэтӱрәв В.А.*, Природым пәлӱмәш. Тӱнәлтӱш школышты тымәнмӱ кнӱгә. Пӱтәриш чәстә. Москва: Учпәдгиз, 1934. – 106 с.
5. *Цузмәр М.Йа.*, Зоологи. Покшал школышты тымәнмӱ кнӱгә. 6-шы дә 7-шӱ ин тымәншӱвләлән. Москва: Учпәдгиз, 1933. – 204 с.
6. *Цузмәр М.Йа.*, Зоологи. Кӱдәләш школышты 6-шы дон 7-шӱ классләштӱ тымәнмӱ кнӱгә. 2-шы издани. В.С. Шорин сәрән. Москва: Учпәдгиз, 1935. – 207 с.
7. *Фалеев Г.И., Перышкин А.В.* Физика. Учебник для средней школы. Часть вторая. Шестой год обучения. Москва: Учпәдгиз, 1934. – 167 с.

10.02.19

М.И. Кысылбанкова канд. филол. наук, Е.М. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, kysylbaikova@mail.ru, zhirkovazhenya@gmail.com

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО, КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В работе представлены результаты изучения концепта "счастье" в языковом сознании носителей английского, китайского и русского языков. По традиционному методу исследования концептов выявлены реакции путем свободного ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволил представить структуру исследуемого концепта на трех языках и выявить общее и специфичное в восприятии счастья носителями исследуемых языков.

Ключевые слова: *концепт, счастье, языковое сознание, слово-стимул, ассоциации.*

Ассоциативные реакции на концепт «счастье/happiness/幸福(Xìngfú)» носителей русского языка были взяты из ассоциативного словаря русского языка Ю.Н. Караулова [1], ассоциативного словаря английского языка (авторы Лео Постман и Джефри Кэппел) [2], а также путем проведения свободного ассоциативного эксперимента среди носителей китайского языка.

Среди носителей китайского языка в ассоциативном эксперименте приняли участие 52 человека. В ассоциативном эксперименте в Китае приняли участие студенты 1-4 курсов Хэйлунцзянского института иностранных языков. В русском ассоциативном словаре мы поработали с ассоциациями людей от 10 до 100 лет. В английском ассоциативном словаре можно найти реакции студентов, а также реакции взрослых людей.

В английском языке концепт «Happiness» имеет следующие ассоциации (118 реакций): joy/радость (17%), sadness/печаль (6,2%), smile/улыбка (4,4%), puppy/щенок (3,9%), love/любовь (3,3%), good/хороший (2,7%), sun/солнце (2,2%), health/здоровье (2,2%), warm/теплый (1,6%), gay/веселый (1,6%), glad/радостный (1,6%), warmth/тепло (1,6%), bright/яркий (1,2%), content/содержание (1,2%), free/свободный (1,1%), light/свет (1,1%), never/никогда (1,1%), pain/боль (1,1%), peanuts/комикс (1,1%), pleasure/удовольствие (1,1%), sad/грустный (1,1%), sorrow/печаль (1,2%), action/действие (1,1%), away/далеко (1,1%), bliss/блаженство (1,1%), book/книга (1,1%), boyfriend/возлюбленный (1,1%), Charles/Чарльз (1,1%), Charlie Brown/Чарли Браун (1,1%), cheer/одобрительное восклицание (1,1%), child/ребенок (1,1%), cloud/облако (1,1%), contentment/удовлетворенность (1,1%), darkness/темнота (1,1%), delight/восторг (1,1%), dog/собака (1,1%), elusive/неуловимый (1,1%), ephemeral/недолговечный (1,1%), family/семья (1,1%), to feel/чувствовать (1,1%), feeling/чувство (1,1%), forever/навсегда (1,1%), friend/друг (1,1%), giggle/хихиканье (1,1%), gladness/радость (1,1%), gloomy/мрачный (1,1%), God/Бог (1,1%), golden/золотой (1,1%), great/великий (1,1%), grief/горе (1,1%), happy/счастливый (1,1%), heaven/небо (1,1%), home/дом (1,1%), important/важный (1,1%), joyfulness/веселье (1,1%), jubilant/ликующий (1,1%), laughter/смех (1,1%), life/жизнь (1,1%), loneliness/одиночество (1,1%), lucky/везучий (1,1%), marriage/брак (1,1%), misery/страдание (1,1%), nature/природа (1,1%), neurosis/невроз (1,1%), peacefulness/миролюбие (1,1%), Plato/Платон (1,1%), question/вопрос (1,1%), quiet/тихий (1,1%), satisfaction/удовлетворение (1,1%), security/безопасность (1,1%), so/так (1,1%), sometimes/иногда (1,1%), spring/весна (1,1%), success/успех (1,1%), sun/солнце (1,1%), thought/мысль (1,1%), to try/пытаться (1,1%), unhappy/несчастный (1,1%), Utopia/утопия (1,1%), wealth/богатство (1,1%), wish/желание (1,1%), yes/согласие (1,1%).

В русском языке концепт «счастье» имеет следующие ассоциации (104 реакции): мое (8%), большое (7%), любовь (6%), близко (3%), деньги (2%), жизнь (2%), личное (2%), любить (2%), люди (2%), мимолетное (2%), найти (2%), несчастье (2%), горе (2%), огромное (2%), привалило (2%), придет (2%), солнце (2%), удача (2%), хорошее (1%), безбрежное (1%), безоблачное (1%), далеко (1%), быстротечное (1%), вам (1%), вместе (1%), восторг (1%), впереди (1%), где-то (1%), двое (1%), девушки (1%), дом (1%), есть (1%), жду (1%), зыбкое (1%), птица (1%), красное (1%), легко (1%), все (1%), люблю (1%), мало (1%), миг (1%), мимолетно (1%), мне (1%), море (1%), навек (1%), наше (1%), не всегда (1%), не светит (1%), невозможно (1%), недолговечно (1%), недостижимо (1%), недостижимое (1%), ненастье (1%), необыкновенное (1%), нереально (1%), огромно (1%), Пушкин (1%), радость (1%), развитое (1%), рай (1%), редкое (1%), свобода (1%), семейное (1%), ткать (1%), уплыло (1%), ушло (1%), хорошо (1%), человеческое (1%), шальное (1%), понимают (1%), прекрасно (1%).

В китайском языке концепт «幸福(Xìngfú)» имеет следующие ассоциации (52 реакции): 爱/любить (7,7%), 家庭 jiātíng/семья (7,7%), 自由 zìyóu/свобода (5,8%), 吃/есть, питаться (4,6%), 钱 qián /деньги (4,3%), 简单(地) jiǎndān(de)/простой (3,9%), 理解 lǐjiě/понимать (1,9%), 耐心(的) nàixīn(de)/терпеливый (1,9%), 善心 shànxīn/доброта (1,9%), 感谢 gǎnxiè/благодарить (1,9%), 音乐 yīnyuè/музыка (3,9%), 心脏 xīnzàng/сердце (1,9%), 热 rè/теплота (1,9%), 幸福的 xìngfúde/счастливый (3,9%), 富裕(的) fùyù(de)/богатый(1,9%), 历史 lìshǐ/история(1,9%), 伙人 yǒuhǔ/компания (о людях) (3,9%), 健康 jiànkāng/здоровье (3,9%), 远的 yuǎnde/далекий (1,9%), 赢得的东西 yíngdéde dōngxi/выигрыш (1,9%), 合适的 héshìde/подходящий (1,9%), 美丽(的) měilì(de)/красивый (1,9%), 瘦的 shòude/худощавый (1,9%), 休息 xiūxi/отдыхать (3,9%), 友谊 yǒuyì/дружба (3,9%), 成功 chénggōng/достижение (1,9%), 安全 ānquán/безопасность (1,9%), 和气的 héqìde/миролюбивый(1,9%), 财富 cáifù/богатство (1,9%), 实现 shíxiàn/реализовать (1,9%), 喝 hē/пить (1,9%), 玩 wán/играть, забавляться (1,9%), 满意 mǎnyì/удовлетворение (1,9%), 都 dōu/все, весь (1,9%).

Как видно, наиболее частотной реакцией у англичан является «joy/радость», что является синонимом слова «счастье». Счастье и радость понятия близкие, дополняют друг друга. Испытывая радость, можно почувствовать себя счастливым.

Частотной реакцией среди носителей русского языка является «мое (7%)». Мы пришли к мнению, что в русской культуре люди ставят свои личные ценности и счастье выше остальных. Они уделяют больше внимания своему личному счастью, чем счастьем других людей. По нашему мнению, в России с детства детей учат любить себя и четко знать, чего они хотят от жизни, вследствие чего каждый человек старается устроить в первую очередь свою жизнь и стать счастливым.

Реакции носителей китайского языка сильно отличаются от реакций русских и англичан. Для китайцев любовь и счастье – два невероятно близких понятия, неразрывно связанных между собой, а семья – это самое главное счастье. Семья, которая делает много добра другим людям, будет счастлива в следующих поколениях. Как видно, все это связано и с историей Китая.

В результате семантического анализа полученных реакций, мы получили следующие ядерные и периферийные признаки концепта «счастье» в языковом сознании носителей английского, русского и китайского языков.

В ядре концепта «счастье» в языковом сознании носителей английского языка оказывается самая частотная реакция “Joy” - 17 %.

Ближней периферией концепта «счастье» является “Sadness” - 6,2 %.

Дальней периферией концепта «счастье» является “Smile” – 4,4 %.

Крайней периферией концепта «счастье» является “Puppy” - 3,9%.

В ядре концепта «счастье» в языковом сознании носителей русского языка оказывается самая частотная реакция «Мое» - 8 %.

Ближней периферией концепта «счастье» является «Большое» - 7 %.

Дальней периферией концепта «счастье» является «Любовь» - 6 %.

Крайней периферией концепта «счастье» является «Близко» - 3 %.

В ядре концепта «счастье» в языковом сознании носителей китайского языка оказываются самые частотные реакция “爱 Ài/любить, 家庭 jiātíng/семья” - 7,7 %.

Ближней периферией концепта «счастье» является “自由 zìyóu/свобода” - 5,8 %.

Дальней периферией концепта «счастье» является “吃 Chī/есть” - 3,9%.

Крайней периферией концепта «счастье» является “钱 qián/деньги” - 4,3%.

Исходя из результатов, мы выявили общие и отличительные признаки концепта «счастье» в трех анализируемых языках. Англичане, китайцы и русские считают, что нельзя стать по-настоящему счастливыми, если вас не устраивает ваш образ жизни, люди, которые вас окружают. Англичане и русские не затронули тему семьи, а китайцы считают, что счастье жизни в том, чтобы иметь детей, но по-настоящему счастливым человеком считают того, у кого есть сын. Англичане и русские уверяют, что только от самого человека зависит его судьба, а китайцы утверждают, что не все в жизни в наших руках. По мнению представителей китайской культуры, счастье неизмеримо, в то время как представители английской и русской культур имеют свои собственные границы счастья.

Список литературы

1. Караулов, Ю.Н. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М. : Астрель, Т.1, 2002. – 781 с.
2. Geoffrey, K. Norms of Word Association / K. Geoffrey. – New York : Academic Press, 2008.

10.02.19

М.И. Кысылбаикова канд. филол. наук, М.П. Колодезникова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, kysylbaikova@mail.ru, kolodeznikova7@gmail.com

СТРУКТУРА МАКРОКОНЦЕПТА «ЛИДЕР» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В работе представлены результаты исследования макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей английского языка и китайского языков. Проведен анализ словарных дефиниций слова «лидер» с целью определения слов-стимулов исследуемого макроконцепта. Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент. Анализ полученных данных показал, что в ответах на исследуемые слова-стимулы макроконцепта можно обнаружить некоторые сходства и различия в языковом сознании представителей разных культур.

Ключевые слова: *макроконцепт, лидер, языковое сознание, слово-стимул, английский, китайский языки.*

Слово «лидер» является макроконцептом, поскольку обладает многомерной структурой, используется в разных значениях: глава государства, руководитель политической партии или какой-либо группы людей, тот, кто пользуется авторитетом и влиянием в коллективе или человек, идущий первым в каком-либо состязании.

На основе работ Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, А.В. Бабушкина, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, по степени интеграции семантических структур существует следующая типология концептов: суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты [2, с. 118-119].

Одним из открытий когнитивной лингвистики стал макроконцепт. Его отличие от концепта заключается в структуре, эмоциональной и лексической насыщенности, т.е. он включает в себя меньшие по «размеру» и объему концепты и образует своего рода основу для начала развития языковой личности и, как следствие, ее языковой картины мира [1].

По результатам анализа словарных дефиниций из толковых, энциклопедических словарей английского и китайского языков были выявлены следующие слова-стимулы: Leader/领导/лидер, person/人/человек, organization/组织/организация, country/国家/страна, group/组/группа, government/政府/правительство.

Реакции представителей английской и китайской культур были получены путем проведения ассоциативного эксперимента.

Для выявления реакций англичан на исследуемый макроконцепт, мы использовали Единбургский ассоциативный тезаурус Дж. Киша. Респондентами были в основном студенты из самых разных британских университетов. Возрастной диапазон испытуемых составлял от 17 до 22 лет.

Реакции носителей китайского языка выявили путем проведения свободного ассоциативного эксперимента среди студентов Хэйлунцзянского Восточного университета, г. Харбин, КНР в 2018 г. и студентов по обмену из КНР в Северо-Восточном Федеральном Университете в 2019 г. В качестве испытуемых выступали носители китайского языка, как родного. Всего участвовало 93 респондента.

В результате семантического анализа полученных реакций носителей исследуемых языков, все реакции были распределены по семантическим признакам, которые и представили структуру исследуемого макроконцепта.

Структуру макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей английского языка можно представить в виде следующего круга:

Рис. 1 – Структура макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей английского языка

Итак, в ядре макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей английского языка оказывается концептуальное поле «политика» - 32,45%. Сюда вошли реакции, связанные со сферой политики: *parliament/парламент*, *politics/политика*, *anarchy/анархия*, *безвластие*, *government/правительство*, *politic/политический*.

Ближней периферией макроконцепта «лидер» является «руководящие должности» - 31,65%. Сюда вошли названия руководящих должностей, такие как *boss/шеф*, *captain/капитан*, *captain/капитан*, *chief/начальник*.

Дальней периферией является поле «география» - 30,46%: Это названия стран, городов и материков: *England/Англия*, *Scotland/Шотландия*, *Wales/Уэльс*, *America/Америка*.

Крайнюю периферию представляет признак «люди» - 29,33%. Группу представляют реакции: *people/люди*, *human/человечество*, *men/люди*.

Структуру макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей китайского языка можно представить в виде следующего круга:

Рис. 2 – Структура макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей китайского языка

Итак, в ядре макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей китайского языка оказывается концептуальный признак «география» - 64,53%. Это названия стран и городов: *中国/Китай, 俄罗斯/Россия, 北京/Пекин*.

Ближней периферией макроконцепта «лидер» является признак «руководящие должности» - 59,5%. Это названия руководящих должностей разных сфер, такие как *领导/лидер, 主席/председатель, 总裁/генеральный директор, 校长/директор учебного заведения, 老大/глава*.

Дальней периферией является «политика» - 47,43%. Сюда относятся такие реакции, как *政策/политика, 腐败/борьба с коррупцией, 政府/правительство, 官僚/бюрократия*.

Крайнюю периферию представляет признак «известные личности» - 35,51%. Это: *习近平/Си Цзиньпин, 毛泽东/Мао Цзэдун, 李克强/Ли Кэцян, 邓小平/Дэн Сяопин*.

Ядро исследуемого макроконцепта в английском языковом сознании представлено семантическим полем «политика». Это говорит о том, что англичане воспринимают данный макроконцепт как лидер в сфере политики. Респондентами чаще всего упоминалось имя политического деятеля, премьер-министра Великобритании с 1964 до 1970 и с 1974 до 1976 Джеймса Гарольда Вильсона. Можно предположить, что именно этого человека, носители английского языка, считают своим лидером.

Ядро макроконцепта «лидер» в китайском языковом сознании представлено семантическим полем «география». Среди всех реакций, слово *中国/Китай* имеет самое большое количество процентов. Это объясняется тем, что китайский народ отличается своим патриотизмом и любовью к своей стране. Такие известные личности как Цзян Цзэминь, Си Цзиньпинь, Дэн Сяопин и др. в своих речах упоминали о важности патриотических чувств для развития страны. Поэтому на протяжении многих лет патриотизм остается приоритетной основой политики Китая.

В английском и китайском языковом сознаниях было выявлено сходство в ближней периферии. В двух исследуемых языках ближнюю периферию представляет концептуальный признак «руководящие должности».

Список литературы

1. *Никитина П.В.* Макроконцепт война в языковой картине мира Н.А. Дуровой / П.В. Никитина // Материалы IV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001062> (дата обращения: 26.04.2018).
2. *Убийко В.И.* Словарь концептосферы и динамика дискурса / В.И. Убийко. – М.: МГУ, 2001. – 119 с.

10.02.19

А.Л. Проводникова канд. филол. наук

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
факультет маркетинга,
кафедра иностранных языков №1,
Москва, annaprovodnikova@gmail.com

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена дистанционному образованию, его задачам и перспективам для российских высших учебных заведений. В данной работе представлены характеристики дистанционной формы обучения и его сравнение с традиционной и заочной формой образования. Обоснованы преимущества дистанционного образования для высших учебных заведений.

Ключевые слова: дистанционная форма обучения, интерактивная информационная среда, кейс-технологии.

Традиционное и дистанционное образование: характеристики

Новые информационные и коммуникационные технологии предоставляют ряд преимуществ и новых возможностей высшим учебным заведениям, модернизируя их работу [2, 8]. Система образования видоизменяется, дистанционная форма обучения становится все больше востребованным для населения.

Согласно Е.С. Полат, дистанционным обучением является новая форма обучения, которая основана на самостоятельном обучении студентов. Среда обучения при такой организации образовательного процесса характеризуется тем, что учащиеся отдалены от преподавателя и находятся с ним в контакте при помощи средств телекоммуникаций [5, 1]. С одной стороны, действительно, слушающим предоставлен достаточно объемный материал для самостоятельного изучения, работа над которым должна производиться ежедневно, с другой стороны, есть интерактивное каждодневное общение, как с преподавателем данной дисциплины, так и с остальными студентами группы, посредством вебинаров, семинаров и онлайн общения на платформе вуза или школы. Присутствие студента в системе и его активная работа в виде участия в дискуссиях с одноклассниками, вебинарах или размещения публикации по заданной теме, засчитывается как посещение занятий.

Дистанционное обучение – это новая модель образования, включающая процесс, результат, систему обучения и самообразование [5, 2]. Цели и задачи дистанционного обучения устанавливаются исходя из образовательных стандартов. Дистанционное обучение, так же, как и традиционное, наполняется содержанием, определяемым целями, задачами и характером компетентной сформированности. Основные отличия заключается в формате презентации материала и в моделях коммуникационного взаимодействия в рамках фрейма «обучающий – обучаемый». Определенным, отличным от традиционного, образом формируются и дидактические материалы, предъявляемые студенту / студентам.

Принципиальное отличие дистанционной формы обучения от очной состоит в создании новой интерактивной информационной среды, основанной на новейших инновационных информационных технологиях [3, 31]. В этих условиях обеспечивается такое информационно-образовательное пространство [6, 73] обмена учебной информацией в котором студент является исследователем, самостоятельно приобретающим и формирующим новые знания.

Дистанционное обучение требует разработки новых образовательных решений, а именно нового педагогического проектирования и дизайна. Необходимо организовать процесс обучения на онлайн платформе вуза, проработать педагогические технологии в организации данного процесса обучения.

В дистанционном образовательном процессе используются принципиально новые педагогические технологии, повышающие мотивацию, активизирующие поисковую доминанту обучающихся, стимулирующие индуктивное мышление от конкретных примеров к умозаключениям обобщающего порядка. К ним, в частности, относятся кейс-технологии. Специфика их использования в данном случае заключается в формате их предъявления с использованием аудиовизуальных и мультимедийных материалов. Особую функцию выполняют системы электронного тестирования, создающие платформу для рекурсивного обмена информацией в режиме реального времени и позволяющие при наличии ошибок внести изменения. В этом случае в усвоении материала участвуют все типы памяти, что повышает эффективность занятия. Непрерывное интенсивное взаимодействие в ходе выполнения заданий [1, 84] в рамках фреймов «индивид – группа – модератор» (обучающийся / обучающиеся – обучающий) требует и обеспечивает концентрацию внимания и высокую степень запоминаемости материала.

Техническое обеспечение организации дистанционного образовательного процесса осуществляется автором данной статьи следующим образом. До начала курса, дисциплины, каждый студент получает личный пароль для входа в систему. На этапе экспозиции учащимся предъявляется план-программа, включающая расширенное, детальное содержание курса, рекомендованную основную и специальную литературу, электронные адреса используемых видеоматериалов, а также видео требования к освоению курса, включающие критерии оценивания самостоятельных письменных работ, командных работ, участия в дискуссиях внутри группы при обсуждении каждой новой темы, критерии оценивания посещения занятий и вебинаров, штрафные санкции в случае низкой или нулевой активности учащегося. Обязательным условием является выполнение графика работ: сроков сдачи самостоятельных, тестовых, контрольных заданий, информация о плагиате. Благодаря тому, что вся информация о структуре дисциплины может быть изучена до начала занятий, учащийся может планировать свое время и иметь представление об объеме материалов на самостоятельное изучение.

Перспективы использования дистанционного образования

Существенные преимущества дистанционного обучения для российской образовательной системы значительны. Они заключаются в следующем.

Внедрение дистанционного образования приведет к решению социальных проблем в государстве, а именно предоставит качественное образование в высших учебных заведениях России удаленным регионам страны и инвалидам, сделает его доступным для всех; предоставит всем людям, вне зависимости от их возраста, возможность обучаться и раскрывать свой потенциал [4, 106]. Более того, дистанционное обучение предлагает студентам самостоятельно выбирать темп работы и последовательность прохождения предметов в ходе большого курса, например, MBA.

При условии преподавания дисциплин на иностранном языке, наличие дистанционного обучения даёт возможность вузам увеличить контингент обучающихся и расширить границы, так как привлекает русскоговорящее население ближнего зарубежья и студентов из стран всех континентов.

Внедрение дистанционного образования на государственном уровне, должно и будет способствовать развитию академических обменов, укреплению отношений между вузами на широком образовательном пространстве, обмену опытом в работе над совместными проектами, продвижению инновационных образовательных технологиях.

Список литературы

1. Марчук Н.Ю. Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. – М.: 2013. – № 4. – С. 78 – 85
2. Нагаева И.А. Дистанционные образовательные технологии в современном образовании. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2018. – С. 158
3. Неверова А.С., Барташук, Н.В. Инновационные технологии в дистанционном образовании // Общество: социология, психология, педагогика. – М.: 2015. – № 3. – С. 31-37
4. Павлов М. Формирование и использование творческого потенциала человека в экономике, основанной на знаниях. – М.: Litres, 2018. – С. 106
5. Полат Е.С. К проблеме определения эффективности дистанционной формы обучения // Открытое образование. – М.: 2005. – С. 1-7
6. Тюрикова Е.М. Дистанционное обучение – новая форма информационно-педагогической среды // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – М: 2013. – № 33. – С. 72-76.

10.02.19

¹М.И. Савостькина канд. филол. наук, ¹С.Н. Маскаева канд. филол. наук,
²Н.И. Швечкова канд. филол. наук

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева,
филологический факультет,
¹кафедра родного языка и литературы,
²кафедра литературы и методики обучения литературе,
Саранск, savostkina_MI@mail.ru, maskaeva77@rambler.ru, shvechkovanat@rambler.ru

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОРДОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье на основе анализа языкового материала раскрываются особенности употребления вводных конструкций в прозаических произведениях мордовских (мокшанских, эрзянских) писателей в структурно-семантическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: *вводная конструкция, художественный текст, структурно-семантическая функция.*

В современной лингвистике через анализ синтаксических явлений рассматриваются как общезыковые тенденции, так и черты языковой личности автора и художественного образа со свойственным им набором речевых средств, среди которых достаточное место занимают вводные конструкции.

Использование вводных конструкций в тексте полностью зависит от намерений писателя, от его желания выразить тот или иной смысл, эмоцию, от его стремления воздействовать на читателя. Вводные конструкции являются индивидуально-авторским средством построения текста, чем и интересны для исследователя.

Целью настоящей работы является выявление особенностей функционирования вводных конструкций в художественных произведениях мордовских (мокшанских, эрзянских) авторов с точки зрения структурно-семантического подхода.

Материалом исследования послужили выборки из текстов художественных произведений мордовских писателей Г. Пинясова, П. Ключагина на мокшанском и эрзянском языках. При работе над статьей были использованы методы лингвистического и структурно-семантического описания, а также сопоставления и сравнения.

Согласно наиболее устоявшейся в мордовском языкознании точке зрения, вводными «принято называть такие слова в составе предложения, которые, не являясь его членами, выражают модальные отношения, ссылку на чужое мнение или устанавливают последовательность развития мысли» [3, с. 133]. Вводными, как известно, могут быть не только слова, но и сочетания слов и предложения. Вводные компоненты вносят в предложения добавочную субъективную модальность.

Исследуя модальные слова и словосочетания в эрзянском языке, Л. П. Водясова отмечает: «... это особого рода союзы, которые выступают в качестве средств связи между независимыми компонентами и по своему морфологическому выражению они в подавляющем большинстве соотносятся или с именами, или с глаголами, или с наречиями» [1, с. 9]. Об этом же говорится в учебниках «Мокшень кяль. Синтаксис» [4, с. 116] и «Эрзянь кель. Синтаксис» [7, с. 122]. С этой точкой зрения согласны и мы [1, с. 8; 6, с. 135].

В современных мордовских языках вводные конструкции по функции можно разделить на две группы:

1) вводные конструкции:

– м. **тейне, тейтъ, тейне-арам**, э. **монь койсэ, монь коряс** «как мне кажется; по-моему; на мой взгляд»: э. *Монь койсэ, неть тевтнеде аволь тонь превтнесэ арсемс, – ацирьгадозь*

мерсь Иван [2, с. 40] «Как мне кажется, про эти дела не твоей головой думать, – с упреком сказал Иван»;

– м. **бълъшем**, э. **бульчом** «оказывается; видимо»: э. **Бульчом**, ормась сэвсь тевелявонзо [2, с. 22] «Оказывается, болезнь ела (поражала) легкое»;

– м. **къле**, э. **келя** «говорят; дескать; мол»: э. Сонгак алтась, **келя**, карми учомон пингензэ перть [2, с. 15] «Он тоже обещал, мол, будет меня ждать всю жизнь»;

– э. **видеяк**, **алкукскак** «на самом деле; честное слово; ей-богу»: э. **Ды, алкукскак, Андрей куро** *тонадсь седямо* [2, с. 24] «И, на самом деле, Андрей быстро научился играть»;

– м. **пади**, э. **паряк** «вероятно; наверное; пожалуй»: м. **Пади**, *тянка сонь лемдезь Паксянь нармоннякс* [5, с. 38] «Может быть, поэтому и называли его Полевой птичкой»;

2) вводные конструкции и член предложения:

– м. **улема**, э. **паряк** «кажется; вероятно; видимо»: э. **Паряк**, *сынъ аволь се шкастонть* [2, с. 49] «Кажется, пришел не в то время»;

– м., э. **ванан** «смотрю; гляжу»: м. *В вов тон, Афанасий Митрич, ванан*, *ков-бди ичкози сърхкать* [5, с. 16] «А вот ты, Афанасий Митрич, смотрю, куда-то далеко собрался»;

– м. **афкукс**, э. **алкукс**, **алкукскак** «действительно; на самом деле; поистине; серьезно; правда»: м. *И, афкукс, монъге кассь мялезе кирдемс шабатъ* [5, с. 111] «И, действительно, у меня появилось желания поддержать ребёнка на руках»;

– м. **кепотъксонди**, э. **саемга**, **невтемга**, **примеркс**, **невтевкс** «например»: э. *Тесэ уш эритъ кадык сетне, конатненъ трявксост ламо, примеркс, оно минек шабрась...* [2, с. 46] «Здесь уж пускай живут те, у которых забот много, например, вон наш сосед...»;

– м. э. **виде** «действительно; верно; в самом деле»: э. *Ней мон, виде, селмовтомо карго* [2, с. 73] «Теперь я, действительно, журавль без крыльев»;

– м. **кода мяляфтса**, э. **кода лецтнеса** «как помню; как запомнил»: э. **Кода лецтнеса**, *истямо пси кизэ умок уш арасель* [2, с. 59] «Как помню, такого жаркого лета давно уж не было»;

– м. **кода фалу**, э. **кода свал** «как всегда»: м. *И, кода фалу, нешкоперень азорхне работастъ сеткафтома* [5, с. 109] «И, как всегда, пчеловоды работали без масок»;

– м. **мяръгат**, э. **мерят** «думаешь; говоришь; полагаешь»: э. *Иванонъ, мерят, кие-бути локишосо таргизе* [2, с. 43] «Ивана, думаешь, кто-то плетью ударил».

Семантический круг вводных конструкций в произведениях мордовских писателей включает практически все возможные значения вводных единиц:

1. Вводные конструкции, выражающие различную степень достоверности сообщения (м., э. **виде** «действительно; верно; в самом деле»; м. **тейнза-арам**, э. **монъ коряс**, «по-моему; на мой взгляд», **улема** «кажется; вероятно; видимо»; м. **арьсян**, э. **арсян** «думаю; считаю; соображаю»; м. **кода няеви**, э. **кода неяви** «как видно» и другие), встречаются часто в произведениях П. Ключагина и Г. Пинясова: э. *Тейтерентъ чамазо сеске валдомсь, тетясь, улема, пейдеманъ кисэ мерсь, кадови казневтеме* [2, с. 32] «У девушки лицо сразу посветлело, отец, кажется, подшутил над ней, что останется она без подарка».

2. Вводные конструкции, указывающие на последовательность изложения мыслей и их связь (м. **васенцесь**, э. **васенцекс** «во-первых», м. **кепотъксонди**, э. **невтемга** «например», м. **мекланкт**, э. **мекевланг** «наоборот» и другие), достаточно часто встречаются в произведениях мордовских писателей: м. *Витясь, меколанкт, ярхцась аф эряскодозь* [5, с. 65] «Витя, наоборот, ел не торопясь».

3. Вводные конструкции, указывающие на источник сообщения (м. **корхтайхть**, э. **кортыть** «говорят», м. **маряйне**, э. **маринь** «услышала; слышала; расслышала», м. **эсь койсон**, э. **эсь койсэнъ** «по-своему» и другие), в произведениях мордовских писателей встречаются не так часто: э. *Эсь койсэ, сон бажась тееме паро урьвантень* [2, с. 32] «По-своему, он хотел сделать снохе добро».

4. Вводные слова, показывающие эмоциональную окраску – радость, удивление, переживание, обиду, упрек, жалобу (м. **павазозонк**, э. **уцясказонк** «к счастью», м. **визьксозонк**, э. **виськсэзэнек** «к нашему стыду», м. **минь пичефксозонк**, э. **мелявксозонк**

«к нашей печали» и другие), крайне непродуктивны у вышеназванных авторов: э. *Уцясказон*, *минь кенеринек меельце автобусонтень* [2, с. 19] «К счастью, мы успели к последнему автобусу».

5. Вводные конструкции, служащие для привлечения внимания собеседника, внушения определенного отношения к излагаемым фактам (м. *няйсак*, э. *нейсак* «видишь», м. э. *простямак* «прости», м. *ванка*, э. *ванта* «смотри-ка», и другие), представлены в произведениях мордовских писателей немногочисленными примерами: м. *Няйсак*, *перьфпяльсь полафтсь, мазылгодсь* [5, с. 74] «Видишь, всё вокруг изменилось, похорошело».

Таким образом, вводные конструкции в произведениях П. Ключагина и Г. Пинясова выполняют модальную, эмоциональную, экспрессивную функции, оценивание меры, привлечение внимания, последовательность информации, стилистическую образность, лаконизм, диалогичность. В анализируемых художественных текстах преобладают вводные конструкции со значением различной степени достоверности сообщения и последовательности изложения мыслей.

Вводные компоненты являются важным элементом авторского стиля писателя, детализируют образ, участвуют в создании речевой характеристики персонажа.

Список литературы

1. *Водясова Л.П.* Вводные конструкции как средство реализации связности текста в прозе К. Г. Абрамова // Вестник угроведения. – 2014. – № 2 (17). С. 8–13.
2. *Ключагин П.А.* Апак прядо моро: евтнемат, новеллат, стихть, ледстнемат. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2006. – 236 с.
3. *Коляденков М.Н.* Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 2. Синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. – 326 с.
4. Мокшень кяль. Синтаксис: учебник / аноклаф-тиф Н. С. Алямкинень и О. Е. Поляковонь вятемоснон ала. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 200 с. Мордов.-мокша яз.
5. *Пинясов Г.И.* Ялгане и содафоне – Друзья и знакомые : Расскаст и очеркт. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 240 с. Мордов.-мокша яз.
6. *Савостькина, М.И., Романенкова О.А.* Сопоставительная характеристика синтаксиса простого предложения в русском и мордовских (мокшанском, эрзянском) языках // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – № 4 (24). – С. 135–139.
7. Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель = Эрзянский язык. Синтаксис: учебник / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с.

10.02.19

Е.Ю. Семушина канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
факультет социотехнических систем,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, epospelova12@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ЭЛЛИПСИСА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются способы передачи окказионального фразеологического эллипсиса (аллюзии) на язык перевода. Исследование направлено на выявление адекватных способов передачи окказионального явления при сохранении интенции автора. Особое внимание уделяется следующим аспектам: присутствующий в тексте компонент исходной фразеологической единицы и особенности окказионального контекста и структуры исследуемых языков.

Ключевые слова: *контекстуальная трансформация; эллипсис; фразеологическая единица; компонент.*

Целью данного исследования является анализ и систематизация способов передачи окказионального фразеологического эллипсиса (аллюзии) на язык перевода, с учетом особенностей его семантики и структуры, а также его формирования, как в языке оригинала, так и перевода. Анализ проводится на базе произведений русской литературы XIX-XX вв. [8]

Способы передачи информации на язык перевода призваны обеспечить понимание текста носителем языка перевода максимально близкое к пониманию носителем языка оригинала. Причем, итоговая лингвистическая единица должна быть адекватно воспринята носителем языка перевода, что представляет особую сложность при переводе окказиональной фразеологической единицы, так как данная трансформация носит целенаправленный характер и включает в себя изменения как структуры, так и содержания лингвистической единицы, что и обуславливает актуальность исследования. Новизна исследования заключается в том, что впервые проведен системный анализ способов перевода эллипсиса с русского на английский язык.

Эллипсисом фразеологической единицы считается усечение фразеологической единицы в контексте. Данное явление является одним из наиболее сложно определяемых в контексте, так как усечение ряда элементов исходной фразеологической единицы может существенно нарушить восприятие ФЕ как единицы языка. Соответственно, и передача данного явления на язык перевода также вызывает серьезные трудности. Кроме того, проблему представляет перевод эллипсиса тогда, когда он является частью более сложной контекстуальной трансформации, например, расширенной метафоры, так как здесь на первый план выходит перевод комплексного окказионального явления [7, 10].

При переводе окказиональные ФЕ практически полностью зависят от контекста. Соответственно, при выборе соответствия, на первое место выходит анализ интенции носителя языка оригинала [3,4]. Отечественные языковеды отмечают, что, кроме вышесказанного, сложность перевода окказиональных фразеологических единиц в том, что перевод, по своей сути, является творческим процессом, которые иногда требует нестандартного подхода [5].

На наш взгляд, способ передачи фразеологического эллипсиса на язык перевода зависит от структуры исходной фразеологической единицы, а также от того, какой элемент (или элементы) остается в контексте при выполнении исследуемой трансформации в языке оригинала.

1) Элемент исходной фразеологической единицы, присутствующий в окказиональном контексте после усечения – прилагательное или причастие. В данном случае использование дополнительной окказиональной трансформации в тексте оригинала значительно облегчают перевод и дают возможность использовать фразеологический метод перевода. В следующем примере имеет место эллипсис двух ФЕ «глаза завидушие», «руки загребушие», то есть усечение субстантивного компонента сочетается с фразеологическим насыщением контекста. Из аналогов, представленных во языке перевода, выбирается тот, который позволяет использовать не только фразеологический, но и окказиональный перевод. ФЕ “smb has (greedy (big) eyes and an itching (itchy) palm” также подвергается двойному усечению, но в отличие от языка оригинала структура аналога не позволяет использовать однородные члены предложения в переводе:

*Вена-то не согласна! Ей, загребущей и завидущей, желательно обрести для себя и курляндскую корону [6, p.240]. - Vienna does not agree! To her, **greedy with itching palm**, it is advisable to get for herself the Courland crown as well.*

2) Элемент исходной фразеологической единицы, присутствующий в окказиональном контексте после усечения – существительное. Например, эллипсис ФЕ «дать по шапке» приводит к тому, что в тексте остается только субстантивный компонент в сочетании с предлогом:

*И требует, чтобы я непременно рассмешил ее. Тогда, говорит она, можешь свою Маланью **по шапке** ... а я, говорит, вся твоя! [1, с. 350].*

Из имеющихся в английском языке аналогов (*to get it in the neck, to deal a blow, to give you a sack*) выбирается тот, который можно подвергнуть эллипсису в английском языке, причем оставшийся элемент – также существительное. Как и в случае с переводом предыдущего варианта эллипсиса, сохранение структуры предложения в английском языке не представляется возможным и имеет место изменение порядка слов в предложении.

*And she wants me to make her laugh. Then, she says, **in the neck** to Malania ... and I am all yours!*

Расширенная фразеологическая метафора является комплексным случаем контекстуальной трансформации ФЕ и обычно содержат в своем составе несколько контекстуальных трансформаций [7]. При поиске соответствия для данного случая контекстуальной реализации ФЕ необходимо учитывать, что основное внимание акцентируется на расширенной метафоре в целом, а не на тех случаях трансформации, на которых она основана. Например, расширенная метафора в следующем примере основана на эллипсисе пословицы «Чужая душа-потемки» с сохранением компонента «чужая душа», которая имеет аналог “*A stranger’s heart is a deep well*”. При переводе на первый план выходит создание расширенной метафоры с использованием окказионального фразеологического перевода. _

*... Добавим к этому, что **читать в чужой душе трудно: темно, и дано не всякому**. Смутные домыслы, попытки догадок – не больше [9, p. 507]. - ... Add to this, that **to read in stranger’s heart is difficult: dark, and given not to everyone**. Vague speculation, attempts of conjecture – not more.*

Единственный вариант эллипсиса, который не вызывает проблем при переводе – передача эллипсиса пословицы. Например, русском контексте имеет место эллипсис пословицы «Свежо предание, но верится с трудом», которая легко идентифицируется в контексте и имеет эквивалент в английском языке «*The legend is still fresh but hard to believe*», которая также подвергается эллипсису при переводе.

*Прикажете верить, что мы имеем дело со стечением обстоятельств? **Свежо предание** [2, с. 490] - Do you want me to believe we’re dealing with a coincidence? **The legend is still fresh** ...*

Итак, эллипсис как вариант окказиональной трансформации ФЕ в контексте является одним из сложно переводимых случаев передачи окказионального явления на язык перевода. Анализ практического материала показал, что наиболее адекватным способом перевода

является окказиональный фразеологический метод перевода, который включает в себя изменение структуры соответствия в языке перевода, осуществляемые путем, аналогичным контекстуальным изменениям в фразеологической единице в тексте оригинала. Ключевым фактором для успешной передачи усеченной фразеологической единицы является степень узнаваемости той ее части, которая осталась в контексте после усечения. При переводе эллипсиса, который является частью более сложной контекстуальной трансформации, например, расширенной метафоры, на первый план выходит перевод окказионального явления в целом, а не его составляющих.

Список литературы

1. Березовский Ф.А. Бабы тропы. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1966. 500 с.
2. Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 608 с.
3. Зинатуллина Л.М. Безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016. № 5 (59). С. 82-85.
4. Зинатуллина Л.М. Использование контекстуально нетрансформированных адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: Изд-во ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет, 2014. № 26 (355). С. 47-50.
5. Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах. Казань: Изд-во Каз. Университета. 2010. 170 с.
6. Пикуль В.С. Избранные произведения: в 4-х томах. Т.1. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоановны. М.: Современник, 1988. 589 с.
7. Семушина Е.Ю. Комплексные случаи трансформации фразеологических единиц, основанные на насыщении контекста (на материале английского и русского языков) // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского университета, 2013. № 3 (33). С. 126-130.
8. Семушина Е.Ю. Фразеологическое насыщение контекста (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1(8). С. 138-141.
9. Толстая Т. Соня // Хрестоматия по современной русской литературы для старшеклассников и абитуриентов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 500-509.
10. Kayumova A.R., Konopleva N.V. Phraseological units semantically oriented to a male person in the English language // Asian social science 2015. Vol.11, №19. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/51603>

10.02.19

Чжан Хундань, Л.С.Заморщикова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Кафедра французской филологии,
Якутск, hongdan.zhang@mail.ru, lszam@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

В работе представлены результаты исследования коммерческой рекламы в Китае, ее история и современное состояние. Реклама исследуется как креолизованный текст. Выявляются особенности функционирования вербального и невербального компонентов.

Ключевые слова: *коммерческая реклама в Китае, вербальный компонент, невербальный компонент, креолизованный текст.*

В связи с глобальными преобразованиями мировой экономики и международных экономических обменов, коммерческая реклама в Китае сегодня приобретает особую актуальность. Реклама в Китае возникла более 10 веков назад. В эпоху правления династии Тан использование фонарей в качестве рекламных объявлений было одним из отличительных признаков ресторанов. Фонари немного отличались по форме, например, фонари ресторанов имели форму колбы, а фонари аптек были похожи на тыкву. Во времена династии Сун появились рекламные баннеры, с изобретением технологии печати иероглифами началась история печатной рекламы. Уже в эпоху Минг и Цин торговцы часто наносили информацию о товарах на вывески, придавая вывескам конкретные прагматические цели.

После открытия Китая для западных стран в 19 веке произошел не только подъем экономики, но и появились новые средства и виды рекламы. С 1840 года до 1949 года рекламу в основном печатали на газетах и журналах. После образования нового Китая (1949 год) реклама развивалась медленно, она была запрещена во время Культурной революции. С 1978 года реклама в Китае получила импульс к восстановлению и развитию. После проведения политики реформ и открытости и в связи с быстрым развитием рыночной экономики, повышением конкуренции в бизнесе в Китае и за рубежом, реклама в Китае вступила в этап бурного развития и процветания. Как отмечает Т.Н.Лобанова, «ввиду особенностей культурно-исторического развития Китая одной из его отличительных черт является приверженность к культуре и традиции, что также можно проследить и на примере анализа современной телевизионной и газетной рекламы. В рекламных роликах через обращение к традиционной культуре происходит представление современных брендов и услуг». Что касается лингвистических особенностей, то именно слоганы играют ключевую роль [3].

Реклама как креолизованный текст состоит из вербального и невербального компонентов, связанных на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Невербальные компоненты выполняют информативно-экспрессивную функцию, взаимодействуя с вербальными компонентами – слоганом, названием предмета рекламы, коммуникативно-адресным сообщением, аргументами, рекламным образом, тоном рекламного объявления [1].

Современная коммерческая реклама унаследовала и активно использует элементы традиционной китайской культуры.

Под влиянием конфуцианства китайская культура характеризуется как «коллективистская идея», в ней принято говорить «мы». Ценность человека определяется его важностью для коллектива. Поэтому в Китае часто можно услышать слоган «общественный выбор», коллективистская культура является основным фактором в развитии покупательского поведения. Использование элементов традиционной культуры в коммерческой рекламе очень обширно. В первую очередь, это традиционные элементы визуальных символов, такие как феникс, дракон, китайские узлы, летучие мыши, персики, цветы лотоса и т. д. Эти элементы являются символами духовного и культурного мира предков, обеспечивающие с ними непрерывную связь. Это важный невербальный компонент традиционных элементов визуального символа в коммерческой рекламе Китая, играющий решающую роль в творческой деятельности.

Во-вторых, текстовые графические символы. «В мире китайские персонажи, вероятно, являются единственными словами, которые могут цениться как эстетические произведения искусства» [4]. Благодаря трансформации и сочетанию китайских иероглифов формируются традиционные китайские благоприятные слова, которые являются своего рода символом для молитвы о благосклонности судьбы, о счастье и для привлечения богатства.

В лингвистическом аспекте в китайской рекламе используется широкий спектр лингвостилистических средств (лексические единицы со значением благоприствования, апеллирование к образу великих людей Китая, заимствования из английского языка, стилистических приемы, синтаксические средства). Сюй Син в статье о рекламном стиле в китайском языке и его лексических особенностях отметил, что реклама принадлежит к новому стилю-стилю рекламы. Он отличается свежестью, занимательностью, простотой и доступностью [5].

Чтобы донести до потенциальных покупателей наиболее важные факты и сведения о товарах и услугах, в рекламе очень часто используются лексические средства, включающие в своем значении положительный компонент: “新” (xin) (новый), “好” (hao) (хороший), “美” (mei) (красивый, прекрасный), “靓” (liang) (красивый, модный), “健康” (jian kang) (здоровый), “完美” (wan mei) (совершенный, прекрасный), “美好” (mei hao) (прекрасный, лучший), “美丽” (mei li) (красивый) и т.д.

从更大到更好。(От большего до лучшего) (реклама электроприбора «长虹»); 均衡营养, 让美丽更健康。(Со сбалансированным питанием сделайте вашу красоту более здоровой) (реклама супа «康大U味芦荟海底椰鸡汤»); 喝汇源果汁, 走健康之路。(Пейте напиток «汇源», идите по дороге здоровья) (реклама напитка «汇源果汁»).

Широко используются стилистические приемы, среди которых наиболее часто сравнение, олицетворение, метафора, и т.п.

柔似女情, 暖似父母心。(Бельё теплое, как забота родителей) (реклама белья «三枪»); 亲密的邻居, 温情的苏果。(Добродушный супермаркет «苏果», близкий как ваш сосед); 老朋友, 总有新感觉。(Сигарета «红梅香烟» - старая подруга, всегда (вызывает) новое чувство); 播下幸福的种子, 托起明天的太阳。(Сеять семена счастья и задержать завтрашнее солнце) (реклама водки «种子酒»).

В китайской рекламе часто обыгрывают словообразовательные возможности языка. Нарушение и обыгрывание словообразовательных моделей приводит к переосмыслению значения частей слова, вызывает новый эффект [2]. Эти «нарушители продуктивности слов» также встречаются в рекламных текстах. Для достижения яркого эффекта часто используется окказиональная инновация, которая может быть мотивирована как непосредственно, так и ассоциативно. Путем неправильного искажения словарного запаса и орфографии создаются случайные слова, соответствующие прагматической задаче этой рекламы.

В словообразовательных моделях чаще всего используются префиксы 畅- (chang) (свободный), 爽- (shuang) (приятный, веселый), 超- (chao) (супер-, сверх-), 靓- (liang) (элегантный, нарядный) и т.д.

- 超静音, 超节能, 超健康, 志高空调。(ультра-тихий, супер экономия энергии, супер здоровье) (кондиционер «志高空调»);
- 靓号网。(liang hao wang) (нарядный номер телефона на сайте) (реклама мобильного телефона «中国联通»).

В дизайне современной коммерческой рекламы большое значение имеет цвет. Использование традиционных цветов в рекламном дизайне Китая способствует формированию китайского стиля дизайна. Например, красный, желтый и т. д. - это все цветовые формы с китайскими национальными характеристиками. Красный цвет представляет собой праздничный, благоприятный, желтый - богатство, власть. Умелое использование традиционной колористики делает коммерческую рекламу яркой, свежей, повышает ее привлекательность, вызывает эмоциональный резонанс аудитории и производит глубокое впечатление на аудиторию. Известная китайская компания спортивной одежды и ее бренд «Ли Нин» являются национальным брендом, успешным примером интеграции этнических элементов в современный спортивный дизайн. Бренд назван в честь знаменитой китайской гимнастки Ли Нин. Коммерческая реклама бренда Ли Нин глубоко проникает в аудиторию через элементы традиционной китайской культуры и посредством апеллирования к спортивным достижениям страны, создала хороший корпоративный имидж, продвигающий национальные ценности.

В целом, современная китайская коммерческая реклама ищет свой стиль, свой дизайнерский почерк, отвечающий требованиям сегодняшнего информационного пространства, но обязательно с учетом национальной специфики – вековых традиций и реалий современного Китая на уровне вербального и невербального составляющих.

Список литературы

1. Елина Е.А. Семиотика рекламы: учебное пособие / Е. А. Елина. – 2-е изд. – М.: Дашков и К, 2012.-С.136.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра// Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.-: Изд-во Наука,1983.-С.172-214.
3. Лобанова Т.Н. Реклама в КНР: попытка продать между строк// Культура и наука Дальнего Востока. №2(22). 2017. -С.62-70.
4. 张应杭、蔡海蓉主编.《中国传统文化概述》.上海.上海人民出版社. 2000.279页.
5. 徐星.广告语体及其词汇特点.[J] // 外语研究2002/2.38页.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Т.А. Алпатова

РОССИЯ И ЗАПАД В ИДЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ КОМЕДИИ
ЕКАТЕРИНЫ II «ОБМАНЩИК»

Ключевые слова: Екатерина II, просвещение, комедия, идейная структура пьесы, речевая характеристика.

В статье рассматривается комедия Екатерины II «Обманщик» как наиболее последовательная реализация противопоставления «Россия» и «Запад» в идейной концепции императрицы-писателя. Анализ организации речевых характеристик персонажей в контексте идейной структуры пьесы в целом выявляет, что понятия «Россия» и «Запад» носят для Екатерины этический-этнический, а не географический характер. Могут по-разному соотноситься и оцениваться в зависимости от авторской концепции. Сделаны выводы о значении творчества Екатерины в развитии представлений о культурных универсалиях «свое» и «чужое» в русской литературе последней трети XVIII века.

Т.А. Алпатова

КОНЦЕПТ «ПОДЪЯЧИЙ» КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА
САТИРИЧЕСКОГО «ТЕКСТА» А.П.СУМАРОВОВА

Ключевые слова: Екатерина II, А.П.Сумароков, образ, сатира, басня, свертхтекст.

В статье рассматривается сатирический свертхтекст Сумарокова как пример просветительской сатиры времен Екатерины II. Рассмотрение образа подъячего позволяет уяснить как специфику социальной антропологии писателя, так и особенности его культурно-политической концепции. Не только в рационалистических осуждениях, но и в эмоциональной авторской оценке образ этот оказывается одним из ключевых в художественном мире писателя, позволяет приблизиться к пониманию строения его поэтической системы в целом.

Т.А. Алпатова, Т.И. Акимова

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Ю.М. ЛОТМАНА
В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ «ГАЛАНТНОГО ДИАЛОГА»

Ключевые слова: «галантный диалог», литературное творчество Екатерины II, салонная культура, русско-французские связи, Просвещение.

В статье представлены результаты исследования, посвященные проблеме «галантного диалога» как авторской стратегии в русской литературе XVIII века, прежде всего, в творчестве императрицы Екатерины II. Для основания его используются теоретические и методологические работы Ю.М. Лотмана по изучению русской дворянской культуры XVIII – начала XIX века и утверждается связь с французским салоном.

В.Д. Посельская, Е.М. Ефремова,

ИТОГОВАЯ КНИГА СТИХОВ КАК ОСОБАЯ
МЕТАЖАНРОВАЯ ФОРМА В ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ
(С. ДАНИЛОВ, С. ТАРАСОВ)

Ключевые слова: жанр, жанровый статус, метажанр, метаструктура, циклизация, итоговая книга, автор, авторская концепция, формы выражения авторского сознания, архитектура, лирический субъект, лирический герой, индивидуальный стиль.

В статье рассмотрены характерные жанровые признаки особой разновидности книги стихов в якутской лирической поэзии как итоговая книга стихов. Книги стихов «Золотые дожди Сергеляха» Сем. Данилова и «Неспелые песни» и «Гость золы с очага» С. Тарасова впервые изучены как полноценные авторские, политематические, инвариантные метажанровые структуры, в которых обоснованы концептуальные, философские представления, связанные с итоговым, завершающим периодом жизни. Данный принцип является основополагающим при оформлении художественной целостности анализируемых книг стихов.

Т.А. Alpatova

«RUSSIA» AND «WEST» IN THE IDEAL STRUCTURE OF
THE COMEDY OF CATHERINE II «THE LIES»

Keywords: Catherine II, enlightenment, comedy, ideological structure of the play, speech characteristic.

This paper examines the comedy of Catherine II "The Deceiver" as the most consistent implementation of the opposition "Russia" and "West" in the ideological concept of the empress writer. An analysis of the organization of the speech characteristics of the characters in the context of the ideological structure of the play as a whole reveals that the concepts of "Russia" and "West" are ethical and ethnic, rather than geographical, for Catherine. They can be correlated and evaluated in different ways depending on the author's concept. Conclusions are drawn about the importance of Catherine's work in the development of ideas about cultural universals "her" and "alien" in Russian literature of the last third of the 18th century.

Т.А. Alpatova

CONCEPT "POD'YACHIIY" AS THE KEY UNIT OF THE
SATIRIAN "TEXT" BY A. SUMAROKOV

Keywords: Catherine II, A. Sumarokov, image, satire, fable, supertext.

The article considers the Sumarokov's satirical supertext as an example of enlightening satire from the time of Catherine II. Examination of the image of the clerk allows us to understand both the specifics of the writer's social anthropology and the features of his cultural and political concept. Not only in rationalistic convictions, but also in emotional author's assessment, this image turns out to be one of the key in the writer's art world, and allows us to get closer to understanding the structure of his poetic system as a whole.

Т.А. Alpatova, T.I. Akimova

VALUE OF WORKS BY Y.M. LOTMAN IN DEVELOPING
THE PROBLEM OF "GALLANT DIALOGUE"

Keywords: "gallant dialogue," literary creativity of Catherine II, salon culture, Russian-French ties, Enlightenment.

The article presents the results of the study on the problem of "gallant dialogue" as an author's strategy in Russian literature of the 18th century, first of all, in the work of Empress Catherine II. To base it, the theoretical and methodological works of Y.M. Lotman on the study of Russian noble culture of the 18th - early 19th century are used and the connection with the French salon is confirmed.

V.D. Poselskaya, E.M. Efremova

THE FINAL BOOK OF POEMS AS A SPECIAL META
GENRE FORM IN YAKUT POETRY
(S. DANILOV, S. TARASOV)

Keywords: genre, genre status, meta-genre, metastructure, cyclization, final book, author, author's concept, forms of expression of author's consciousness, architectonics, lyrical subject, lyrical hero, individual style.

The article deals with the characteristic genre features of a special kind of book of poems in Yakut lyrical poetry as a final book of poems. The book of poems "Golden showers Sergelyakh" Sem. Danilova and "Unsung songs "and" Guest of ashes from the hearth " by S. Tarasov were studied for the first time as full-fledged author's, polythematic, invariant meta-genre structures, in which conceptual, philosophical ideas related to the final, final period of life were substantiated. This principle is fundamental in the design of the artistic integrity of the analyzed books of poetry.

Янь Куань

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ РАННИХ
РОМАНОВ В. НАБОКОВА И Г. ГАЗДАНОВА

Ключевые слова: фиксации времени, “Машенька” В. Набокова, “Вечер у Клэр” Г. Газданова, специализация времени, длительность времени, антиисторизм.

Статья посвящена анализу форм и способов переживания времени в романах В. Набокова «Машенька» (1926) и Г. Газданова «Вечер у Клэр» (1929). Принципиальный антиисторизм, негативное отношение к социально-политической современности, присущие большей части писателей-эмигрантов первой волны, по-разному воплощались в конкретных произведениях разных авторов. Цель статьи – провести сопоставление способов фиксации времени, отраженных в дебютных романах двух самых ярких писателей младшего поколения русской эмиграции. Такое сопоставление позволяет конкретизировать представления об экзистенциальном мироощущении Набокова и Газданова, обусловившем ранний этап их творческой эволюции. Сделаны выводы о том, что Набоков стремится к специализации времени, придает времени свойства физически ощутимой «дискретной» субстанции – с помощью таких предметных образов, как календарь, кинофильм, письма и часы. Напротив, Газданов сравнивает время с музыкой и подчеркивает его континуальность, непрерывность, психологическую нечленимость и внутреннюю цельность.

A.U. Kinyabulatov, L.G. Shuvaeva, S.G. Aksenov,
L.F. Khuziahmetova, V.F. Usmanov, E.V. Tulkubaeva,

Ю.С. Ременникова, Э.Ф. Якуп, А.З. Газизова
ВКЛАД АКАДЕМИКА РАН А.М. СТОЧИКА (1939—2015 ГГ.)
В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ПО
РАЗДЕЛУ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И СПОРТА

Ключевые слова: построение статьи, медицина, здравоохранение, физическая культура и спорт.

Академик РАН Андрей Михайлович Сточик (1939—2015 гг.) внёс значительный вклад в развитие российской медицинской журналистики, будучи генеральным директором Научно-практического объединения «Медицинская энциклопедия» РАМН разработал основные научные принципы составления статей по разделу медицина, здравоохранение, физическая культура и спорт.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.F. Usmanov, L.G. Shuvaeva,
L.F. Khuziahmetova, E.F. Yakup, A.Z. Gazizova, V.S. Kruglikova,
I.M. Zakirov

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
В РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И
СПОРТА БАШКОРТОСТАНА

Ключевые слова: Союз журналистов, журналистика, идеология, регион.

Союз журналистов Республики Башкортостан с 1957 года проводит большую информационную работу с 4-миллионным населением. На современном этапе поставлены новые цели и задачи для журналистского сообщества для развития медицины, здравоохранения, физической культуры и спорта в Республике Башкортостан.

O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, T.A. Koloskova,
E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИМИНУТИВОВ
В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: диминутивы, разговорная речь, оценочное значение, экспрессивные языковые единицы, прагматическая функция.

Данная статья посвящена структурно-семантическому исследованию диминутивов в русской разговорной речи, употребляемых как в процессе устного неофициального общения, так и в социальных сетях. В работе рассматриваются особенности функционирования в речи слов с уменьшительно-ласкательным значением, деривационные процессы создания коннотативного компонента в структуре их

Yan Kuan

THE TEMPORAL ASPECTS OF POETICS IN EARLY
NOVELS OF V. NABOKOV AND G. GAZDANOV

Keywords: time fixing, “Mary” by V. Nabokov, “An Evening with Claire” by G. Gazdanov, spacializaton, time-lasting, antihistoricism.

The article is devoted to analyzing the perception of time in V. Nabokov's novel “Mary” (1926) and G. Gazdanov's novel “An Evening with Claire” (1929). Fundamental anti-historicism and a negative attitude to socio-political modernity are an inherent part in most of the emigre writers of the first wave. They were embodied differently in specific works of different authors. The aim is to compare time fixing methods as reflected in the debut novels by two younger-generation writers of Russian white émigré. Such a comparison makes it possible to specify ideas about the existential attitude of Nabokov and Gazdanov, which determined the early stage of their creative evolution. Nabokov seeks to create a spatial image of time, endows it with qualities of tangible substance resorting to such material markers as calendar, film, letter, and clock. Gazdanov draws an analogy between time and music, emphasizing its continuity and inner integrity.

A.U. Kinyabulatov, L.G. Shuvaeva, S.G. Aksenov,
L.F. Khuziahmetova, V.F. Usmanov, E.V. Tulkubaeva,

Ю.С. Ременникова, Э.Ф. Якуп, А.З. Газизова
CONTRIBUTION OF THE ACADEMICIAN OF THE RAS
A.M. STOCHIKA (1939—2015) IN THE DEVELOPMENT OF
THE RUSSIAN JOURNALISM ON HEALTH CARE,
PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Keywords: medicine, healthcare, physical education and sport. Academician of the Russian Academy of Sciences Andrei Mikhailovich Stochik (1939—2015) made a significant contribution to the development of Russian medical journalism, being the general director of the Scientific and Practical Association Medical Encyclopedia of the Russian Academy of Medical Sciences, he developed the basic principles for compiling articles on medicine, healthcare, physical education and sports.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.F. Usmanov, L.G. Shuvaev,
L.F. Khuziahmetova, E.F. Yakup, A.Z. Gazizova,
V.S. Kruglikova, I.M. Zakirov

THE ROLE OF JOURNALISM AT THE PRESENT STAGE IN
THE DEVELOPMENT OF MEDICINE, PHYSICAL
CULTURE AND SPORTS OF BASHKORTOSTAN

Keywords: Union of Journalists, journalism, ideology, region. Since 1957, the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan has been carrying out extensive information work with 4 million people. At the present stage, new goals and objectives have been set for the journalistic community for the development of medicine, healthcare, physical education and sports in the Republic of Bashkortostan.

O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, T.A. Koloskova,
E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva

POTENTIAL POSSIBILITIES OF THE DIMINUTIVES
WORDS IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

Keywords: diminutive, colloquial speech, estimated value, expressive language units, pragmatic function.

This article is devoted to the structural and semantic study of diminutives in Russian colloquial speech, used both in the process of oral informal communication and in social networks. The paper deals with the peculiarities of the functioning of words with diminutive suffixes in speech, derivational processes of creating a connotative component in the structure of their lexical meaning. The authors conclude that the new diminutives in the form of “mimic” vocabulary are a linguistic sign of the beginning

лексического значения. Авторами делается вывод о том, что новые диминутивы в форме «мимимишной» лексики являются языковой приметой начала 21-го века, высокая степень их употребительности связана с появлением производных слов, с развитием синонимических и антонимических отношений, их потенциальные коммуникативные возможности реализуются в прагматической функции.

А.Г. Гилемшина

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: арабские онлайн-издания, арабские СМИ, устойчивые выражения, язык СМИ, лексикология, корпусная лингвистика, перевод арабских СМИ.

Настоящая статья представляет собой попытку выявить и обобщить тенденции употребления устойчивых словосочетаний в языке популярных арабских онлайн-изданий, посвященных общественно-политической и экономической проблематике, рассмотреть основные проблемы их перевода на русский язык, а также обозначить основные ориентиры, на базе которых в дальнейшем возможно осуществление полномасштабных лексикологических и корпусных исследований текстов арабских СМИ. Особое внимание уделяется лексическим новообразованиям последних десятилетий и соотношению среди них фонетических заимствований и калькированных сочетаний.

Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТОЙКОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ В РАБОТЕ» В РУССКОМ И ИРАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: Фразеологические единицы, русский и иранский менталитеты, тематикон «терпения и стойкости в работе», труд, общие и специфические черты, лингвокультурология. Статья посвящена фразеологическим единицам, выражающим тематику терпения и стойкости в работе в русском и иранском языках. На конкретных примерах показаны разные значения и место употребления таких ФЕ в определенных коммуникативных ситуациях.

Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ономастика, ономастическая концептуализация, РКИ, концепт «Россия». Статья посвящена анализу имен собственных в учебниках по русскому языку как иностранному (РКИ) в рамках исследования ономастической концептуализации образа России. Концепт «Россия» получает свою вербальную репрезентацию в текстах лингвострановедческого характера в зависимости от коммуникативных установок авторов учебных пособий и аудитории, для которой они предназначены.

Ю.Ю. Литвиненко, Е.Ю. Некрасова, М.А. Шутяк АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Ключевые слова: русский язык, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, ассоциативное поле.

Статья посвящена проблеме отражения концептуальных представлений в языковом сознании. С этой целью среди иностранцев был проведен направленный ассоциативный эксперимент. На основе полученных данных было сформировано пять семантических групп: «Предмет изучения», «Оценка», «Россия», «Средство коммуникации и жизнедеятельности», «Значимость». Выявленное процентное соотношение реакций позволило определить зоны ассоциативного поля и сделать выводы о значимых признаках исследуемого понятия.

of the 21-st century, the high degree of their use is associated with the appearance of derivative words, with the development of synonymous and antonymic relations, their potential communicative capabilities are realized in a pragmatic function.

A.G. Gileshina

SUSTAINABLE WORD COMBINATIONS IN THE LANGUAGE OF MODERN ARAB ONLINE EDITIONS AND THE PROBLEMS OF THEIR TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: Arabic online media, Arab mass media, collocations, media language, lexicology, corpus linguistics, translation of Arab mass media.

This paper is an attempt to find and generalize the trends of using set collocations in the language of popular Arabic online media devoted to social-political and economic problems, to examine the main issues of their translation to Russian and to establish the basic focal points that will help to conduct further large-scale lexicological and corpus studies of the texts of Arab mass media. Particular attention is paid to lexical neologisms of the last few decades and the correlation between phonetic loan words and calques among them.

Jebreil Najafi, E.F. Kirov PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE THEMATIC GROUP “PERSEVERANCE AND PATIENCE AT WORK” IN RUSSIAN AND IRANIAN LANGUAGES

Keywords: Phraseological units, Russian and Iranian mentalities, the theme of "perseverance and patience at work", labor, general and specific features, linguoculturology. The article is devoted to phraseological units expressing the theme of patience and perseverance in work in the Russian and Iranian languages. The concrete examples show different meanings and the place of use of such phraseological units in certain communicative situations.

I.N. Dracheva, N.S. Diakova PROPER NAMES IN MODERN TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE ASPECT OF LANGUAGE CONCEPTUALIZATION

Keywords: cognitive linguistics, onomastics, onomastic conceptualization, Russian as a foreign language, the concept of "Russia".

The article deals with the analysis of proper names in the textbooks on Russian as a foreign language during the study of onomastic conceptualization of the concept of "Russia". In the textbooks, this concept is verbalized according to the communicative aims of the authors and the target audience.

Yu.Yu. Litvinenko, E.Yu. Nekrasova, M.A. Shutia ASSOCIATIVE FIELD «RUSSIAN LANGUAGE» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF FOREIGNERS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF FOREIGNERS

Keywords: Russian language, associative experiment, language consciousness, associative field.

The article is devoted to the problems of reflecting conceptual representations in language consciousness. According to the aim, a directional associative experiment was done among foreigners. Five semantic groups were formed based on the data: "Subject of study", "Evaluation", "Russia", "Means of communication and life functions", "Significance". The revealed percentage ratio of reactions made it possible to determine the zones of the associative field and provide the conclusions about the significant features of the studied concept.

А.В. Потанина

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНЕМОТЕХНИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: мнемотехника, обучение, эффективность обучения, русский язык, орфография, мнемонические соответствия.

В статье излагаются теоретические основы понятия «мнемотехника», представлены мнемотехнические приёмы, описываются особенности их использования на уроках русского языка с целью облегчения запоминания речупотреблений, которые не поддаются обобщению.

В.В. Радченко

ТИПЫ И ХАРАКТЕР ОЦЕНОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: социальная оценка, политический дискурс, типы оценок, характер оценок.

В статье предпринимается попытка определения типа и характера оценок, функционирующих в политическом дискурсе. Предметом исследования является социальная оценка, имеющая свою специфику и структуру. Социальная оценка рассматривается с позиции трех составляющих: объекта, субъекта и характера оценки.

М.А. Секерина

ДИСКУРС «О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ» В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, языковой коллектив, дискурсивная стратегия, субъект публичного дискурса, культура речи, дискурс-анализ.

В работе характеризуются основные дискурсивные практики «говoreния» «о культуре речи» в неформальной интернет-коммуникации, рассматривается социокультурная оппозиция «экспертное/профанное участие в создании речевой культуры, исследуется модель формирования лингвокультурной идентичности носителя среднелитературного типа речевой культуры.

Р.Ш. Болотова

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: деловой английский, межличностная коммуникация, кросскультурная мотивация, межкультурная компетенция, коммуникационный процесс.

В статье рассматривается важность обучения деловому общению при преподавании английского языка в вузе после достижения студентами уровня Intermediate. Прослеживается нарастающая популярность и потребность использования навыков делового английского. Подчеркивается использование разных методов и подходов, важность овладения компетенциями в межкультурной коммуникации.

Е.В. Машкова, И.В. Белкина, Ю.В. Яценко

МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА» ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМОЙ «TO WIN» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: фрейм, субъект, предикат, обязательный компонент, факультативный компонент, успех.

В рамках статьи анализируется глагольная лексема to win, обладающая значением «достижение успеха», дается описание структурных схем, в которых данная лексема может быть представлена на языковом уровне, изучаются способы выражения обязательных и факультативных компонентов исследуемого фрейма.

О.П. Мотина, В.А. Саблукова

ОСОБЕННОСТИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: паронимия, паронимическая оппозиция, фонологическая структура, трансформация фонем.

В работе предпринята попытка описания фонологической структуры паронимических единиц, составляющих ядро соответствующего поля. Исследования фонемного состава лексем позволяют определить соотношение вокалических,

A.V. Potanina

FEATURES OF MNEMONICS USE IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

Keywords: mnemotechnics, efficiency of language teaching, mnemonic techniques, educational process. Orthography, Russian.

The article presents the theoretical foundations of the concept of "mnemonics", mnemonics techniques are presented, describes the features of their use in the lessons of the Russian language in order to facilitate the memorization of speech, which can not be generalized

V.V. Radchenko

TYPES AND NATURE EVALUATION OF POLITICAL DISCOURSE

Keywords: social evaluation, political discourse, types of evaluation, nature of evaluation.

The article attempts to determine the type and nature of assessments functioning in political discourse. The subject of the study is social assessment, which has its own specificity and structure. Social evaluation is considered from the perspective of three components: object, subject and nature of evaluation.

M.A. Sekerina

DISCOURSE "ON THE CULTURE OF SPEECH" IN INFORMAL INTERNET COMMUNICATION AS A MODEL OF LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY FORMATION

Keywords: linguistic and cultural identity, language collective, discursive strategy, subject of public discourse, culture of speech, discourse analysis.

The paper describes the main discursive practices of "speaking" "about the culture of speech" in informal Internet communication, examines the socio-cultural opposition "expert / profane participation in the creation of speech culture, examines the model of formation of linguistic and cultural identity of the medium-literary type of speech culture.

R.Sh. Bolotova

TRAINING IN BUSINESS COMMUNICATION - AN INTEGRAL PART OF STUDYING ENGLISH

Keywords: Business English, interpersonal communication, cross-cultural motivation, intercultural competence, communication process.

The article shows the importance of teaching business communication when teaching English at a university after students reach the Intermediate level. There is a growing popularity and need to use Business English skills. The use of different methods and approaches, the importance of mastering competencies in intercultural communication are emphasized.

E.V. Mashkova, I.V. Belkina, Y.V. Yatsenko

«MECHANISM OF THE FRAME «ACHIEVEMENT OF SUCCESS» REPRESENTATION BY THE VERBAL LEXEMA «TO WIN» (ON THE BASIS OF THE ENGLISH LANGUAGE)»

Keywords: frame, subject, predicate, obligatory component, optional component, success.

The article deals with the analysis of the verb «to win» in the meaning of «achieving success». The author describes the structural schemes in which this verb can be represented at the language level, explores the ways of expressing obligatory and optional components of the studied frame.

O.P. Motina, V.A. Sablukova

PECULIARITIES OF PHONOLOGICAL STRUCTURE OF ENGLISH PARONYMS

Keywords: paronymy, paronymic opposition, phonological structure, phoneme transformation.

The article attempts to describe the phonological structure of the paronymic units that make up the core of the corresponding field. Studies of the phonemic composition of lexemes enable to determine the ratio of vocalic, consonantal, and combined

консонантных и комбинированных паронимов английского языка. Выявлен наиболее продуктивный тип трансформации фонем.

Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин
УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕМ
ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Ключевые слова: устаревшая лексика, архаизм, структура
словарной статьи, тематическая классификация.

Статья посвящена исследованию процессов архаизации немецкой лексики с привлечением лексикографических данных. Проводится анализ лексикографической комбинаторики, в том числе локализации помет в структуре словарной статьи. Изучается тематическая принадлежность устаревшей и устаревающей лексики.

Н.В. Полторакова, С.С. Шумбасова
КИНОДИСКУРС КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: кинодискурс, аудиовизуальный перевод,
лексико-грамматические трансформации.

В статье рассматривается особый вид дискурса – кинодискурс. Особую популярность кинодискурс как лингвистическое явление получил в связи с влиянием голливудского кино, которое распространено по всему миру и является эффективным инструментом воздействия на аудиторию. Адекватность перевода на русский язык невозможно недооценивать. В настоящей статье представлены примеры перевода при двухмерном субтитровании в языковой паре английский-русский в рамках предъявляемых к аудио-визуальному переводу требований.

М.В. Файзулаева, Л.М. Штейнгарт
ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ИНИЦИИ КОНТАКТА В
РАМКАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА SMALL TALK

Ключевые слова: фатическая коммуникация, речевой жанр small talk, дискурсивная практика, дискурсивная практика инициации контакта, дискурсивные техники, дискурсивные маркеры.

В работе рассмотрены и проанализированы дискурсивные техники, формирующие дискурсивную практику инициации контакта в рамках современного речевого жанра small talk и способы их экспликации в английском языке. В ходе проводимой работы были определены такие понятия, как «фатическая коммуникация», «small talk», «дискурсивная практика» и «дискурсивная техника», «дискурсивный маркер». Small talk был рассмотрен как речевой жанр фатической коммуникации, а не как дискурсивная практика. Была разработана типология дискурсивных практик: дискурсивная практика инициации контакта, восстановления и завершения коммуникации. В рамках дискурсивной практики инициации контакта был выделен ряд дискурсивных техник, среди которых: обращение к общей presupпозиции, использование контактоустанавливающих вопросов, использование прецедентных имён и высказываний, комплимент, игра слов. Приведены и изучены дискурсивные маркеры, необходимые для реализации дискурсивной техники использования контактоустанавливающих вопросов.

Л.Г. Юсупова, З.Р. Ахметзадина
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В АКТУАЛИЗАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА "HATRED" /
"НЕНАВИСТЬ" (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ)

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный
концепт, язык и культура, эмоциональная картина мира,
национальный менталитет, национальный характер.

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу одного из базовых отрицательных эмоциональных концептов - "hatred" / "ненависть" в английском и русском языках. В статье рассматриваются основные понятия лингвокультурологии как науки, прежде всего, лингвокультурный концепт. Изучение языковых явлений с позиции лингвокультурологии даёт возможность раскрыть сущность национальной культуры, национального менталитета. Лингвокультурологический анализ эмоционального концепта "hatred" / "ненависть" в английском и,

English paronyms. The most productive type of phoneme transformation was revealed.

E.V. Plisov, A.M. Khamidulin
OUTDATED VOCABULARY IN THE GERMAN GENERAL
EXPLANATORY DICTIONARY

Keywords: obsolete vocabulary, archaism, dictionary entry
structure, thematic classification.

The article is devoted to the study of the processes of archaization of German vocabulary with the use of lexicographic data. The lexicographic combinatorics are analyzed, including the localization of markers in the structure of the dictionary entry. Thematic affiliation of obsolete and outdated vocabulary is being studied.

N.V. Poltorakova, S.S. Shumbassova
FILM DISCOURSE AS AN OBJECTIVE OF LINGUISTIC
RESEARCH

Keywords: film discourse, audio-visual translation, lexical and
grammatical transformations.

The article deals with a special kind of discourse – film discourse. The special popularity the film discourse as a linguistic phenomenon has acquired due to the influence of Hollywood cinema that is spread globally and is an effective tool for influencing the audience. The adequacy of the translation into Russian should not be underestimated. This article presents examples of translation at two-dimensional subtitling in the English-Russian language pair within the requirements for audio-visual translation.

M.V. Faizulaeva, L.M. Shteyngart
DISCURSIVE PRACTICE OF CONTACT INITIATING IN
SMALL TALK

Keywords: phatic communication, small talk, discursive practice,
discursive practice of contact initiating, discursive techniques,
discursive markers.

The article deals with small talk discursive techniques constituting the discursive practice of contact initiating, and discursive markers of their realization in the English language. The following terms have been defined: "phatic communication", "small talk", "discursive practice", and "discursive technique", "discursive marker". Small talk has been analyzed as a phatic communication speech genre in contrast to small talk as a discursive practice. A typology of discursive practices (the discursive practice of contact initiating, communication repairing, and communication finishing) has been composed. Several discursive techniques have been singled out within the discursive practice of contact initiating: addressing to a common presupposition, using contact initiating question, using precedent names and phrases, making a compliment, word play. Discursive practices constituting the discursive technique of contact initiating have been studied and analyzed.

L.G. Yusupova, Z.R. Akhmetzadina
ACTUALIZATION OF THE EMOTIONAL CONCEPT
"HATRED" (LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS)

Keywords: linguoculturology, linguocultural concept, language
and culture, emotional picture of the world, national mentality,
national character.

This article is devoted to the linguocultural analysis of one of the basic negative emotional concepts - "hatred" in English and Russian languages (on the material of literary texts). The article deals with the basic concepts of linguoculturology as a science, first of all, linguocultural concept. The study of language phenomena from the position of linguoculturology makes it possible to reveal the essence of national culture, national mentality. Linguistic and cultural analysis of the emotional concept "hatred" in English and Russian languages contributes to the disclosure of the spiritual, cultural and social essence of these ethnic groups.

русском языках способствует раскрытию духовной, культурной и социальной сущности данных этносов. А сопоставительный анализ на материале 2-х языков поможет установить универсальные и национально-специфические черты рассматриваемых языковых общностей.

Е.В. Белова, Т.С. Василенко, И.В. Журавлева
СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: бытовое общение, конфликт, манипуляция.
В статье сообщается об основных тактиках для осуществления манипулятивного воздействия в бытовом конфликтном дискурсе. Рассмотрено понятие бытового общения и бытового конфликта; приведены приемы манипуляции в бытовом конфликте. Проведен анализ средств и приемов манипуляции

И.В. Варуха
МОДИФИКАТОР В МОДЕЛЯХ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЭМОТИВОВ СТРАХА В АНГЛИЙСКОМ,
РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)

Ключевые слова: эмотив, модификатор, внутренняя форма, сема.

Статья рассматривает внутреннюю форму процессуальных лексических единиц, обозначающих страх в английском, русском и французском языках. Исследованию подвергается модификатор, то есть мотивирующий признак, который модифицирует содержание интегральной семы. В дальнейшем производится сопоставление моделей внутренней формы в языках сравнения.

Д.Р. Гайнанова
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА
АКЧА (ДЕНЬГИ) В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА.

Ключевые слова: концепт, акча (деньги), паремии, пословицы, лингвокультурология, татарский язык.

Паремииологический фонд языка очень важен, так как именно через пословицы и поговорки удается установить специфические черты менталитета. С целью выявления особенностей репрезентации концепта акча (деньги) в татарской лингвокультуре, были отобраны и проанализированы пословицы и поговорки с ключевым словом акча (деньги). Паремии с лексемой акча (деньги) дают представление о ценностях и в то же время антиценностях татарского народа.

А.З. Гандалоева, Т. Ханиева
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ
ИНГУШСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: комплексное обучение, коммуникативная направленность, интерферирующее влияние, автоматизированный навык, аналогия, графема, фонема, лингвистические средства, сегмент потока речи.

В данной работе сделана попытка по определению и усовершенствованию содержания и методов обучения ингушскому языку. Рассматриваются основные цели и задачи по совершенствованию содержания обучения, проанализированы основные принципы усвоения закономерностей и норм ингушского языка. Установлена основная функция языка, как форма определенного содержания в процессе преподавания.

М.В. Грушина, О.Г. Остапенко, О.Н. Поддубская
К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ТИТУЛА РУССКОГО ЦАРЯ В
АНГЛИЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

Ключевые слова: царский титул, особенности перевода, письменные памятники.

В работе рассматриваются лингвистические особенности перевода титула русского царя на английский язык в XVI-XVII веках в письменных памятниках ранних англо-русских контактов. В статье описывается сложный путь становления нормы адекватного перевода титула русского государя.

E.V. Belova, T.S. Vasilenko, I.V. Zhuravlieva
MEANS OF MANIPULATION IN EVERYDAY CONFLICT DISCOURSE

Keywords: everyday communication, conflict, manipulation.
The article reports on the main tactics for implementing manipulative influence in everyday conflict discourse. The concept of everyday communication and conflict is considered; the techniques of manipulation in everyday conflict are given.

I.V. Varukha
THE MODIFIER IN THE MODELS OF INNER FORM (ON
THE EXAMPLE OF EMOTIVE EXPRESSIONS OF FEAR IN
THE ENGLISH, RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

Keywords: emotive expression, modifier, inner form, seme.
The article deals with the inner form of the process-related lexical units denoting fear in the English, Russian and French languages. The modifier, that is the motivating feature which modifies the content of the integral seme, is being analyzed. The further contrastive analysis of the inner form models in the languages compared is made.

D.R. Gaynanova
REPRESENTATION OF THE LINGUOCULTURAL
CONCEPT "AKCHA" (MONEY) IN THE
PAREMIOLOGICAL FUND OF THE TATAR LANGUAGE.

Keywords: concept, akcha (money), paremia, proverbs, cultural linguistics, Tatar language.

The paremiological fund of the language is very important, since namely through proverbs and sayings it is possible to establish specific features of the mentality. In order to identify the features of the representation of the concept of akcha (money) in the Tatar linguistic culture, proverbs and sayings with the keyword akcha (money) were selected and analyzed. Proverbs with the lexeme akcha (money) gives an idea of the values and at the same time the disvalues of the Tatar people.

A.Z. Gandaloewa, T. Hanieva
ACTUAL PROBLEMS OF METHODS OF TEACHING THE
INGUSH LANGUAGE

Keywords: complex training, communicative orientation, interfering influence, automated skill, analogy, grapheme, phoneme, linguistic means, speech flow segment.
In this paper an attempt is made to define and improve the contents and methods of education of the Ingush language. The main goals and objectives to improve the content of training are considered, the basic principles of assimilation of laws and norms of the Ingush language are analyzed. The main function of language as a form of certain content in the process of teaching is established.

M.V. Grushina, O.G. Ostapenko, O.N. Poddubskaya
TO THE QUESTION OF THE TRANSFER OF THE TITLE OF
THE RUSSIAN TSAR IN ENGLISH WRITTEN
MONUMENTS

Keywords: Russian Tsar title, particulars of translation, written monuments.
The article examines the translation of Russian Tsar title into English in XVI-XVII centuries in written monuments of early Anglo-Russian contacts. The article describes the difficult way of formation of the norm of adequate translation of the title of the Russian sovereign.

Э.В. Гусева

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: мари́йский язык; заговорно-заклинательный текст; духовные ценности.

Заговорно-заклинательные тексты, существующие устно, исчезают, испытывают изменения в композиционной структуре и лексическом содержании, это приводит к необходимости изучения и записи существующих текстов. В статье рассматриваются духовные ценности в мари́йских заговорно-заклинательных текстах.

К.Д. Данилова, В.В. Лебедева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «НОС» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматизм, соматический фразеологизм, корейский язык, семантическая группа.

Статья посвящена определению и описанию семантической характеристики корейских фразеологических единиц с компонентом «нос». В результате проведенного анализа корейских фразеологизмов с компонентом «нос» было выявлено 6 семантических групп, из которых самыми многочисленными являются фразеологизмы, описывающие психологическое состояние человека, а также характера или поведения человека. Материал исследования показал, что «нос» во фразеологизмах корейского языка в основном используется для выражения отрицательного значения.

К.Г. Егорова, Н.Е. Красильникова

ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ, ВЫСТУПАЮЩИХ В ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМА В КОРЕЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ)

Ключевые слова: эвфемизмы, реклама, дискурс, эвфемизация, заимствованные слова.

В данной статье рассматривается роль заимствованных слов при эвфемизации и их манипулятивный характер в корейском рекламном дискурсе в области пластической хирургии. Зашифрованные эвфемизмы имеют роль улучшить характер отрицательного денотата слова, не вызывая смущения или коммуникативный дискомфорт у слушающего. Заимствованные слова используются для смягчения негативного впечатления, являются подходящими единицами в рекламе, поскольку обладают высокой экспрессивностью и высокой степенью абстракции, характеризующейся семантической неопределенностью.

Н.В. Егоршина

ДИСКУРСИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

Ключевые слова: дискурс, военная журналистика, текст, дискурсивные стратегии, политические тексты.

В статье анализируются типы дискурсивных стратегий в текстах, посвященных вопросам международной политики. Выявлены два типа адресантов данных текстов: «эксперт» и «журналист», рассмотрены их ключевые дискурсивные стратегии. При этом каждый тип стратегии снабжается индивидуальными дискурсивными тактиками: для стратегии эксперта характерно использование сложных многочастных предложений, обилие характеристик, выраженных относительными прилагательными. Для дискурсивной стратегии журналиста более характерно обращение к апперцепционной базе прецедентных феноменов.

А.М. Иванова

ОБЩИЙ ФОНД ЧУВАШСКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА

Ключевые слова: личные имена, антропонимы, языковые контакты, ономастика.

Статья посвящена исследованию личных имен, являющихся общими для языков Урало-Поволжья – чувашского, мари́йского, татарского и удмуртского. Автором устанавливается

E.V. Guseva

SPIRITUAL VALUES IN MARI ESOTERIC TEXTS

Keywords: Mari language, esoteric texts, spiritual value.

Magical texts, existing orally, disappear, experiences changes in the compositional structure and the lexical contents, it leads to the necessity of examining and recording existing texts. The objective of the paper is to study spiritual values in the Mari esoteric texts.

K.D. Danilova, V.V. Lebedeva

SEMANTIC CHARACTERISTIC OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “NOSE” IN KOREAN LANGUAGE

Keywords: phraseological unit, somatism, somatic phraseologism, Korean language, semantic group.

The article is devoted to the definition and description of the semantic characteristics of Korean phraseological units with the component “nose”. As a result, 6 semantic groups were identified, of which the most numerous are phraseological units describing the psychological state of a person, as well as character or behavior of a person. The research material shows that the “nose” in the phraseological units of the Korean language is mainly used to express a negative meaning.

K.G. Egorova, N.E. Krasilnikova

FEATURES OF LOAN WORDS ACTING AS A EUPHEMISM IN THE KOREAN ADVERTISING DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF INTERNET SITES OF PLASTIC SURGERY)

Keywords and phrases: euphemisms, advertising, discourse, euphemization, loan words.

This article discusses the role of loan words in euphemization and their manipulative nature in the Korean advertising discourse in the field of plastic surgery. Encrypted euphemisms have the role of improving the character of the negative denotation of a word without causing embarrassment or communicative discomfort to the listener. Loan words are used to mitigate the negative impression, are suitable units in advertising, because they have a high expressiveness and a high degree of abstraction, characterized by semantic uncertainty.

N.V. Egorshina

DISCOURSES IN POLITICAL ACTIVITY (ON THE MATERIAL OF TEXTS OF MILITARY DIRECTION)

Keywords: discourse, military journalism, text, discursive strategies, political texts.

The article analyzes the types of discursive strategies in texts devoted to international politics. Two types of addressees of these texts are revealed: “expert” and “journalist”, their key discursive strategies are considered. Moreover, each type of strategy is equipped with individual discursive tactics: the expert’s strategy is characterized by the use of complex multi-part sentences, an abundance of characteristics expressed by relative adjectives. For a journalistic discursive strategy, a reference to the apperception base of precedent phenomena is more characteristic.

A.M. Ivanova

GENERAL FOUNDATION OF THE CHUVASH-INTERNATIONAL ANTHROPONYMICON

Keywords: personal names, anthroponyms, language contacts, onomastics.

The article is devoted to the study of personal names common to the languages of the Ural-Volga region – Chuvash, Mari, Tatar and Udmurt. The author establishes an experimental corpus of

опытный корпус антропонимов и описываются параметры, обуславливающие общие черты антропонимикона целого региона. По большей части в Урало-Поволжье в дохристианский период доминировали имена татарского происхождения, а также арабизмы и иранизмы. Новой общей стратой в регионе, за исключением Татарстана, выступает антропонимикон православного происхождения.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СИСТЕМЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА

Ключевые слова: неологизм, аффиксация, заимствование, английский язык, русский язык.

В статье рассматривается процесс заимствования русским языком новых английских слов. Авторы предлагают обобщенную классификацию наиболее распространенных аффиксов, используемых в процессе ассимиляции заимствованных неологизмов к правилам принимающего языка. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о глобальной роли английского языка как источника появления новых слов в словарном составе русского языка.

Е.А. Казанцева
РЕЧЕВЫЕ ТРИГГЕРЫ ДИСГАРМОНИЗАЦИИ УСТНЫХ
ФОРМ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурсивные практики в учебном процессе, экология общения, эмоциогенное воздействие речи.

В работе представлены данные исследования речевых практик в академическом дискурсе с точки зрения их эмоциогенности. Выявлены стереотипные речевые ходы, служащие триггерами эмоциогенно-отрицательных доминантных сценариев и речевые акты, несущие в себе потенциальный риск дисгармонизации академического общения.

И.В. Котельникова, Е.С. Руденко, Р.П. Аведова
ФУНКЦИИ КОННЕКТОРОВ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТОРНТОНА
УАЙЛДРА «МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)

Ключевые слова: автор, персонаж, художественный дискурс, союз, коннекторы.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей функционирования коннекторов в тексте художественного произведения. Для достижения поставленной цели решались задачи по установлению особенностей функционирования коннекторов в дискурсе автора, дискурсе персонажей и несобственно-прямом дискурсе с последующим установлением взаимосвязи между употреблением коннекторов и соответствующим дискурсом. Авторы приходят к выводу, что коннекторы несут значительную функциональную нагрузку в тексте: маркируют перемену точки зрения и тем самым способствуют идентификации дискурса; выполняют организующую функцию; выступают эффективным средством развертывания текста в рамках диалога.

Н.М. Краснова
КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
ТЕРМИНОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 1930-ЫХ
ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ)

Ключевые слова: калька, лексический состав, заимствования, термины.

В работе представлены результаты изучения калек и полукалек, образованных в горномарийском языке в 1930-ых гг. под влиянием русского языка в условиях межкультурного взаимодействия. В качестве предмета исследования выступают особенности образования и функционирования калек.

М.И. Кысылбайкова, Е.М. Жиркова
КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО, КИТАЙСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: концепт, счастье, языковое сознание, слово-стимул, ассоциации.

В работе представлены результаты изучения концепта "счастье" в языковом сознании носителей английского,

anthroponyms and describes the language parameters that define the general features of anthroponyms of a unique region. For the most part, in the Ural-Volga region in the pre-Christian period, names of Tatar origin predominated, as well as Arabisms and Iranian ones. A new common layer in the region, with the exception of Tatarstan, is the anthroponymic dictionary of Orthodox origin.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
ENGLISH NEOLOGISMS IN THE XXI CENTURY RUSSIAN
LANGUAGE SYSTEM

Keywords: neologism, affixation, borrowing, the English language, the Russian language.

The article studies the process of new English words borrowing into the Russian language. The authors suggest a generalized classification of the most widely spread affixes used while assimilating the borrowed neologisms to the rules of the adopting language. The given study proves the hypothesis about the crucial role of the English language as the source of new words in the Russian language word stock.

E.A. Kazantseva
SPEECH TRIGGERS FOR DISGARMONIZATION OF
CLASSROOM DISCOURSE

Keywords: discourse practices in the classroom, ecology of communication, emotiogenic effect of speech.

The paper presents data of research into academic discourse speech practices from the angle of their emotiogenicity. The research reveals the stereotypic speech moves triggering emotiogenically negative dominant scenarios, and the main speech acts bearing a potential risk of communication imbalances in the classroom discourse.

I.V. Kotelnikova, E.S. Rudenko, R.P. Avedova
FUNCTIONS OF CONNECTORS IN THE TEXT (BASED ON
THE EXAMPLE OF T. WILDER'S NOVEL
"THE BRIDGE OF SAN LUIS REY")

Keywords: author, character, fiction discourse, conjunction, connectors.

The purpose of this article is to identify functions of connectors in fiction. The aim of this study has been achieved by establishing connectors' functional peculiarities in the author's discourse, character's discourse and indirect discourse, with further analysis of the correlation between the use of connectors and various discourse types. The study has proved that connectors bear a considerable functional load in fictional texts: they mark change of opinion and thereby contribute to the identification of discourses; perform an organizing function; prove to be an effective means of gradual unfolding of the text within the dialogue.

N.M. Krasnova
CALCING AS METHOD FOR FORMATION OF TERMS IN
HILL MARI IN THE 1930-S
(ON THE MATERIAL OF SCHOOL TEXTBOOKS)

Keywords: calques, vocabulary, borrowings, terms.

The paper presents the results of study of calques formed in the Hill Mari language in the 1930-s under the influence of the Russian language in the context of intercultural interaction. Formation and functioning of calques are the objects of this research.

M.I. Kysylbaikova, E.M. Zhirkova
CONCEPT "HAPPINESS" IN THE LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE ENGLISH, CHINESE AND
RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS

Keywords: concept, happiness, language consciousness, stimulus word, associations.

The paper presents the results of studying the concept "happiness" in the language consciousness of the English,

китайского и русского языков. По традиционному методу исследования концептов выявлены реакции путем свободного ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволил представить структуру исследуемого концепта на трех языках и выявить общее и специфичное в восприятии счастья носителями исследуемых языков.

М.И. Кысылбайкова, М.П. Колодезникова
СТРУКТУРА МАКРОКОНЦЕПТА «ЛИДЕР» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: макроконцепт, лидер, языковое сознание, слово-стимул, английский, китайский языки.

В работе представлены результаты исследования макроконцепта «лидер» в языковом сознании носителей английского языка и китайского языков. Проведен анализ словарных дефиниций слова «лидер» с целью определения слов-стимулов исследуемого макроконцепта. Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент. Анализ полученных данных показал, что в ответах на исследуемые слова-стимулы макроконцепта можно обнаружить некоторые сходства и различия в языковом сознании представителей разных культур.

А.Л. Проводникова
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: дистанционная форма обучения, интерактивная информационная среда, кейс-технологии.

Статья посвящена дистанционному образованию, его задачам и перспективам для российских высших учебных заведений. В данной работе представлены характеристики дистанционной формы обучения и его сравнение с традиционной и заочной формой образования. Обоснованы преимущества дистанционного образования для высших учебных заведений.

М.И. Савостькина, С.Н. Маскаева, Н.И. Швечкова
ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОРДОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: вводная конструкция, художественный текст, структурно-семантическая функция.

В статье на основе анализа языкового материала раскрываются особенности употребления вводных конструкций в прозаических произведениях мордовских (мокшанских, эрзянских) писателей в структурно-семантическом и функциональном аспектах.

Е.Ю. Семушина
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ЭЛЛИПСИСА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: контекстуальная трансформация; эллипсис; фразеологическая единица; компонент.

В статье рассматриваются способы передачи окказионального фразеологического эллипсиса (аллюзии) на язык перевода. Исследование направлено на выявление адекватных способов передачи окказионального явления при сохранении интенции автора. Особое внимание уделяется следующим аспектам: присутствующий в тексте компонент исходной фразеологической единицы и особенности окказионального контекста и структуры исследуемых языков.

Чжан Хундань, Л.С. Заморщикова
НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Ключевые слова: коммерческая реклама в Китае, вербальный компонент, невербальный компонент, креолизированный текст. В работе представлены результаты исследования коммерческой рекламы в Китае, ее история и современное состояние. Реклама исследуется как креолизированный текст. Выявляются особенности функционирования вербального и невербального компонентов.

Chinese and Russian native speakers. According to the traditional method of studying concepts, reactions were revealed by a free associative experiment. An analysis of the data obtained made it possible to present the structure of the studied concept in three languages and to reveal the general and specific in the perception of happiness by the speakers of the studied languages.

M.I. Kysylbaikova, M.P. Kolodeznikova
STRUCTURE OF THE MACROCONCEPT "LEADER" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

Keywords: macroconcept, leader, language consciousness, stimulus word, English, Chinese languages.

Article presents the results of study of the macroconcept "leader" in the language consciousness of the English and Chinese native speakers. The dictionary definitions of the word "leader" are analyzed to determine the stimulus-words of the macroconcept. The main research method is an associative experiment. An analysis of the data showed that the answers to the stimulus-words of studied macroconcept presented some similarities and differences in the language consciousness of representatives of different cultures.

A.L. Provodnikova
DISTANCE EDUCATION: TASKS AND PROSPECTS

Keywords: distance learning, distance education, interactive information environment, case technologies.

The article is devoted to distance education, its tasks and prospects for Russian higher educational institutions. This paper presents the characteristics of distance forms of learning and their comparison with the traditional and extramural forms of education. The advantages of distance education for higher education institutions are substantiated.

M.I. Savostkina, N.I. Shvechkova, S.N. Maskaeva
INTRODUCTORY DESIGNS IN WORKS OF MORDOVIAN WRITERS: STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL ASPECTS

Keywords: introductory design, literary text, structural and semantic function.

Based on the analysis of linguistic material, the article reveals the features of using introductory constructions in prose works of Mordovian (Moksha, Erzya) writers in structural-semantic and functional aspects.

E.Y. Semushina
PECULIARITIES OF TRANSFERENCE OF ALLUSION OF PHRASEOLOGICAL UNITS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Keywords: contextual transformation, allusion, phraseological unit, component.

The article focuses on the ways of transferring an occasional phraseological ellipse (allusion) into the target language. The study is aimed at identifying adequate ways of translation while maintaining the intention of the author. Special attention is paid to the following aspects: the component of the original phraseological unit left in the text, and the peculiarities of the occasional context and structure of the studied languages.

Zhang Hongdan, L.S. Zamorshchikova
ETHNOCULTURAL FEATURES OF FUNCTIONING OF VERBAL AND NON-VERBAL IN COMMERCIAL ADVERTISING IN CHINA

Keywords: commercial advertising in China, verbal component, non-verbal component, creolising text.

This paper presents the study of commerce advertising in China, its history and modern state. The commercial advertising is analyzed as creolising text. The peculiarities of functioning of verbal and non-verbal components are revealed.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 02.12.2019

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 02.12.2019

10,5 усл.печ.л. 12,7 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3110.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена – договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»